

A black and white close-up portrait of a young man, Michael Stille, with wet hair and skin, looking intensely at the camera. A pair of swimming goggles is visible at the bottom. The background shows a swimming pool lane with a number 5.

ШАГ НА ГРАНИ

МАЙКЛ СТИЛ

Шаг на грани

Майкл Стил

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Серебро с золотым отливом

Глава 2. Формула здоровья

Глава 3. Свет софитов

Глава 4. Незаметная тень

Глава 5. Советник

Глава 6. Встреча в закрытом клубе

Глава 7. Первый вброс

Глава 8. Голоса «экспертов»

Глава 9. Бумага с печатью

Глава 10. Вакуум

Глава 11. Утро, которого не было

Глава 12. Бетонные стены

Глава 13. Падение кумира

Глава 14. Бюрократия смерти

Глава 15. Последняя опора

Глава 16. Край моста

Глава 17. Пять лет спустя

Глава 18. Другие голоса

Глава 19. Цифровой след

Глава 20. Глобальная паутина

Глава 21. Цена «спасения»

Глава 22. Слова, лишаящие человечности

Глава 23. Утечка

Глава 24. Сборка доказательств

Глава 25. Информационный взрыв

Глава 26. Эпилог. Светлая грусть

Источники

Пролог

Запах казенного учреждения всегда одинаков: смесь хлорки, старой бумаги, влажной штукатурки и застарелого человеческого пота, въевшегося в деревянные скамьи. Илья сидел на одной из таких скамей в коридоре следственного изолятора, глядя на свои руки. Эти руки помнили сопротивление воды в олимпийском бассейне, помнили тяжесть серебряной медали, помнили крепкое рукопожатие отца в аэропорту всего полгода назад. Теперь они были абсолютно пусты.

Окно выдачи вещей открылось с резким, лязгающим звуком. Женщина в форме, не поднимая глаз, выставила на потертый подоконник прозрачный пластиковый пакет. Внутри лежали серые спортивные штаны, стоптанные кроссовки без шнурков, дешевые пластиковые часы с треснувшим стеклом и обручальное кольцо.

— Распишитесь в описи, — сухо произнесла она, пододвигая к нему бумагу. — Фамилия, инициалы, дата.

Илья взял ручку. Чернила ложились на дешевую бумагу неровно. В графе «Причина выдачи» стоял небрежный штамп: «В связи со смертью обвиняемого». Никаких соболезнований. Никаких объяснений. Просто бюрократическая процедура завершения учетной карточки.

Его отец, человек, который построил с нуля компанию по производству витаминов, который знал каждого из четырехсот своих сотрудников по имени, который бегал по утрам и ни разу в жизни не нарушил закон, умер здесь, на бетонном полу камеры, от острого инфаркта миокарда. Ему просто не передали лекарства. Врач изолятора счел жалобы «симуляцией подследственного».

Илья смотрел на обручальное кольцо сквозь мутный пластик пакета. Оно казалось чужим. Вся его прошлая жизнь теперь казалась чужой, выдуманной историей, которую он когда-то прочитал в книге.

Как это произошло? Как быстро слова на бумаге могут убить человека?

Всё началось не с ареста. Не с выбитых дверей и людей в масках, ворвавшихся в их дом на рассвете. Всё началось со слов. Сначала в анонимных каналах появилось слово «культ». Потом уважаемый человек в костюме, называвший себя профессором и экспертом, произнес с экрана телевизора фразу «деструктивная секта». Затем появились статьи, где заботу о здоровье клиентов называли «контролем сознания», а корпоративные тренинги — «психологическим насилием».

Илья помнил, как отец пытался оправдываться. Он приносил в редакции финансовые отчеты, сертификаты качества, отзывы благодарных клиентов. Он верил в силу фактов. Он думал, что произошла чудовищная ошибка, которую можно исправить, если просто показать правду. Но системе не нужна была правда. Системе нужен был враг.

Ярлык «сектант» сработал как социальная проказа. От них отвернулись партнеры. Банки заморозили счета. Соседи перестали здороваться. А потом пришла система, вооруженная «научным заключением», в котором на сорока страницах псевдоакадемического текста доказывалось, что их семья — это угроза национальной безопасности.

Илья забрал пакет. Пластик неприятно скрипнул в тишине коридора.

— Следующий, — бросила женщина в окно, хотя за Ильей никого не было.

Он вышел на улицу. Морозный воздух обжег легкие. В кармане куртки завибрировал телефон. Это был адвокат. Илья знал, что он скажет: апелляция по мере пресечения для матери отклонена. Она останется в женском СИЗО, несмотря на обострение астмы. Судья посчитал, что «лидер деструктивной группы может оказать давление на свидетелей».

Илья остановился у кирпичной стены изолятора. Он посмотрел на серое небо, перечеркнутое проводами. В спорте правила были просты: ты тренируешься, ты плывешь, секундомер фиксирует результат. Здесь правил не было. Была только невидимая сеть, которая набрасывалась на жертву, парализуя её волю, лишая голоса, превращая в социальный труп еще до физической смерти.

Они забрали его отца. Они убивают его мать. Они стерли его имя из списков сборной.

Илья сжал пластиковый пакет так сильно, что побелели костяшки пальцев. Он больше не был спортсменом. Он больше не был сыном успешных предпринимателей. В этот момент, стоя на промерзшем асфальте, он стал кем-то другим. Человеком, которому больше нечего терять. Человеком, который должен понять, как работает эта машина уничтожения, найти тех, кто нажимает на кнопки, и заставить их ответить за каждое написанное слово.

Глава 1. Серебро с золотым ОТЛИВОМ

Вода всегда казалась ему плотной, почти осязаемой материей, с которой нужно было не бороться, а договариваться. Но на последних пятнадцати метрах олимпийского бассейна вода превратилась в бетон.

Илья сделал вдох — короткий, рваный глоток воздуха над бурлящей поверхностью, — и снова опустил лицо в спасительную, но удушающую синеву. Вкус хлорки оседал на корне языка едкой химической горечью, смешиваясь с солоноватым привкусом собственной крови из микротрещин в пересохшем горле. Мышцы плечевого пояса горели так, словно вместо крови по венам пустили расплавленный свинец. Каждое движение рук, каждый удар ногами требовали не просто физического усилия, а абсолютного, тотального подчинения воли.

Двести метров вольным стилем. Самая жестокая дистанция, где спринтерская скорость должна удерживаться на стайерском терпении.

Справа, на соседней дорожке, пенился след от австралийца. Илья не видел его, но чувствовал ритм чужого тела сквозь колебания воды. Оставалось пять метров. Три. Один.

Удар о пластиковый щит бортика.

Илья вынырнул, судорожно хватая ртом воздух, срывая с глаз запотевшие очки. В ту же секунду на него обрушился звук. Гул многотысячной трибуны не просто звучал — он вибрировал в грудной клетке, пробивался сквозь толщу воды, отдаваясь звоном в ушах. Это был первобытный, оглушающий рев толпы, приветствующей финал.

Он поднял глаза на гигантское электронное табло под сводами арены. Напротив его фамилии горела цифра «2». Время: 1:44.12. Отставание от золота — двенадцать сотых секунды. Толщина ладони. Одно лишнее моргание.

Но разочарования не было. Было лишь звенящее, кристально чистое чувство выполненного долга. Он отдал в этом бассейне всё, до последней капли гликогена, до последнего сокращения сердечной мышцы. Это было серебро, но для него оно отливало чистейшим золотом, потому что оно было честным.

Позже, сидя в гулкой кафельной тишине раздевалки, когда репортеры остались за дверями микст-зоны, Илья долго смотрел на медаль, лежащую на его ладони. Тяжелый диск из переработанного металла охлаждал кожу. В этом весе заключались пятнадцать лет его жизни. Подъемы в половину пятого утра, запах сырости в старых душевых, тысячи километров, намотанных от бортика к бортику, стертые в кровь пальцы о разделительные дорожки.

Спорт научил его главному правилу, которое стало фундаментом его мировоззрения: мир абсолютно справедлив. Это была безупречная математика усилий. Если ты проплываешь на тренировке сто километров в неделю, если ты соблюдаешь режим, если ты не лжешь самому себе, когда тренер отворачивается — секундомер это покажет. Секундомер не умеет брать взятки, у него нет любимчиков, он не подвержен эмоциям. Ты получаешь ровно то, что заработал. Правила одинаковы для всех: вода, дистанция, время. Соблюдай правила, работай на пределе, и результат неизбежно придет.

Эта вера в честность мироустройства была впитана им с детства. Она досталась ему не от тренеров, а от родителей.

В самолете, летящем рейсом из олимпийской столицы в Москву, Илья прислонился лбом к прохладному иллюминатору, глядя на проплывающие внизу облака. До посадки оставалось меньше часа. В кармане куртки лежал телефон, разрывающийся от сотен сообщений, но он ждал только одной встречи.

Его родители, Андрей и Елена, никогда не были связаны с большим спортом, но именно они показали ему, что такое настоящая марафонская дистанция. Илья закрыл глаза и вспомнил 2012 год. Ему было двенадцать. Их семья тогда жила в тесной двушке на окраине города. Отец, ученый-биохимик, ушедший из разваливающегося НИИ, и мать, врач-терапевт, решили создать свое дело — производство натуральных витаминов и биологически активных добавок.

Илья помнил ночи, когда он просыпался попить воды и видел полоску света из кухни. Там, за столом, заваленным чертежами экстракторов и таблицами химических соединений, сидел отец. Он тер покрасневшие глаза, но не уходил спать, пока не находил нужную формулу для стабилизации растительного экстракта. А утром, в шесть часов, отец молча брал ключи от старой машины и вез Илью на тренировку, ни разу не пожаловавшись на усталость.

«Труд — это единственная валюта, которая никогда не обесценивается, Илюха», — говорил отец, выруливая на заснеженный проспект. — «Можно обмануть кого угодно, но нельзя обмануть законы физики и собственную совесть. Делай свое дело чисто, и тебе никогда не придется опускать глаза».

Они строили свою компанию так же, как Илья строил свою спортивную карьеру — миллиметр за миллиметром, опираясь только на собственные силы. Когда их первая лаборатория, арендованная в полуподвальном помещении, наконец выпустила первую партию экологически чистых добавок, мать сама обзванивала аптеки, доказывая качество их продукта. Они знали по именам своих первых сотрудников. Они лично проверяли каждую партию сырья. Их бизнес был не просто способом заработать деньги — это было продолжение их жизненной философии. Помогать людям быть здоровыми, делать это честно, прозрачно и с полной самоотдачей.

И эта философия сработала. Как сработали тренировки Ильи. К моменту его отъезда на Олимпиаду семейная компания превратилась в крепкое, уважаемое предприятие. Они построили новый цех, обеспечили рабочими местами четыреста человек, их продукцию рекомендовали врачи по всей стране. Для Ильи успех родителей был главным доказательством того, что мир работает правильно. Честные люди, создающие полезный продукт, получают

заслуженное признание. Законопослушный гражданин, отдающий всего себя своему делу, всегда находится под защитой общества и государства.

Шасси самолета коснулись бетонки Шереметьево с глухим ударом. Салон взорвался аплодисментами — пассажиры знали, с кем летят одним рейсом. Илья вежливо улыбнулся, кивнул соседям, но его мысли были уже там, за зоной таможенного контроля.

Когда автоматические стеклянные двери терминала разъехались в стороны, на него обрушилась стена света и звука. Вспышки фотокамер слепили глаза, десятки микрофонов потянулись к его лицу, журналисты выкрикивали вопросы, перебивая друг друга. Представители федерации в строгих костюмах пытались организовать коридор.

Но Илья искал глазами только двоих.

Он увидел их чуть в стороне от основной толпы репортеров. Андрей стоял, чуть сутулясь, в своей неизменной вельветовой куртке, его волосы заметно поседели за последние годы, но глаза светились той же спокойной, уверенной гордостью. Елена держала в руках небольшой букет полевых цветов — никаких пафосных роз, только то, что он действительно любил. Она плакала, даже не пытаясь вытирать слезы, которые катились по ее щекам.

Илья мягко, но решительно отодвинул микрофон какого-то телеканала, протиснулся сквозь кольцо охраны и шагнул к ним.

Отец обнял его первым. Крепко, по-мужски, так, что хрустнули позвонки. От него пахло знакомым с детства парфюмом с нотами ветивера и свежей типографской краской — видимо, прямо перед выездом в аэропорт он проверял новые этикетки в цеху.

— Ты сделал это, сын, — голос отца дрогнул, но он быстро взял себя в руки. — Мы смотрели трансляцию в лаборатории. Весь цех работу остановил. Ты выложился на сто процентов.

— Серебро, пап. Чуть-чуть не дотянул.

— Это самое золотое серебро, которое я видел, — отец отстранился и посмотрел ему прямо в глаза. — Ты нигде не схалтурил. Ты играл по правилам и забрал свое. Я горжусь тобой.

Мать просто прижалась к его груди, уткнувшись лицом в спортивную куртку с гербом сборной. Илья обнял ее, чувствуя, какая она хрупкая.

— Илюша... мальчик мой... — только и смогла произнести она, глядя его по спине руками, на которых навсегда остались едва заметные следы от химических реактивов из их первых, самых трудных лет работы. — Главное, что ты вернулся. Главное, что ты здоров.

В этот момент, стоя в шумном, суетливом зале прилета, под прицелом телекамер, Илья чувствовал абсолютную, непробиваемую защищенность. Они были вместе. Крепкая семья, где каждый знал цену труду. Где каждый добился своего места под солнцем честным путем.

Позже, когда они вырвались из аэропорта и ехали по ночному шоссе в сторону дома, Илья сидел на заднем сиденье отцовского внедорожника. В салоне было тепло и тихо, играла негромкая музыка. Мать повернулась с переднего сиденья, протягивая ему термос с горячим чаем — она знала, как у него болит горло после соревнований.

Илья взял термос, чувствуя тепло металла. Он смотрел на затылок отца, уверенно ведущего машину, на профиль матери, освещенный желтым светом уличных фонарей. Медаль лежала в рюкзаке у его ног.

Всё было на своих местах. Жизнь казалась длинной, прямой и понятной дорогой, где правила дорожного движения соблюдаются всеми без исключения. Где зеленый свет горит для тех, кто не нарушает закон, а красный останавливает тех, кто пытается играть нечестно. Илья закрыл глаза, убаюканный мерным гулом мотора. Он не знал, что эта ночь — последняя в его жизни, когда он может позволить себе роскошь верить в справедливость этого мира.

Глава 2. Формула здоровья

Производственный комплекс компании «БиоТраектория» встречал каждого входящего густым, сложным ароматом. В нем смешивались терпкие

ноты сушеного чабреца, горьковатый холодок перечной мяты, тяжелая сладость солодки и едва уловимый, стерильный запах кварцевания. Для Ильи этот запах был синонимом дома не в меньшей степени, чем аромат утреннего кофе на их тесной кухне.

Спустя три дня после возвращения из олимпийской столицы, когда первая волна звонков от журналистов немного спала, он приехал на завод. Ему нужно было это заземление. После ослепительного света софитов, после оглушающего рева трибун и бесконечного напряжения олимпийской деревни, мерный, предсказуемый гул вентиляционных систем цеха действовал как лучшее успокоительное.

Илья стоял в шлюзовой камере, натягивая на кроссовки плотные синие бахилы и поправляя одноразовую шапочку перед зеркалом. За толстым стеклом начиналась «чистая зона».

Отец ждал его по ту сторону турникета. На Андрее был безупречно белый халат, на нагрудном кармане которого синими нитками был вышит логотип компании — стилизованный лист папоротника, вписанный в строгий геометрический круг.

— Проходи, чемпион, — улыбнулся отец, когда автоматические двери бесшумно разъехались в стороны. — Пока ты там медали собирал, мы тоже на месте не сидели. Запустили новую линию капсулирования. Хочу показать.

Они пошли по длинному коридору с наливными эпоксидными полами, в которых отражались светодиодные лампы. Стены здесь были прозрачными. Это было принципиальное решение Андрея еще на этапе проектирования здания: никакой закрытости, никаких глухих дверей в производственных помещениях. Любой проверяющий, любой партнер или даже участник студенческой экскурсии мог видеть весь процесс от начала до конца.

За стеклом мерно работали машины из нержавеющей стали. В огромных блестящих бункерах смешивались растительные экстракты, по прозрачным трубкам подавалась очищенная вода, а на выходе аккуратные ряды желатиновых капсул сыпались в приемные лотки.

— Доброе утро, Андрей Николаевич! — из-за стеклянной перегородки вышел высокий мужчина в защитных очках, сдвинув на подбородок респиратор.

— Здравствуй, Виктор Степанович, — отец остановился и крепко пожал руку старшему технологту смены. — Как давление в третьем реакторе? Держит норму?

— Идеально, как по учебнику. Вышли на проектную мощность еще в семь утра.

— Отлично. Слушай, Виктор, — голос отца стал тише, утратив директорские интонации. — Как там Мария? Выписали ее из кардиологии?

Технолог благодарно кивнул, морщинки вокруг его глаз разгладились.

— Да, вчера забрал. Врачи говорят, кризис миновал. Спасибо вам огромное, Андрей Николаевич, что помогли с квотой на операцию. Если бы не ваш звонок главврачу...

— Брось, — отец махнул рукой. — Мария Васильевна у нас в бухгалтерии с самого основания работает, она нам не чужая. Пусть восстанавливается спокойно, скажи ей, чтобы раньше октября даже не думала на работу выходить. Больничный оплатим в полном объеме.

Они пошли дальше. Илья наблюдал за отцом. В компании работало более четырехсот человек, и Андрей знал если не всех, то абсолютное большинство. Он помнил, у кого дети поступают в институт, у кого проблемы с ипотекой, кто увлекается зимней рыбалкой. Это не было заученной корпоративной этикой из модных западных учебников по менеджменту. Это была естественная потребность человека, который строил свое дело своими руками и воспринимал коллектив как расширенную версию собственной семьи.

Бизнес «БиоТраектории» был до скучного прозрачен. Они производили биологически активные добавки: витаминные комплексы, экстракты алтайских трав, комплексы для поддержки суставов, омега-3 жирные кислоты. Никаких «чудодейственных пилюль от всех болезней», никаких обещаний вечной молодости или исцеления от рака. Только научно обоснованные формулы, направленные на восполнение дефицита микроэлементов в организме городского жителя.

Их продукция продавалась в обычных аптеках. Человек просто заходил в светлый торговый зал на Ленинском проспекте или в спальном районе, видел на

полке баночку в упаковке из переработанного картона с понятным составом, оплачивал ее на кассе и уходил домой. Никто не требовал от покупателя оставлять номер телефона. Никто не звонил ему по вечерам с навязчивыми предложениями. Никто не приглашал его на «закрытые семинары по оздоровлению» и не обещал финансовой независимости за привлечение новых клиентов.

Это была чистая, классическая коммерция, лишенная малейших признаков психологического давления. Клиент был абсолютно свободен в своем выборе. Если витамины помогали ему чувствовать себя бодрее — он покупал их снова. Если нет — просто выбирал другой бренд.

Они подошли к дверям лаборатории контроля качества. Здесь царствовала мать.

Елена сидела за широким столом, заваленным распечатками хроматограмм. Рядом тихо гудел жидкостный хроматограф — гордость лаборатории, аппарат стоимостью в несколько миллионов рублей, купленный в лизинг два года назад. Мать не заметила их появления. Она хмуро изучала документ, водя кончиком карандаша по столбцам цифр.

— Лена, мы к тебе с инспекцией, — мягко произнес отец.

Она подняла голову, сняла очки в тонкой металлической оправе и устало потерла переносицу. Но увидев Илью, мгновенно преобразилась.

— Илюша! А я думала, ты сегодня отсыпаться будешь.

Она встала и обняла сына. От нее пахло чем-то неуловимо цветочным.

— Что у тебя тут за военный совет? — спросил Андрей, кивая на бумаги.

Елена снова надела очки, и ее лицо приняло строгое, профессиональное выражение. Она взяла со стола верхний лист.

— Протокол номер 412-Б от пятнадцатого августа. Партия экстракта гинкго билоба от нашего нового поставщика из предгорий Алтая. Пятьсот килограммов сырья.

— И что не так? Документы же в порядке, сертификаты соответствия они прислали.

— Бумаги они прислали красивые, — жестко ответила мать. — А вот наш спектральный анализ показывает уровень свинца выше нашего внутреннего стандарта. На две сотые миллиграмма на килограмм.

— Две сотые? — переспросил отец. — Лена, по обязательным нормативам это еще проходит. Аккредитованная лаборатория такую партию, скорее всего, пропустит без вопросов. Это почти на границе методической погрешности.

— По обязательным нормативам проходит. По моим стандартам — нет, — отрезала Елена. Она подошла к окну, за которым виднелись ряды стеллажей на складе сырья. — Андрей, мы позиционируем эту линейку как экологически чистую. Ее будут пить пожилые люди для улучшения микроциркуляции крови. Ее будут пить студенты во время сессии. Я врач. Я давала клятву. Если я знаю, что в этом сырье есть хоть минимальный след свинца из-за того, что они собирали траву слишком близко к трассе, я это в производство не пущу.

— Мы потеряем около двух миллионов рублей на возврате и неустойке за срыв сроков поставки в аптечные сети, — спокойно констатировал отец, не споря, а просто обозначая факты.

— Значит, потеряем два миллиона, — мать посмотрела ему прямо в глаза. — Мы не продаем то, что я побоялась бы дать собственному сыну. Оформляй акт возврата.

Отец улыбнулся. В этой улыбке было столько уважения и тихой гордости за жену, что Илье на секунду стало неловко, словно он подсмотрел что-то глубоко интимное.

— Хорошо. Я сейчас же дам распоряжение юристам составить претензию поставщику.

Именно на таких решениях, невидимых для конечного потребителя, строилась репутация «БиоТраектории». Это была ежедневная, рутинная, изматывающая работа по поддержанию качества.

Позже, когда родители ушли на плановое совещание с руководителями отделов, Илья сидел в комнате отдыха для персонала. Это было светлое помещение с большими окнами, кофемашиной, мягкими диванами и обилием живых растений в кадках.

Он пил крепкий черный кофе и рассматривал информационную доску на стене. Она была увешана обычными, земными объявлениями. График дежурств по кухне. Поздравление логиста Сергея с рождением дочери — кто-то прикрепил к листу розовую ленточку. Объявление о сборе средств на приют для бездомных животных, который компания поддерживала уже третий год. Инструкция по технике пожарной безопасности с подписями всех сотрудников.

Здесь не было никаких лозунгов, никаких портретов основателей в золотых рамках, никаких призывов к «изменению сознания». Только расписание медосмотров, графики отпусков и напоминания о необходимости своевременно сдавать авансовые отчеты в бухгалтерию.

Илья смотрел на толстые папки с документами, стоящие на полках в открытом шкафу. На корешках значилось: «Акты проверок Роспотребнадзора», «Налоговые декларации за 2020 год», «Журнал учета инструктажей по охране труда». Сотни, тысячи страниц сухой бюрократической прозы, подтверждающей, что каждый шаг этой компании задокументирован, проверен государством и абсолютно легален.

Вся эта рутина, все эти скучные цифры, строгие санитарные нормы и акты возврата некачественного сырья создавали ощущение невероятной прочности. Это был фундамент, залитый на совесть. Илья чувствовал здесь ту же самую логику, что и в спорте высших достижений. Ты не можешь обмануть воду в бассейне, и ты не можешь обмануть лабораторный хроматограф. Ты просто делаешь свою работу честно, день за днем, год за годом.

Вечером, когда смена закончилась, они втроем вышли на парковку перед зданием завода. Летние сумерки уже опустились на город, окрасив небо в глубокие синие тона.

Огромное здание цеха постепенно погружалось в темноту. Автоматика гасила свет в пустых коридорах и лабораториях. Оставались гореть только дежурные лампы по периметру забора и в будке охраны.

Отец подошел к главному входу, чтобы лично проверить замки — старая привычка, от которой он не мог избавиться со времен, когда они арендовали полуподвал и сами сторожили свое оборудование. Он вставил ключ в скважину массивной металлической двери.

Раздался тяжелый, металлический щелчок. Звук надежности. Звук закрытой двери, за которой остается честно сделанная работа.

Отец повернулся к Илье, подбрасывая на ладони связку ключей. Металл тихо звякнул в вечерней тишине.

— Ну что, поехали домой? Мать обещала пирог с яблоками испечь. Заслужили.

Илья смотрел на темный силуэт завода на фоне ночного неба. Здание стояло прочно, вросшее бетонными сваями в землю. В этот момент казалось, что в мире нет силы, способной разрушить то, что построено на таком прочном фундаменте из ежедневного труда, прозрачности и заботы о людях. Никакие слова, никакие слухи не могли поколебать эти бетонные стены и эти стальные машины. Реальность была слишком осязаемой, слишком настоящей, чтобы кто-то мог просто взять и перечеркнуть ее.

Глава 3. Свет софитов

Вспышка стробоскопа на долю секунды выбелила пространство студии, оставив на сетчатке пульсирующее фиолетовое пятно. Илья послушно повернул голову чуть правее, как просил фотограф, и замер, чувствуя, как по спине под плотной тканью брендовой олимпийки стекает капля пота. От мощных осветительных приборов в павильоне стояла невыносимая жара, несмотря на гудящие под потолком кондиционеры.

— Отлично, подбородок чуть ниже. Взгляд в объектив. Да, вот этот фокус, чемпионская концентрация! — голос фотографа тонул в ритмичной электронной музыке, заполнявшей студию. — Еще три кадра, и переходим к интервью.

Жизнь после возвращения с Олимпиады превратилась в бесконечный калейдоскоп лиц, микрофонов, контрактов и переездов. Вода в бассейне, к которой он привык за пятнадцать лет, сменилась плотным, вязким эфиром

публичности. Илья стал не просто спортсменом — он стал медийным активом, символом успеха и правильных ценностей.

Когда съемка закончилась, к нему подошла девушка с диктофоном — специальный корреспондент крупного глянцевого журнала «Спортивная элита». Они сели в глубокие кожаные кресла в зоне отдыха. Журналистка, сверившись со своими записями, включила запись. Это было уже седьмое интервью за неделю, и Илья начал привыкать к стандартному набору вопросов.

— Илья, ваш прорыв на Играх называют сенсацией. Многие спортсмены ломаются под давлением трибун, но вы выглядели абсолютно спокойным. В чем ваш секрет? Кто или что дает вам эту железобетонную уверенность?

Илья улыбнулся, отпивая воду из пластиковой бутылки. Это был его любимый вопрос, потому что ответ на него не требовал заученных PR-фраз.

— Моя семья, — ответил он искренне. — Знаете, спорт высших достижений — это очень одинокое занятие. Ты один на один с секундомером. Но я никогда не чувствовал себя в изоляции, потому что за мной всегда стояли родители. У нас очень тесная связь. Мы, можно сказать, живем по своим внутренним правилам, которые они заложили еще в моем детстве.

Журналистка оживилась, пододвинув диктофон чуть ближе.

— Расскажите об этих правилах. Это какая-то особая система воспитания?

— Это философия полного погружения, — Илья увлекся, желая отдать дань уважения отцу и матери. — Мои родители создали свою компанию по производству витаминов с нуля. Я видел, как они работают. У нас в семье есть культ дисциплины и здоровья. Мы не пускаем в свой круг случайных людей, мы очень бережем нашу внутреннюю экосистему. Отец всегда говорил: чтобы создать что-то чистое и настоящее, нужно полностью контролировать процесс и доверять только своим. Я тренируюсь по этому же принципу. Я принимаю только те добавки, которые производят они, потому что знаю: там нет ни грамма лжи. Мы как единый организм.

Журналистка быстро делала пометки в блокноте. Илья не мог знать, как эти слова — «культ дисциплины», «внутренняя экосистема», «закрытый круг», «единый организм» — лягут на бумагу. Для него это была ода семейной любви

и честному труду. Он гордился тем, что они не такие, как все, что у них есть свои незыблемые традиции.

На следующий день, 18 сентября, Илья сидел в просторном кабинете на пятьдесят втором этаже башни «Федерация» в Москва-Сити. За панорамными окнами расстился залитый осенним солнцем город. Напротив него, за массивным столом из мореного дуба, расположился его спортивный агент Роман — человек, который переводил секунды, показанные в бассейне, в цифры на банковских счетах.

Роман положил перед Ильей пухлую папку с документами.

— Это эксклюзивный контракт с глобальным брендом спортивной экипировки, — агент постучал дорогим паркером по глянцевой обложке. — Четыре года. Полное обеспечение на весь следующий олимпийский цикл до Парижа. Плюс рекламные интеграции, билборды, телевизионные ролики. Сумма с шестью нулями, Илюха.

Илья пролистал страницы, испещренные мелким юридическим шрифтом.

— Они не требуют от меня переезда в тренировочный лагерь в Европу? — спросил он, задерживая взгляд на разделе обязательств.

— Нет. Федерация настояла на том, чтобы ты готовился здесь. Вчера я разговаривал с главным тренером сборной. На тебя делают основную ставку. Ты теперь лицо нашего плавания. У тебя идеальный профиль для спонсоров: молодой, перспективный, без скандалов, без мутных историй с допингом. Идеальный сын из правильной семьи предпринимателей. Бренды обожают такие истории. Ты для них — гарантия безопасности.

Илья взял ручку и поставил размашистую подпись на последней странице. В этот момент он физически ощутил, как вокруг него смыкаются невидимые, но прочные стены. Статус олимпийского призера, поддержка национальной федерации, контракты с международными корпорациями — всё это создавало непробиваемый купол. Он был защищен законом, деньгами и общественной любовью. Система работала именно так, как учил отец: будь честным, выкладывайся на сто процентов, и общество вознаградит тебя, обеспечив безопасность и процветание.

Вечером того же дня купол безопасности приобрел еще более осязаемые очертания. Илья сидел на открытой веранде ресторана на Патриарших прудах. Напротив него Алиса задумчиво водила тонкой трубочкой по дну бокала с лимонадом. Они познакомились два года назад на выставке современной архитектуры, где Алиса представляла свой дипломный проект. Она была далека от мира большого спорта, не разбиралась в нормативах и не знала в лицо чиновников из министерства. Именно это Илья ценил в ней больше всего — рядом с ней он мог снять невидимую корону чемпиона и быть просто человеком.

Алиса достала из сумки планшет и разблокировала экран.

— Я посмотрела те планировки в жилом комплексе на западе Москвы, о которых мы говорили, — она развернула экран к нему. На дисплее светились строгие линии архитектурных чертежей. — Смотри, здесь отличная инсоляция в гостиной, и до твоей тренировочной базы всего двадцать минут на машине. Если мы оформим сделку до конца месяца, застройщик дает хорошую скидку.

Илья смотрел на линии будущих стен, за которыми они планировали построить свою жизнь.

— Мне нравится, — он накрыл ее руку своей. — Знаешь, я сегодня подписал контракт на четыре года. У нас есть полная финансовая стабильность. Я хочу, чтобы мы переехали туда до Нового года. Хочу, чтобы у нас был свой дом. Такой же надежный, как у моих родителей.

Алиса улыбнулась, чуть прищулив глаза.

— Твои родители — это вообще отдельный феномен. Я иногда смотрю на них и думаю: как можно столько лет быть вместе, вести общий бизнес и не сойти с ума? Вы все какие-то... слишком идеальные, Илья. Я сегодня открыла новостную ленту, а там твое лицо. Открыла социальные сети — там цитаты из твоего интервью. Ты повсюду.

— Это временно, — Илья откинулся на спинку плетеного кресла. — Скоро начнется новый тренировочный цикл, и я снова исчезну в бассейне. Останется только рутина. Я просто хочу зафиксировать этот момент. Понимаешь? Ощущение, что всё сделано правильно. Что мы стоим на твердой земле.

Через неделю вышел свежий номер журнала «Спортивная элита». Илья купил его в газетном киоске по дороге на утреннюю тренировку. На глянцевого обложке он смотрел прямо перед собой, сосредоточенный и спокойный. Заголовок гласил: «Илья Воронцов: Секрет чемпиона — в безоговорочном подчинении семейным правилам».

Он открыл разворот. Журналистка Ксения проделала отличную работу. Текст был написан живо, с уважением к его достижениям. Но глаз Ильи зацепился за врезки — крупные цитаты, вынесенные на поля страницы для привлечения внимания.

«Мы живем по своим внутренним правилам...» «Семья Воронцовых: культ дисциплины и здоровья...» «Мы не пускаем в свой круг случайных людей...» «Я принимаю только то, что производят они...»

В контексте глянцевого интервью о спортивном преодолении эти фразы звучали как гимн традиционным ценностям и целеустремленности. Илья сфотографировал страницу на телефон и отправил в семейный чат. Через минуту пришел ответ от матери: эмодзи в виде красного сердца и короткое сообщение: «Гордимся тобой, сынок. Ты всё сказал правильно».

Вечером Илья стоял на балконе своей съемной квартиры, опираясь локтями о холодные металлические перила. Воздух пах влажным асфальтом и выхлопными газами — типичный запах московской осени. На противоположной стороне широкого проспекта возвышался гигантский цифровой медиафасад. Рекламные ролики сменяли друг друга каждые десять секунд.

Внезапно экран мигнул, и на площади в несколько сотен квадратных метров появилось лицо Ильи. Это была первая интеграция по новому контракту. На видео он выныривал из воды, капли разлетались в замедленной съемке, его взгляд был устремлен вперед. Внизу крупным, рубленным шрифтом загорелся слоган кампании: «Доверяй только своим. Побеждай по правилам».

Илья смотрел на свою цифровую копию, возвышающуюся над ночным городом. Машины внизу казались игрушечными, люди — крошечными точками. В этот момент он чувствовал себя абсолютно неуязвимым. Его жизнь была выстроена по идеальной траектории, защищена контрактами, любовью близких и признанием миллионов. Мир вокруг был логичным, светлым и

полностью находился на его стороне. Ни одна тень не омрачала этот безупречный фасад, и ничто не предвещало, что слова, сказанные им от чистого сердца, уже начали жить своей собственной, разрушительной жизнью.

Глава 4. Незаметная тень

Капли осеннего дождя с глухим стуком разбивались о панорамное стекло шестьдесят второго этажа башни «Меркурий». Вода стекала вниз извилистыми дорожками, искажая огни вечерней Москвы, превращая их в размытые неоновые пятна. Виктор Завьялов, генеральный директор и основной бенефициар фармацевтического холдинга «НеоВита Лаб», стоял у окна, заложив руки за спину. Его не интересовал вид на город. Его взгляд был прикован к отражению огромного плазменного экрана, висящего на противоположной стене кабинета.

На экране светилась тепловая карта продаж безрецептурных препаратов и биологически активных добавок по Центральному федеральному округу за третий квартал. Карта, которая еще год назад была равномерно окрашена в успокаивающий зеленый цвет корпоративного доминирования, теперь зияла тревожными желтыми и красными пятнами.

Завьялов не любил красный цвет. В его выверенной, математически точной картине мира красный означал потерю контроля. А контроль был единственной религией, которую он исповедовал. За двадцать лет он выстроил империю, поглотив десятки мелких лабораторий, выдавив с рынка неуступчивых конкурентов и выстроив железобетонные отношения с дистрибьюторами. «НеоВита Лаб» контролировал сорок процентов премиального сегмента витаминных комплексов в стране. Это была почти монополия в своей нише, мягкая и незаметная для конечного потребителя, но абсолютно безжалостная внутри индустрии.

Позади него, за длинным столом из полированного черного камня, нервно перебирал распечатки Олег Стриженов — директор по продажам. На его лбу

блестела испарина несмотря на то, что климат-контроль поддерживал в кабинете идеальные двадцать градусов.

— Объясни мне это еще раз, Олег, — голос Завьялова звучал тихо, почти ласково. Эта тишина пугала подчиненных гораздо больше, чем крик. — Только без маркетингового птичьего языка. Без «волатильности спроса» и «сезонных флуктуаций». Я хочу знать, почему наша премиальная линейка комплексов для суставов и омега-3 просела на восемнадцать процентов в ключевом регионе.

Стриженов сглотнул, глядя на графики.

— Это аномалия, Виктор Сергеевич. Мы столкнулись с нетипичным поведением потребителя. Проблема локализована вокруг одного конкретного игрока. Компания «БиоТраектория».

Завьялов медленно повернулся.

— Семейная фирма? Те самые, что начинали в подвале десять лет назад?

— Да. Супруги Воронцовы. Мы мониторили их рост, но до этого года они занимали узкую нишу. Эко-продукты, локальные продажи. Однако за последние восемь месяцев их доля рынка начала расти по экспоненте. Они запустили новый цех и вышли на федеральные аптечные сети.

— И что? — Завьялов подошел к столу и оперся на него костяшками пальцев. — У нас рекламный бюджет больше, чем вся их капитализация. У нас контракты с врачами. У нас полки на уровне глаз в каждой аптеке от Калининграда до Владивостока. Раздавите их. Включите демпинг.

— Мы пробовали, — Стриженов достал из папки отдельный лист. — В августе мы запустили акцию в сети «Здравсинтек». Снизили розничную цену на наш флагманский суставной комплекс на тридцать процентов. Мы продавали его практически по себестоимости, чтобы выбить «БиоТраектория» с полок. По правилам рынка, покупатель должен был переключиться на наш продукт. Разница в цене составляла почти тысячу рублей за курс.

— И каков результат?

— Нулевой, — выдохнул директор по продажам. — Продажи «БиоТраектории» не упали ни на один процент. Более того, заведующие аптеками сообщают, что покупатели целенаправленно приходят именно за их

банками. Фармацевты сами рекомендуют их продукцию, даже когда мы предлагаем им повышенный бонус за продажу наших позиций.

Завьялов нахмурился. В его системе координат такого не могло быть. Потребитель всегда голосует кошельком. Если потребитель игнорирует скидку в тридцать процентов, значит, в уравнение вмешался иррациональный фактор.

— Почему? — коротко спросил он.

— Лояльность, — Стриженов развел руками. — Фанатичная, абсолютно непробиваемая лояльность бренду. Воронцовы выстроили вокруг своей компании ореол кристальной честности. Они публикуют результаты независимых экспертиз каждой партии. Они проводят открытые экскурсии на производство. Люди верят им. Покупатели воспринимают их не как безликую корпорацию, а как «своих». Плюс...

Стриженов замялся, перелистывая страницу досье.

— Плюс их сын. Илья Воронцов. После его выступления на Олимпиаде и серии интервью, где он постоянно подчеркивает роль семьи и их продукции в своей подготовке, продажи взлетели в космос. Он стал для них идеальным, бесплатным и абсолютно искренним амбассадором. Они монетизировали его серебряную медаль в доверие миллионов людей.

Завьялов отошел от стола и налил себе минеральной воды из хрустального графина. Лед тихо звякнул о стекло стакана. Ситуация вырисовывалась неприятная. Классические инструменты капитализма давали сбой.

— Хорошо. Если мы не можем их переиграть на полке, мы их купим, — произнес Завьялов, делая глоток. — Свяжитесь с ними через подставной инвестиционный фонд. Предложите цену в два раза выше рыночной оценки их активов. Пусть забирают деньги и уезжают на острова.

— Уже сделали, Виктор Сергеевич. Три недели назад. От лица инвестиционной структуры «ИнвестТорг» мы вышли на Андрея Воронцова с предложением о полном выкупе. Предложили полтора миллиарда рублей. Сумма астрономическая для их масштабов.

— И?

— Он отказался. Даже не стал торговаться или брать время на раздумья. Сказал дословно: «Мы не продаем дело своей жизни. Это не бизнес на продажу, это наша ответственность перед людьми».

Завьялов медленно поставил стакан на стол. В его глазах появилось холодное, расчетливое выражение. Люди, которые не продаются, всегда представляли наибольшую угрозу. Ими невозможно управлять. Их невозможно просчитать с помощью финансовых моделей. Они — системная ошибка, вирус в идеально отлаженной программе монополии.

— Значит, поглощение отпадает, — констатировал Завьялов. — Что у них с налогами? С пожарной безопасностью? С санитарными нормами?

— Идеально чисто, — Стриженов покачал головой. — Мы заказывали негласный аудит через свои каналы в налоговой. Они платят всё до копейки. Оборудование новое, сертификаты подлинные. Сырье проверяют так, словно делают лекарства от рака, а не витамины. Если мы натравим на них проверки, они просто покажут документы. Более того, сейчас это крайне опасно для нас самих.

— Почему?

— Из-за сына. Илья Воронцов сейчас — национальный герой. У него контракты с глобальными брендами, его поддерживает федерация. Если мы организуем классический рейдерский наезд с масками-шоу или сфабрикуем налоговое дело, Воронцов-старший просто позвонит сыну. Тот напишет один пост в социальных сетях, пойдет на федеральный канал, и скажет, что коррумпированные чиновники душат честный бизнес родителей олимпийского чемпиона. Поднимется такой общественный резонанс, что прокуратура начнет копать уже под тех, кто инициировал проверку. А по цепочке могут выйти на нас. Они защищены публичностью. Это бетонный щит.

Завьялов долго молчал, глядя на тепловую карту. Красное пятно в центре страны казалось ему теперь не просто статистической погрешностью, а открытой раной на теле его корпорации. Если Воронцовы продолжают расти такими темпами, через три года они откусят треть рынка. А главное — они создадут прецедент. Они покажут другим мелким игрокам, что можно выжить и победить гиганта, просто работая честно. Этот прецедент Завьялов допустить не мог.

— Свободен, Олег, — наконец произнес он. — Оставь папку.

Стриженов торопливо кивнул, положил досье на край стола и почти бегом покинул кабинет.

Завьялов нажал кнопку на селекторе внутренней связи.

— Пригласите Артура Игоревича.

Через минуту тяжелая дубовая дверь бесшумно открылась. В кабинет вошел мужчина лет пятидесяти, одетый в неприметный серый костюм идеального кроя. В нем не было ничего запоминающегося: средний рост, русые волосы с легкой проседью, бледное лицо, лишенное особых примет. Если бы он прошел в толпе, никто бы не смог вспомнить его через секунду. Но именно эта абсолютная неприметность была его главным профессиональным качеством.

Артур Кротов официально числился советником генерального директора по стратегической безопасности. Неофициально он был человеком, который решал проблемы, не имеющие юридического или финансового решения. В прошлом старший офицер одной из закрытых аналитических структур спецслужб, Кротов специализировался на информационных операциях и социальной инженерии.

Он подошел к столу и сел в кресло, не дожидаясь приглашения. Его движения были экономными и точными.

— Вызывали, Виктор Сергеевич?

Завьялов взял со стола папку с досье на семью Воронцовых и бросил ее через полированную поверхность. Папка скользнула по камню и остановилась точно перед Кротовым.

— У нас проблема в центральном регионе. Компания «БиоТраектория».

Кротов не стал открывать папку. Он просто положил на нее ладонь.

— Я знаком с ситуацией. Стриженов паникует из-за падения продаж.

— Стриженов идиот, который умеет только заливать рынок деньгами, — холодно отрезал Завьялов. — Но в одном он прав. Мы столкнулись с аномалией. Эти люди не реагируют на демпинг. Они отказались от полутора миллиардов за выкуп. У них кристально чистая бухгалтерия, и мы не можем использовать

административный ресурс из-за медийного статуса их сына. Они выстроили вокруг себя крепость из общественного доверия.

Кротов чуть склонил голову набок, внимательно слушая.

— Традиционные методы конкуренции здесь не работают, Артур, — продолжил Завьялов, подходя вплотную к столу. — Если мы не можем разрушить их производство, если мы не можем купить их бизнес, значит, мы должны разрушить фундамент, на котором они стоят.

— Вы имеете в виду доверие? — тихо уточнил Кротов.

— Именно. Завод строится годами. Репутацию можно сжечь за несколько недель. Мне не нужны их станки и их формулы. Мне нужно, чтобы их имя стало токсичным. Чтобы люди, которые сейчас фанатично скупают их банки, боялись к ним прикоснуться. Чтобы аптеки сами разрывали с ними контракты из страха за собственный имидж.

Завьялов наклонился вперед, опираясь руками о стол.

— Стриженов сказал интересную вещь. Он назвал лояльность их клиентов «фанатичной». Они позиционируют себя как закрытую экосистему, как семью, которая не пускает чужих. Они гордятся своей идеальностью. Я хочу, чтобы ты использовал это против них. Найди нестандартный способ. Преврати их достоинства в их приговор. Сделай так, чтобы общество само захотело их уничтожить.

Кротов наконец открыл папку. На первой странице была прикреплена фотография: Андрей, Елена и Илья Воронцовы стоят на фоне своего нового цеха. Они улыбались. В их позах читалась абсолютная уверенность в завтрашнем дне, спокойствие людей, которым нечего скрывать.

Советник по безопасности смотрел на эту фотографию долгих десять секунд. В его голове, натренированной на поиск уязвимостей в человеческой психике, уже начали вращаться шестеренки. Он знал то, чего не знал Стриженов, и то, о чем только догадывался Завьялов.

Он знал, что в современном мире нет ничего более хрупкого, чем репутация честного человека. Грязного бизнесмена сложно испачкать — грязь на нем не видна. Но на белоснежном халате идеальной семьи любое, даже самое абсурдное

пятно будет сиять как прожектор. Кротов понимал механику толпы. Толпа любит возносить героев, но еще больше она любит сбрасывать их с пьедестала. Нужно лишь дать толпе правильный словарь. Правильные слова, которые отключают критическое мышление и включают первобытный страх.

— Это потребует специфических ресурсов, — ровным голосом произнес Кротов, закрывая папку. — Обычный черный пиар здесь не сработает. Заказные статьи про некачественное сырье легко опровергаются лабораторными тестами. Нам нужно перевести атаку из экономической плоскости в социальную. В мировоззренческую.

— У тебя есть такие ресурсы? — прищурился Завьялов.

— Есть определенные структуры. Люди, которые профессионально занимаются конструированием социальных угроз. Они умеют брать любую сплоченную группу людей — будь то корпорация, клуб по интересам или успешный бизнес — и навешивать на нее ярлык, после которого от группы отворачиваются все. Это тонкая работа. Она требует привлечения так называемых экспертов, академической среды, медийной подготовки.

— Бюджет не ограничен, — Завьялов выпрямился. — Мне нужен результат. Я хочу, чтобы через несколько месяцев само слово «БиоТраектория» вызывало у людей отторжение.

— Я вас понял, Виктор Сергеевич. Я подготовлю план и свяжусь с нужными людьми.

Кротов поднялся, взял папку и направился к выходу. Его шаги тонули в густом ворсе ковра.

Выйдя из кабинета, советник направился к лифтам. В пустом, залитом холодным светом коридоре было тихо. Кротов нажал кнопку вызова и посмотрел на свое нечеткое отражение в металлических створках.

Он думал о семье Воронцовых. О людях, которые искренне верили, что честный труд и прозрачность являются гарантией безопасности. Это была наивная, почти детская вера. Они построили крепкий дом, поставили надежные замки на двери и думали, что защищены. Они не понимали, что настоящая угроза приходит не через дверь. Она просачивается сквозь щели в виде слухов,

отравляет воздух, которым дышат соседи, и заставляет этих соседей самих принести факелы к их порогу.

Створки лифта бесшумно разъехались. Кротов шагнул в кабину, нажал кнопку подземного паркинга и достал из внутреннего кармана зашифрованный смартфон. Ему предстояло сделать один звонок. Звонок человеку, который знал, как превратить чужую сплоченность в состав уголовного преступления. Кабина лифта начала стремительное скольжение вниз, унося советника в те слои реальности, где слова убивали надежнее пуль.

Глава 5. Советник

Кабинет Артура Кротова располагался в слепой зоне корпоративной структуры «НеоВита Лаб». Сюда не водили делегации партнеров, здесь не висели мотивирующие плакаты, а на массивной двери из матового стекла отсутствовала табличка с должностью. Пространство было спроектировано по стандартам режимного объекта: звукоизоляция стен поглощала любые вибрации, окна закрывали тяжелые блэкаут-шторы, а локальная сеть физически не имела выхода в интернет.

Кротов сидел за пустым столом, освещенным единственной галогеновой лампой. Перед ним лежал планшет с материалами негласного аудита компании «БиоТраектория». Последние четыре часа он методично, страница за страницей, изучал финансовую, юридическую и операционную документацию семейного предприятия Воронцовых.

Как бывший старший офицер аналитического управления спецслужб, Кротов привык искать трещины в фундаментах. Любой бизнес, любая организация всегда имели уязвимости. Двойная бухгалтерия, серые схемы оптимизации налогов, нарушения техники безопасности, откаты поставщикам, фиктивные договоры подряда — это была стандартная питательная среда российского предпринимательства. Достаточно было найти одну ниточку,

потянуть за нее, и вся конструкция начинала сыпаться под тяжестью проверок и уголовных дел.

Но случай с «БиоТраекторией» оказался пугающе стерильным.

Кротов открыл файл с результатами последней выездной налоговой проверки, инициированной Межрайонной инспекцией № 14 в марте прошлого года. Документ на восьмидесяти страницах фиксировал каждую транзакцию. Вердикт инспектора был однозначным: недоимки не выявлено, признаки искусственного дробления бизнеса отсутствуют, налоговые обязательства исполнены в полном объеме.

Он переключился на папку с отчетами Роспотребнадзора. В ноябре на производство Воронцовых нагрянула внеплановая комиссия. Искали нарушения в системе вентиляции и условиях хранения сырья и лабораторных реагентов. Кротов вчитывался в сухие строчки акта: «Система фильтрации воздуха соответствует классу чистоты ISO 7. Журналы учета контролируемых реагентов ведутся без нарушений. Санитарно-эпидемиологические нормы соблюдены в полном объеме».

Даже трудовые договоры сотрудников были составлены так, что к ним не мог придраться самый дотошный инспектор по труду. Белая зарплата, расширенный социальный пакет, оплачиваемые больничные. Юридически компания представляла собой монолит.

Кротов отложил планшет и потер уставшие глаза. Завьялов требовал уничтожить конкурента, но использовать для этого классический административный ресурс было невозможно. Если натравить на Воронцовых силовиков по надуманному предлогу, они просто принесут в суд свои идеальные папки с документами. А учитывая нынешний статус их сына, любая необоснованная атака вызовет эффект разорвавшейся бомбы. Общество встанет на защиту честных предпринимателей, и ударная волна снесет самих заказчиков.

Закон защищал Воронцовых. Следовательно, чтобы их уничтожить, нужно было вывести конфликт за пределы правового поля.

Советник поднялся, подошел к кулеру и налил себе холодной воды. В тишине кабинета гудение компрессора казалось неестественно громким.

Если юридические претензии бессильны, остается только один инструмент — социальная стигматизация.

Кротов вернулся к столу и вывел на большой настенный монитор подборку недавних публикаций. Это были фрагменты интервью, посты в социальных сетях, выдержки из корпоративного блога «БиоТраектория». Он начал анализировать их не как бизнес-показатели, а как лингвистический и психологический материал.

«Мы доверяем только своим». «Наша компания — это закрытая экосистема». «Культ дисциплины и здоровья». «Мы не пускаем случайных людей в наш круг».

Для лояльных покупателей и спортивных журналистов эти фразы звучали как гарантия качества и преданности делу. Но Кротов, много лет изучавший технологии социальной инженерии и информационно-психологических операций, видел в этих словах идеальную мишень.

Он знал, что человеческая психика устроена парадоксально. Толпа восхищается идеальностью, но в глубине души ненавидит ее. Стоит лишь немного сместить оптику, изменить контекст, и те же самые качества, которые вызывали уважение, начнут вызывать первобытный ужас. Сплоченность можно назвать «изоляцией». Корпоративную дисциплину — «контролем сознания». Преданность бренду — «зомбированием».

В памяти Кротова всплыли материалы из закрытых архивов, с которыми он работал несколько лет назад. В его ведомстве тогда анализировали деятельность специфических неправительственных структур, которые позиционировали себя как правозащитные, но по факту занимались конструированием социальных угроз.

Это были узкоспециализированные группы, предоставлявшие услуги по репутационному уничтожению под ключ. Они не использовали юристов по арбитражным спорам или специалистов по слияниям и поглощениям. Их оружием была псевдонаучная экспертиза и агрессивная медийная риторика.

Кротов открыл на личном зашифрованном ноутбуке старую аналитическую справку. В ней описывался механизм работы одной из таких

сетей. Их методология была пугающе эффективной и состояла из трех последовательных этапов.

Первый этап — конструирование угрозы. Группа специалистов выбирала мишень: это могло быть новое религиозное движение, тренинговый центр или, как в данном случае, успешная коммерческая компания с сильной корпоративной культурой. Затем на эту мишень навешивался ярлык «деструктивного культа» или «секты». Для легитимации атаки использовались термины, не имеющие никакой устойчивой эмпирической или юридической базы: «промывание мозгов», «психологическое насилие», «подавление воли».

Второй этап — монетизация процесса. Создав в обществе панику вокруг выдуманной угрозы, эти же самые «эксперты» предлагали свои услуги по спасению. Они выступали консультантами для обеспокоенных родственников, брали гранты от государства на «профилактику экстремизма» или, что было самым прибыльным, выполняли коммерческие заказы по устранению конкурентов.

Третий этап — легитимация государственного насилия. Когда общественное мнение было должным образом подготовлено, а мишень расчеловечена в глазах обывателей, в дело вступали правоохранительные органы. Силовикам было психологически комфортно проводить жесткие задержания и обыски, ведь они искренне верили, что борются не с мирными гражданами, а с опасными фанатиками.

Кротов вспомнил конкретный микро-кейс из своей практики в 2018 году. В одном из уральских регионов успешно развивалась сеть частных образовательных центров для взрослых. Они преподавали ораторское искусство и лидерские навыки. Местный чиновник, чья жена владела конкурирующим, но убыточным бизнесом, решил убрать их с рынка. Он не стал насыпать пожарных. Он просто нанял представителей антикультовой сети.

В течение месяца в региональной прессе вышло несколько статей, где образовательный центр называли «коммерческим культом». Приглашенный из столицы профессор с бородой и множеством регалий дал развернутое интервью, в котором заявил, что на тренингах используются методы нейролингвистического программирования, разрушающие личность. Никаких

доказательств не требовалось — статус профессора заменял факты. Через два месяца от центра отвернулись все корпоративные клиенты. Арендодатели расторгли договоры в одностороннем порядке, опасаясь за свою репутацию. Бизнес был уничтожен без единого судебного иска со стороны государства. Владелец центра пытался судиться за клевету, но процесс увяз в бесконечных лингвистических экспертизах.

Схема была безупречной. Она позволяла перевести сутобо коммерческий конфликт в плоскость общественной морали.

Кротов начал быстро печатать на клавиатуре, формируя черновик стратегии для Завьялова.

«Объект: Компания “БиоТраектория”. Уязвимости: юридическая и финансовая структура неуязвима. Прямая конфронтация нецелесообразна. Предлагаемая стратегия: инициирование кампании по социальной стигматизации. Перевод объекта из категории “социально ответственный бизнес” в категорию “деструктивная группа/коммерческий культ”».

Он остановился, обдумывая формулировки. Нужно было объяснить Завьялову, почему этот метод сработает против семьи олимпийского призера.

«Публичный образ семьи Воронцовых базируется на концепции закрытости, строгих внутренних правил и фанатичной преданности своему продукту. Эти характеристики являются идеальным материалом для рефрейминга. Привлечение профильных специалистов по “сектоведению” позволит интерпретировать корпоративную культуру объекта как систему психологического контроля. Цель: Создание токсичного информационного фона, при котором сотрудничество с объектом станет репутационно неприемлемым для аптечных сетей, поставщиков и спортивных федераций».

Кротов знал, к кому именно нужно обратиться. В стране существовала только одна структура, способная организовать подобную кампанию на федеральном уровне, придав ей видимость научности и государственной важности. У них были свои люди в академической среде, выходы на нужных журналистов и, что самое главное, отработанная годами технология превращения законопослушных граждан в изгоев.

Они не будут вникать в суть витаминного бизнеса. Им не интересны формулы экстрактов или графики продаж. Им нужен только заказ, щедрое финансирование и возможность в очередной раз продемонстрировать свою власть над человеческими судьбами.

Советник сохранил документ на зашифрованном флеш-накопителе. План был готов. Он не требовал ни подкупа судей, ни найма криминальных элементов. Вся грязная работа будет сделана руками общества, ослепленного страхом перед выдуманной угрозой.

Кротов выключил монитор. В наступившей темноте кабинета светился только маленький зеленый индикатор на системном блоке. Бывший офицер спецслужб смотрел на этот огонек, размышляя о том, насколько хрупкой на самом деле является человеческая жизнь. Люди строят заводы, платят налоги, воспитывают чемпионов и верят, что это делает их неприкасаемыми. Они не понимают, что для их уничтожения не нужен ни нож, ни пистолет, ни даже сфабрикованное уголовное дело.

Достаточно просто подобрать правильное слово и произнести его достаточно громко. И тогда те самые люди, которые вчера покупали их продукт и аплодировали их сыну, завтра сами принесут дрова для костра.

Глава 6. Встреча в закрытом клубе

Черный представительский седан плавно затормозил у ворот. Здание не имело ярких вывесок. Лишь небольшая латунная табличка у входа гласила: «Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС)». Для случайного прохожего это название звучало скучно и безобидно, сливаясь с тысячами подобных бюрократических аббревиатур, разбросанных по столице.

Виктор Завьялов вышел из машины, плотнее запахивая кашемировое пальто. Осенний ветер гнал по тротуару сухие листья. Следом за ним бесшумно появился Артур Кротов. Советник по безопасности уверенно направился к

дверям, приложил магнитный ключ к неприметному считывателю, и тяжелая створка поддалась с мягким щелчком.

— Вы уверены, Артур, что мы по адресу? — негромко спросил Завьялов, оглядывая интерьер. — Это похоже на приемную министерства, а не на контору людей, которые занимаются грязной работой.

— В этом и заключается их главная ценность, Виктор Сергеевич, — так же тихо ответил Кротов, провожая шефа к широкой дубовой лестнице. — Грязную работу сегодня делают люди с безупречной репутацией. Уличные бандиты остались в девяностых. Современный террор носит галстук, имеет ученую степень и говорит от имени общественности.

Они поднялись на второй этаж и вошли в просторный кабинет. За массивным столом, заваленным книгами и папками, сидел человек лет шестидесяти. У него была борода с проседью, внимательные глаза за стеклами дорогих очков в тонкой золотой оправе и мягкая, располагающая улыбка. Он был одет в твидовый пиджак поверх водолазки — классический образ европейского профессора, уставшего от лекций, но всегда готового выслушать студента.

Это был Александр Дворкин, бессменный руководитель центра и ключевая фигура в разветвленной сети организаций, занимающихся так называемым «сектоведением».

— Проходите, господа. Присаживайтесь. Он указал на кожаные кресла у небольшого журнального столика, на котором уже дымился фарфоровый кофейник. — Артур Игоревич в общих чертах обрисовал мне вашу ситуацию.

Завьялов опустился в кресло, чувствуя легкий дискомфорт. Он привык доминировать на переговорах, привык видеть страх или жадность в глазах собеседников. В глазах профессора не было ни того, ни другого. Там плескалось абсолютно холодное, профессиональное спокойствие.

— Моя ситуация заключается в том, что одна семейная компания отнимает у моего холдинга долю рынка, — сухо начал Завьялов, решив сразу перейти к делу. — Они производят витамины. У них идеальная репутация, лояльная аудитория и сын — олимпийский призер, который работает их бесплатным рекламным щитом. Юридически они чисты. Экономически — устойчивы. Мне

нужно убрать их с доски. Мой советник утверждает, что вы можете решить эту проблему нестандартным путем.

Профессор неторопливо налил кофе в маленькую чашку, добавил кубик тростникового сахара и медленно размешал его серебряной ложечкой. Звон металла о фарфор казался неестественно громким в тишине кабинета.

— Ваш советник абсолютно прав, Виктор Сергеевич. Вы мыслите категориями бизнеса: демпинг, слияния, поглощения, налоговые проверки. Это устаревший инструментарий. В современном мире, чтобы уничтожить конкурента, не нужно сжигать его завод. Нужно сжечь его социальный капитал.

Александр Дворкин отпил кофе и откинулся на спинку кресла.

— Люди покупают продукцию этой семьи, потому что доверяют им. Они видят в них образец правильной жизни. Наша задача — взять этот самый образ и вывернуть его наизнанку. Мы не будем спорить о качестве их витаминов. Мы заявим, что их компания — это деструктивный культ. Коммерческая секта, которая использует методы контроля сознания для удержания клиентов и сотрудников.

Завьялов скептически усмехнулся.

— Вы думаете, в это кто-то поверит? Они продают БАДы в обычных аптеках. У них нет никаких религиозных обрядов, они не заставляют людей переписывать на них квартиры. Это просто успешные коммерсанты.

Профессор мягко улыбнулся, словно снисходительный учитель, выслушавший наивный вопрос первокурсника. Он выдвинул ящик стола, достал оттуда тонкую брошюру и положил ее перед Завьяловым.

— Почитайте. Это методические материалы по организации нашей деятельности, написанные одним из моих ближайших коллег, Виталием Питановым. Обратите внимание на выделенный абзац. Это, если хотите, наша базовая доктрина.

Завьялов взял брошюру. Текст был набран убористым шрифтом, но нужный фрагмент был обведен желтым маркером. Магнат начал читать вслух:

— «На секты нужно собирать компромат и его распространять! Хочу заметить, что этот подход без труда можно использовать против кого угодно —

против православных мирян, священников и даже церковных иерархов. Мы живём в прозрачном обществе, и при желании компромат можно найти на кого угодно или же его придумать. Этот метод может в какой-то степени помочь в профилактике в том случае, когда удастся показать, что учение сект поощряет и одобряет такую деятельность её последователей, которая с точки действующего законодательства является криминальной».

Завьялов замолчал, перечитывая последние строчки про себя. Слова «или же его придумать» резанули глаз своей откровенной, незамутненной наглостью.

— Вы понимаете суть? — тихо спросил профессор, забирая брошюру обратно. — Нам не нужна реальная секта. Нам нужен объект. Ярлык «сектант» — это не юридический термин, это социальный приговор. Как только мы произносим это слово через правильные каналы, у людей отключается критическое мышление. Включается первобытный страх. Любая корпоративная дисциплина в компании ваших конкурентов будет названа «подавлением воли». Любой тимбилдинг — «психологическим программированием». А преданность их клиентов — «результатом скрытого гипноза».

— Допустим, вы запустите слухи, — Завьялов сцепил пальцы в замок. — Но для того, чтобы с ними разорвали контракты аптечные сети и отвернулись спонсоры их сына, нужны официальные основания. Бумаги. Документы. Слухам бизнес не верит.

Александр Дворкин удовлетворенно кивнул. Ему нравилось разговаривать с прагматичными людьми.

— Разумеется. И мы предоставляем такие бумаги. Наша сеть обладает монополией на так называемую «религиоведческую и психологическую экспертизу» в этой стране. Мы сами создаем инфоповоды, сами их расследуем и сами выносим экспертные заключения.

Профессор встал, подошел к книжному шкафу и достал толстую папку с золотым тиснением.

— Приведу вам пример из нашей практики. Несколько лет назад одна вполне светская организация арендовала помещения в домах культуры. Кому-то это не понравилось. К нам поступил заказ. Знаете, как мы это решили? За одну ночь наш центр создал официальную бумагу. Текст был примерно таким: «В

ответ на ваш запрос сообщаем, что данная организация признана многими религиоведами тоталитарной сектой».

— И на кого вы сослались? — поинтересовался Кротов, внимательно следивший за разговором.

— В том-то и прелесть, — профессор развел руками. — Мы приложили подтверждающий документ. Этим документом были «Итоговые документы международной конференции “Тоталитарные секты и демократическое государство” Новосибирск-2004». То есть мы сослались на конференцию нашей же собственной организации, где мы сами решили, кто секта, а кто нет. Мы цитируем сами себя, прикладываем статьи из Википедии, которые можно заранее привести к нужному виду через лояльных редакторов, и ставим гербовую печать нашего центра. Для любого директора ДК, для любого арендодателя или партнера по бизнесу такая бумага — это легальное основание разорвать отношения. Никто не хочет связываться с «сектантами». Это токсично.

Завьялов почувствовал, как по спине пробежал легкий холодок. Он всю жизнь считал себя жестким человеком, способным раздавить конкурента. Но то, что описывал этот благообразный старец с чашкой кофе, было совершенно иным уровнем уничтожения. Это была индустрия по производству социальной смерти, поставленная на конвейер.

— Какова цена вопроса? — спросил магнат, возвращаясь к деловому тону.

Профессор вернулся за свой рабочий стол, открыл ежедневник и взял перьевую ручку.

— У нас есть четкий прайс-лист. Все зависит от глубины воздействия. Базовый пакет — информационная подготовка. Серия публикаций в анонимных каналах, статьи в региональной прессе, комментарии наших штатных психологов о вреде их продукции. Это создаст первичный токсичный фон. Стоимость — пять миллионов рублей.

Александр Дворкин вывел на бумаге аккуратную цифру.

— Второй уровень — легитимация угрозы. Подключение федеральных СМИ. Я лично и несколько моих коллег с профессорскими званиями дадим

развернутые интервью на рейтинговых ток-шоу. Мы разберем их бизнес-модель и публично назовем ее «коммерческим культом». Мы свяжем их деятельность с угрозой национальной безопасности. Это обойдется в пятнадцать миллионов.

Ручка скрипнула, фиксируя новую сумму.

— И, наконец, третий уровень. Полная ликвидация. Мы готовим официальное экспертное заключение на бланках нашего центра. В нем будет научно обосновано, что компания «БиоТраектория» применяет методы психологического насилия, разрушающие личность. Этот документ мы официально направляем в прокуратуру, Следственный комитет и профильные министерства. На основании нашей экспертизы силовики получают полное моральное право инициировать проверку, а затем — при нужной политической поддержке — довести ее до уголовного дела по статьям об экстремизме или создании организации, посягающей на личность и права граждан. Дальше — обыски, аресты счетов, СИЗО. Стоимость этого этапа обсуждается индивидуально, но начинается от пятидесяти миллионов рублей.

Завьялов молчал. Суммы были смехотворными по меркам его корпорации. Он тратил больше на новогодние корпоративы для топ-менеджмента. Поражала не цена, а обыденность, с которой этот человек продавал человеческие судьбы.

— Вы гарантируете результат? — спросил Завьялов. — Их сын — олимпийский призер. У него связи.

Профессор отложил ручку и посмотрел магнату прямо в глаза. В этот момент маска добродушного ученого спала окончательно. Перед Завьяловым сидел хладнокровный, расчетливый хищник, осознающий свою абсолютную безнаказанность.

— Олимпийские медали не защищают от клейма. Наоборот, чем выше пьедестал, тем громче падение. Толпа обожает смотреть, как горят кумиры. Мы используем его популярность против него самого. Каждое его слово о семье мы превратим в доказательство фанатизма.

Александр Дворкин сделал паузу, давая словам осесть в воздухе.

— Чтобы вы понимали масштаб наших возможностей, Виктор Сергеевич, скажу вам одну вещь. Уничтожение бизнеса — это лишь малая часть нашей

работы. Наша сеть занимается вещами куда более серьезными. Например, так называемым «депрограммированием». Родственники, напуганные нашей же пропагандой, платят десятки тысяч долларов за похищение своих близких из неудобных организаций. Их увозят в закрытые реабилитационные центры, где с ними работают «консультанты» и лояльные психиатры. Любое сопротивление там интерпретируют как симптом измененного сознания. Государство закрывает на это глаза, потому что его убедили, что так спасают людей. Если такая система может годами существовать на границе закона, неужели вы думаете, что мы не сможем закрыть завод по производству витаминов?

В кабинете повисла тяжелая, плотная тишина. Слышно было только, как за окном ветер бьет голыми ветвями по стеклу. Завьялов посмотрел на Кротова. Советник едва заметно кивнул. Система была идеальной. Она не оставляла следов, не требовала прямого участия заказчика и была наверняка.

— Я беру полный пакет, — произнес Завьялов, поднимаясь с кресла. — Третий уровень. Мне нужно, чтобы от них не осталось даже упоминания в аптечных реестрах.

Профессор тоже встал. Он не стал протягивать руку для пожатия — в таких делах лишние жесты ни к чему. Он просто закрыл свой ежедневник.

— Договорились. Финансовые вопросы ваш советник решит с моим бухгалтером. Процесс будет запущен завтра утром.

Александр Дворкин подошел к окну и посмотрел на темнеющую улицу.

— Возвращайтесь к своим делам, Виктор Сергеевич. Через месяц их успешную фирму назовут сектой, а их самих будут проклинать те самые люди, которые сегодня покупают их продукт. Я вам это гарантирую.

Завьялов и Кротов покинули кабинет, спустились по дубовой лестнице и вышли на морозный воздух. Магнат сел на заднее сиденье своего автомобиля. Он получил то, за чем приехал. Машина уничтожения была оплачена и включена. И где-то на другом конце города, в светлых лабораториях «БиоТраектории», люди продолжали честно делать свою работу, даже не подозревая, что их приговор уже подписан, скреплен печатью и оценен в конкретную сумму.

Глава 7. Первый вброс

Свет от монитора выхватывал из полумрака комнаты лицо Антона — бледное, с глубокими тенями под глазами от хронического недосыпа. На часах в правом нижнем углу экрана светились цифры: 03:14. Для большинства людей это было время самого глубокого сна, но для сотрудников отдела специальных информационных операций при центре Александра Дворкина это были самые рабочие часы. Именно ночью, когда модераторы социальных сетей теряют бдительность, а алгоритмы обновляют кэш, удобнее всего закладывать фундамент для новой реальности.

Антон открыл присланный накануне зашифрованный архив с пометкой «Объект: “БиоТраектория”». Внутри лежали выдержки из налоговых деклараций, фотографии производственных цехов и, что самое главное, текстовые расшифровки недавних интервью Ильи Воронцова.

Работа Антона не требовала эмоций. Он был цифровым исполнителем, специалистом по конструированию социальных стигм. Его задача заключалась в том, чтобы взять абсолютно легальный, прозрачный бизнес и с помощью правильного набора слов превратить его в глазах обывателей в источник хтонического ужаса.

Он создал новую группу в социальной сети «ВКонтакте». Название должно было быть броским, тревожным, но при этом имитирующим низовую гражданскую инициативу. Пальцы быстро застучали по клавиатуре: «Правда о “БиоТраектории”: Осторожно, секта!».

В качестве заглавной фотографии он выбрал снимок Андрея Воронцова с какого-то корпоративного мероприятия. Оригинал был светлым и позитивным, но Антон прогнал его через графический редактор: убрал насыщенность, добавил контрастных теней, сделал фон неестественно мрачным. Улыбающийся директор завода превратился в зловещую фигуру, смотрящую на зрителя

исподлобья. Это был классический прием — создание образа «тёмного лидера», манипулирующего своими последователями.

Затем пришло время первого текста. Антон открыл старую методичку, которую их структура использовала еще в 2012 году во время кампании против одного регионального священника. В архивах центра та операция значилась как успешная. Антон помнил детали: тогда была создана группа «Осторожно — секта Анатолия Гармаева!», куда методично сливались все слухи, сплетни и откровенная клевета. В той группе состояло всего 24 человека, причем актив, генерирующий весь контент, составлял ровно 5 пользователей. Эти пять виртуальных персонажей создавали иллюзию массового возмущения, ссылаясь на «непререкаемые авторитеты» антикультового движения и публикуя ссылки на сайт главного идеолога сети.

Антон решил использовать проверенную схему. Он активировал пять заранее прогретых бот-аккаунтов с реалистичными фотографиями и историями публикаций. От имени одного из них, «Елены Смирновой», якобы бывшей сотрудницы компании, он начал писать первый пост.

«Все восхищаются успехом олимпийского чемпиона и бизнесом его родителей. Но никто не знает, что на самом деле происходит за закрытыми дверями завода “БиоТраектория”. Они называют это “экосистемой” и “семейными ценностями”. Но те, кто смог вырваться оттуда, знают правду. Это не просто коммерческая фирма. Это закрытая псевдорелигиозная сеть. Людей заставляют работать на износ, прикрываясь идеями “здоровья и чистоты”. На корпоративных тренингах используются жесткие методы контроля сознания. Клиентов подсаживают на их препараты, подавляя волю и критическое мышление. Сам Илья в интервью проговорился, что у них “культ дисциплины” и они “не пускают чужих”. Задумайтесь, кто на самом деле стоит за производством ваших витаминов?»

Текст был идеален в своей манипулятивности. Он брал реальные слова Ильи, сказанные с гордостью и любовью, и помещал их в параноидальный контекст.

Чтобы придать вбросу вес, Антон добавил в конец поста несколько ссылок. Это были ссылки на старые статьи с сайта антикультового центра, где

рассказывалось об опасности «коммерческих культов». В статьях не упоминался «БиоТраектория», но соседство ссылок с текстом создавало у читателя ложное ощущение, что проблема уже давно изучается экспертами.

Антон нажал кнопку «Опубликовать». Затем, переключаясь между оставшимися четырьмя аккаунтами, он быстро создал ветку комментариев: — «Давно подозревал, что с ними что-то не так. Слишком уж они идеальные». — «Моя тетя начала пить их добавки и перестала общаться с родственниками. Говорит, мы “токсичные”. Типичное сектантское поведение!» — «Куда смотрят правоохранительные органы? Это же настоящая тоталитарная секта под видом ООО!»

Первое зерно было брошено в благодатную, удобренную тревожностью почву интернета.

Днем позже Илья сидел на жесткой деревянной скамейке в раздевалке тренировочной базы «Озеро Круглое». Воздух здесь был густым, пропитанным запахом влажных полотенец, разогревающих мазей и хлорированной воды. Тренировка выдалась тяжелой — тренер сборной начал закладывать базу для нового макроцикла, и мышцы гудели от молочной кислоты.

Илья вытирал волосы жестким казенным полотенцем, когда к нему подошел Макс, пловец из соседней дорожки. В руках он держал смартфон.

— Илюха, ты кому дорогу перешел? — Макс усмехнулся, протягивая экран. — Смотри, какую дичь про твоих предков пишут.

Илья взял телефон. На экране был открыт анонимный Telegram-канал, специализирующийся на сливах и скандалах средней руки. Канал сделал репост той самой записи из «ВКонтакте», сопроводив ее ехидным комментарием: «Олимпийское серебро с привкусом сектантских практик? В сети набирает обороты скандал вокруг компании родителей Ильи Воронцова».

Илья пробежал глазами по тексту. «Закрытая псевдорелигиозная сеть», «методы контроля сознания», «подавление воли». Он перечитал свои собственные цитаты из глянцевого журнала, вырванные из контекста и вставленные между обвинениями в психологическом насилии.

Первой реакцией было искреннее, неподдельное недоумение. Это было настолько абсурдно, что даже не вызывало злости. Его отец, который вечно терял очки в лаборатории и мог часами рассказывать о свойствах алтайской ромашки? Его мать, которая лично проверяла санитарные книжки уборщиц? Тёмные лидеры культа?

Илья коротко рассмеялся и вернул телефон Макс.

— Бред какой-то. Наверное, конкуренты развлекаются. У нас на прошлой неделе продажи в регионах выросли, вот кто-то и бесится.

— Да понятно, что заказуха, — кивнул Макс, убирая смартфон в спортивную сумку. — Просто слова какие-то странные подобрали. Нет бы написать, что налоги не платите или сырое просроченное. А тут — «секта». Креативщики хреновы.

Вечером того же дня Илья позвонил родителям по видеосвязи. Он лежал на кровати в своей комнате на базе, глядя в экран планшета. Родители сидели на своей просторной, светлой кухне. На заднем фоне тихо бормотал телевизор, на плите закипал чайник. Эта картина дышала таким спокойствием и обыденностью, что утренний пост в интернете казался чьей-то глупой, неудачной шуткой.

— Пап, вы видели, что про вас в сети разгоняют? — спросил Илья, когда они закончили обсуждать его тренировочный график.

Андрей Николаевич устало потер переносицу и отпил чай из большой керамической кружки.

— Видели, Илюша. Наш системный администратор еще утром ссылку прислал.

— И что думаете делать? Может, юристам сказать, чтобы иск о клевете подали?

В кадр заглянула Елена. Она выглядела спокойной, только в уголках губ залегла легкая складка раздражения — так она реагировала на любую нерациональную трату времени.

— Илюша, на кого подавать? На анонимный аккаунт с фотографией котика на аватарке? — произнесла мать. — Это классический черный пиар. Мы знаем,

откуда ветер дует. «НеоВита Лаб» Завьялова месяц назад предлагал нам продать бизнес. Мы отказались. Теперь они пытаются трепать нам нервы.

— Но они называют вас сектой, мам. Это же вообще за гранью.

Андрей Николаевич мягко улыбнулся, глядя в камеру. В его взгляде читалась непоколебимая уверенность человека, который привык опираться на твердые факты.

— Сынок, послушай меня. Слово «секта» к производству витаминов пришить невозможно. У нас белая бухгалтерия. У нас открытое производство. Любой проверяющий из Роспотребнадзора или прокуратуры придет, посмотрит наши журналы учета, проверит сертификаты и уйдет. Мы работаем в правовом поле. А то, что пишут в интернете маргинальные блогеры... Собака лает, караван идет. Наши покупатели знают качество нашего продукта. Никакая анонимная грязь не заставит человека отказаться от того, что реально помогает ему быть здоровым.

Илья кивнул. Логика отца была безупречной. В их системе координат, где мир подчинялся правилам честного труда и прозрачности, анонимный пост был просто информационным мусором. Он не имел юридической силы. Он не мог остановить конвейер в цеху. Он не мог изменить химический состав экстрактов.

Они не понимали одного: информационный террор не работает по законам логики. Ему не нужны доказательства. Ему нужна только эмоция.

Пока семья Воронцовых пила вечерний чай, уверенная в своей правовой неуязвимости, механика посева информации продолжала свою невидимую работу.

Антон, сидя в своем кабинете, перешел ко второму этапу. Маргинальные блоги и фейковые группы были лишь стартовой площадкой. Теперь нужно было легализовать слух, перевести его из категории «анонимный вброс» в категорию «общественное обсуждение».

Он открыл список контактов в защищенном мессенджере и выбрал несколько администраторов крупных региональных пабликов. Это были площадки с аудиторией от ста до трехсот тысяч человек, которые публиковали

городские новости, ДТП и криминальные сводки. За небольшую плату в криптовалюте они были готовы разместить любой материал, если он не нарушал напрямую Уголовный кодекс.

Антон отправил им заранее подготовленный текст. Он немного изменил тональность. Теперь это было не утверждение, а вопрос — излюбленный прием легализации клеветы.

«В сети разгорается нешуточный скандал вокруг компании “БиоТраектория” (владельцы — родители нашего олимпийского призера Ильи Воронцова). Пользователи массово жалуются на странные порядки внутри фирмы, называя ее “коммерческим культом” и “псевдорелигиозной сетью”. Бывшие сотрудники заявляют о психологическом давлении. Правда ли, что за фасадом успешного бизнеса скрывается тоталитарная секта, или это происки конкурентов? Ждем комментариев от официальных лиц».

К утру следующего дня этот текст появился в десятках пабликов. Алгоритмы социальных сетей, настроенные на продвижение контента с высокой вовлеченностью, начали активно показывать эти посты в рекомендациях. Люди, которые никогда не слышали о «БиоТраектории», останавливали взгляд на знакомом слове «секта». Это слово работало как триггер, мгновенно отключая рациональное восприятие.

В комментариях под новыми постами уже не требовалось вмешательство ботов Антона. Обычные пользователи, подогретые тревожным заголовком, начали сами генерировать контент. Кто-то вспомнил, что витамины вообще пить вредно. Кто-то написал, что все богатые люди — извращенцы. Кто-то авторитетно заявил, что «без гипноза такие деньги честно не заработаешь».

Слово было произнесено. Оно оторвалось от своего создателя и начало жить самостоятельной жизнью, заражая цифровое пространство.

Если бы в этот момент кто-то открыл главную страницу любой поисковой системы и начал вводить в строку слово «БиоТраектория», алгоритм автозаполнения, проанализировав тысячи свежих запросов, услужливо предложил бы варианты продолжения.

Первой строчкой выпадало: «БиоТраектория официальный сайт». Второй строчкой: «БиоТраектория витамины купить». А третьей, набирающей

популярность с каждой минутой, теперь значилось: «БиоТраектория секта ОТЗЫВЫ».

Физический мир оставался прежним. Завод работал, капсулы сыпались в лотки, Илья готовился к утренней тренировке. Но их цифровая тень уже была безвозвратно искажена, подготавливая почву для тех, кто вскоре придет спасать общество от выдуманной угрозы.

Глава 8. Голоса «экспертов»

Красный глазок телевизионной камеры загорелся, сигнализируя о выходе в прямой эфир. Студия федерального ток-шоу, оформленная в тревожных багрово-синих тонах, замерла. Ведущий, известный своим умением превращать любую бытовую ссору в национальную трагедию, сделал выверенную драматическую паузу, глядя прямо в объектив.

— Сегодня мы говорим о невидимой угрозе, которая может скрываться в аптечке каждого из вас, — его голос звучал вкрадчиво, с тщательно дозированной тревогой. — Под маской заботы о здоровье, под прикрытием экологически чистых продуктов и семейных ценностей в нашу жизнь проникают структуры, чья истинная цель далека от медицины. В студии — ведущие эксперты в области религиоведения и социальной безопасности.

Камера взяла крупным планом Александра Дворкина. Профессор сидел в глубоком кресле, закинув ногу на ногу. На нем был твидовый пиджак, седая борода аккуратно подстрижена. Он не выглядел как фанатик или скандалист. Он излучал академическое спокойствие, и именно это спокойствие делало его слова пугающе убедительными для миллионов зрителей по ту сторону экрана.

— Понимаете, в чем главная опасность современных деструктивных групп, — начал профессор, мягко жестикулируя. — Они больше не ходят по улицам в странных одеждах и не поют мантры. Они эволюционировали. Они принимают форму коммерческих предприятий, тренинговых центров, производителей

биологически активных добавок. То, что мы видим на примере компании «БиоТраектория» — это классический паттерн закрытой группы с жесткой внутренней иерархией.

Сидящий рядом с ним коллега, представленный титром как «специалист по деструктивным культам», придвинулся к микрофону, чтобы дополнить мысль руководителя. Его задача заключалась в том, чтобы подвести теоретическую базу под конкретные обвинения.

— «...очень часто они называют себя центрами реабилитации алкоголиков и наркоманов. Человек, попавший в беду, вроде бы получает помощь, но на самом деле попадает в ещё более страшную зависимость», — произнес специалист заученный текст, который он использовал на десятках подобных эфиров. — «Ещё секты часто называют себя различными клубами и общественными организациями. Излюбленный приём многих сект — создание различных дочерних организаций, некоммерческих партнёрств, благотворительных фондов. За этим благопристойным фасадом порой очень трудно разглядеть истинное положение вещей».

Ведущий тут же подхватил эту мысль, выводя на огромный экран за спинами гостей фотографию, улыбающихся Андрея и Елены Воронцовых на фоне их нового производственного цеха.

— Но ведь они продают обычные витамины! — воскликнул ведущий, играя роль адвоката дьявола. — У них открытое производство, их сын — гордость нашего спорта. Разве можно сравнивать их с сектантами?

Профессор снисходительно улыбнулся, поправив очки в золотой оправе. Наступил момент для применения главного калибра информационной войны.

— Вспомните трагедию в Джонстауне, — тихо, но веско произнес Александра Дворкина. — Там тоже всё начиналось с сельскохозяйственной коммуны, с разговоров о здоровье, равенстве и чистоте. А закончилось массовым суицидом. Когда организация требует от своих членов и клиентов абсолютной лояльности, когда она формирует культ дисциплины и закрытости — это первый симптом того, что сознание людей подвергается контролю. Мы не утверждаем, что они добавляют наркотики в свои капсулы. Мы говорим о том, что сама структура их бизнеса обладает всеми признаками тоталитарного культа.

В этот момент в тысячах километров от телестудии, на светлой кухне своей квартиры, Елена Воронцова смотрела на экран. Свет от телевизора отражался в стеклянных дверцах кухонных шкафчиков.

Елена была врачом с тридцатилетним стажем. Ее мозг был натренирован на анализ симптомов, постановку диагнозов и чтение сложных биохимических формул. Она привыкла доверять фактам, результатам лабораторных исследований и протоколам лечения. Но то, что сейчас лилось с экрана, не поддавалось никакому рациональному осмыслению.

Она видела, как уважаемые люди с научными степенями берут дело всей ее жизни — чистые, светлые цеха, строгие санитарные нормы, заботу о сотрудниках — и связывают это с трупами в джунглях Гайаны.

Журналисты-расследователи описывают этот метод следующим образом: «Метод “вины по ассоциации” — это манипулятивный приём, при котором организация, ставшая объектом преследования, намеренно связывается или ассоциируется с негативными образами экстремистских групп, террористических организаций, преступников и диктаторов, уже прочно укоренившихся в общественном сознании».

Елена почувствовала, как в груди начинает разрастаться тяжелый, пульсирующий ком. Воздух на кухне внезапно стал плотным. Она посмотрела на настенные часы. Стрелки показывали половину десятого вечера.

На столе лежал блистер с таблетками эналаприла — препаратом для контроля артериального давления. Елена принимала его строго по часам, в восемь вечера, каждый день на протяжении последних пяти лет. Ее медицинская дисциплина была безупречной. До сегодняшнего дня.

Она дрожащими пальцами потянулась к блистеру. Фольга поддалась с сухим хрустом, но пальцы не слушались. Маленькая белая таблетка выскользнула, ударилась о столешницу и покатила под холодильник. Елена опустилась на колени, пытаясь нащупать ее в темноте, и вдруг поняла, что плачет. Это были не слезы обиды, а слезы абсолютного, парализующего бессилия перед лицом иррационального зла, которое невозможно было опровергнуть справкой из Роспотребнадзора.

Андрей вошел на кухню, услышав всхлипывания. Он молча выключил телевизор, опустился рядом с женой на пол и обнял ее за плечи.

— Лена, прекрати. Это просто телевизор. Это шоу, им нужны рейтинги, — его голос звучал ровно, но в уголках глаз залегли глубокие, резкие морщины, которых не было еще неделю назад.

— Они называли нас убийцами, Андрей, — прошептала она, уткнувшись лицом в его плечо. — Люди с учеными степенями сидят и на всю страну говорят, что мы зомбируем покупателей. Как мы будем смотреть в глаза нашим лаборантам завтра утром?

На следующее утро Илья Воронцов стоял перед десятками микрофонов в конференц-зале престижного отеля. Это должно было быть рутинное пресс-мероприятие, посвященное подписанию спонсорского контракта с производителем спортивной экипировки. Илья надел официальную форму сборной, подготовил дежурные фразы о важности тренировочного процесса и планах на сезон.

Но как только модератор открыл сессию вопросов и ответов, спортивная тематика исчезла.

Журналист из крупного сетевого издания поднялся с места, даже не дожидаясь микрофона.

— Илья, вчера на федеральном канале вышло расследование о бизнесе ваших родителей. Эксперты-религиоведы утверждают, что компания «БиоТраектория» обладает признаками коммерческой секты. Вы сами в недавнем интервью говорили о «культе дисциплины» и «закрытой экосистеме». Вы подтверждаете, что ваша семья использует методы психологического контроля?

В зале повисла звенящая тишина. Представитель спонсора, сидевший рядом с Ильей, нервно поправил галстук и отодвинулся на несколько сантиметров в сторону.

Илья почувствовал, как к лицу приливает кровь. Он привык к давлению трибун, привык к физической боли на последних метрах дистанции, но эта агрессия была другой природы. Она была липкой и бесформенной.

Он придвинулся к микрофону, стараясь сохранить спокойствие. Он верил, что его статус олимпийского призера, его авторитет и честность смогут пробить эту стену абсурда.

— То, что прозвучало вчера в эфире — это откровенная ложь и клевета, — твердо произнес Илья, глядя прямо в глаза задавшему вопрос журналисту. — Мои родители — честные предприниматели. Они платят налоги, они создают рабочие места. Наше производство абсолютно прозрачно. Любой из вас может приехать на завод и посмотреть, как делаются витамины. Там нет никаких тайных ритуалов. Там есть только тяжелый труд, стерильность и наука. А мои слова о дисциплине относились исключительно к спортивному режиму и семейной поддержке.

Он говорил искренне, приводя аргументы, которые в нормальном мире считались бы исчерпывающими. Он предлагал факты против домыслов.

Но к вечеру того же дня информационное поле показало свою истинную природу.

Новостные порталы выпустили материалы с пресс-конференции. Ни одно издание не упомянуло приглашение посетить завод. Никто не написал о налогах и рабочих местах. Заголовки кричали: «Олимпийский чемпион агрессивно защищает семейный культ», «Илья Воронцов не смог опровергнуть обвинения экспертов», «Спортсмен подтвердил наличие жесткой дисциплины в компании родителей».

Видео с его ответом было перемонтировано. Журналисты вырезали паузы, оставив только те моменты, где Илья хмурится и повышает голос. В контексте статьи его естественное возмущение клеветой подавалось как «неадекватная реакция адепта, защищающего свою группу».

Сидя вечером в своей комнате на тренировочной базе, Илья читал эти статьи с экрана планшета. Он физически ощущал, как слова, произнесенные им в защиту семьи, выворачиваются наизнанку и используются как гвозди для их распятия.

В независимом расследовании деятельности антикультовой сети этот процесс описан с пугающей точностью: «Техника создания устойчивого негативного образа через повторяющиеся вербальные триггеры. Современная

нейропсихология подтверждает: благодаря нейропластичности мозга, повторяющийся медиаконтент способен формировать устойчивые ассоциативные паттерны. Это реальный когнитивный механизм, при котором человек начинает автоматически связывать объект с определенными эмоциями и оценками. Это достигается через: эксплуатацию когнитивных искажений (эффект рогов, фрейминг), блокировку рационального мышления через эмоциональную перегрузку, использование механизмов дегуманизации и демонизации, создание информационной изоляции и эффекта “иллюзии правды”. Таким образом, журналистика в руках умелых манипуляторов превращается в мощный инструмент психологического воздействия, способный изменять не только отношение к отдельным лицам, но и саму структуру мировосприятия аудитории».

Илья открыл поисковую систему и начал вбивать фамилии экспертов, выступавших на вчерашнем ток-шоу. Он хотел понять, с кем имеет дело. Спустя час чтения архивных публикаций он наткнулся на старую статью, которая заставила его замереть.

В тексте описывалась история, произошедшая несколько лет назад. «Педагог Михаил Щетинин, разработавший уникальную методику альтернативного образования, направленную на развитие у детей творческих способностей и самостоятельного мышления, также стал объектом нападок антикультистов. Его подход, получивший признание среди коллег, был искажён в антикультовой риторике как потенциально опасный. В средствах массовой информации его школу сравнивают с событиями в Джонстауне».

Илья перечитал этот абзац трижды. Джонстаун. Те же самые слова. Тот же самый метод.

Он понял, что атака на его семью не была случайностью или ошибкой журналистов, не разобравшихся в ситуации. Это не было следствием чьей-то глупости. Это была отработанная, стандартизированная технология уничтожения. Шаблон, в который просто вписали новое название компании.

Слова профессора в эфире федерального канала не были мнением ученого. Они были сигнальной ракетой, легитимизирующей травлю на государственном уровне. Они давали обществу индульгенцию на ненависть.

Илья отложил планшет и подошел к окну. За стеклом шумело вечернее шоссе, мерцали огни проезжающих машин. Мир вокруг казался прежним, но правила, по которым Илья жил всю свою жизнь, больше не работали. Честность не защищала от клеветы. Спортивные достижения не давали права голоса. А факты разбивались о стену профессионально сконструированного страха, транслируемого в прайм-тайм. И самое страшное заключалось в том, что этот страх уже начал проникать в их дом, заставляя руки матери дрожать над рассыпанными по полу таблетками.

Глава 9. Бумага с печатью

Сорок две страницы текста, распечатанные на стандартной офисной бумаге формата А4 и скрепленные дешевой пластиковой пружиной. На титульном листе красовалась массивная синяя печать с гербовым орлом и витиеватой надписью: «Информационно-аналитический центр социальных исследований». Ниже, крупным полужирным шрифтом, значилось название документа: «Комплексное религиозоведческо-психологическое экспертное заключение по факту деятельности ООО “БиоТраектория”».

Адвокат семьи Воронцовых, Михаил Сергеевич, сидел за широким столом в своем кабинете, методично выделяя желтым маркером целые абзацы. За окном моросил мелкий, неприятный осенний дождь, капли оставляли на стекле мутные, извилистые дорожки. Андрей и Елена сидели напротив адвоката. Напряжение в комнате было настолько плотным, что казалось, его можно потрогать руками.

Михаил отложил маркер, снял очки и устало потер переносицу.

— Я получил копию этого документа час назад по своим каналам из прокуратуры, — начал адвокат, тщательно подбирая слова. — Официально бумага поступила к ним вчера вечером. К ней приложено сопроводительное письмо от группы так называемых «обеспокоенных граждан», которые требуют

провести проверку вашей компании на предмет экстремизма и создания организации, посягающей на личность и права граждан.

— Экстремизма? — Андрей Николаевич подался вперед, его голос дрогнул от сдерживаемого возмущения. — Михаил, мы производим витамины. У нас на производстве стерильность выше, чем в операционных. Мы платим сотни миллионов рублей налогов. Какой экстремизм?

— Андрей, послушай меня внимательно, — адвокат положил ладонь на стопку скрепленных листов. — В этом документе нет ни слова о ваших налогах, хроматографах или качестве сырья. Авторы этой бумаги вообще не рассматривают вас как коммерческое предприятие. Они перевели вас в совершенно иную плоскость.

Михаил надел очки, открыл документ на середине и начал читать вслух:

— «Исходя из анализа материалов, предоставленных на исследование, организация “БиоТраектория” обладает всеми выраженными признаками коммерческого культа. Внутри структуры выстроена жесткая иерархическая система подчинения, направленная на подавление воли сотрудников и клиентов. Руководство компании систематически применяет методы контроля сознания, что ведет к разрушению личности адептов и их социальной изоляции».

Елена судорожно выдохнула. Ее лицо побледнело.

— Что они имеют в виду под «контролем сознания»? — тихо спросила она. — У нас люди работают по Трудовому кодексу. В восемь утра пришли, в пять вечера ушли.

— А вот как они это обосновывают, — Михаил перевернул страницу. — Они взяли ваш корпоративный буклет для новых сотрудников. Помните фразу на второй странице: «Мы не просто делаем продукт, мы формируем здоровые привычки и меняем образ жизни»? Эксперт пишет: «Данная формулировка свидетельствует о целенаправленном разрушении прежних социальных связей индивида и принудительной индоктринации новыми, выгодными руководству культа ценностями».

Андрей откинулся на спинку кресла, глядя на адвоката с выражением абсолютного непонимания. Для человека науки, привыкшего оперировать точными весами, химическими формулами и проверяемыми фактами, происходящее казалось сюрреалистическим бредом.

— Это же абсурд, — произнес он. — Любой здравомыслящий человек поймет, что это просто маркетинговый слоган. Как такая бумага вообще может иметь юридическую силу? Кто эти эксперты?

Михаил перелистнул документ в самый конец, к списку использованной литературы и подписям.

— В том-то и проблема, Андрей. В российской правовой системе экспертиза — это царица доказательств. Судья или следователь не обязаны разбираться в тонкостях психологии или религиоведения. Они видят бумагу, на которой стоят подписи людей с научными степенями. Документ подписан профессором Александром Дворкиным и двумя его коллегами. А теперь посмотрите на библиографию, на которую они опираются, чтобы доказать вашу вину.

Адвокат развернул документ к Воронцовым. Список литературы состоял из сорока пунктов.

— Пункт пятый: монография самого Александра Дворкина. Пункт двенадцатый: сборник статей под редакцией его же заместителя. Пункт двадцать восьмой: итоговые документы международной конференции «Тоталитарные секты и демократическое государство». Знаете, кто был председателем этой конференции? Тот же самый профессор.

Михаил закрыл папку.

— Это замкнутый круг ложной авторитетности. Они сами придумывают термины вроде «коммерческий культ», сами пишут об этом книги, сами проводят конференции, где подтверждают свои же теории, а потом в официальных экспертизах для суда ссылаются на самих себя как на непререкаемый научный источник. И государственная машина это принимает.

Елена смотрела на синюю печать на титульном листе. Эта печать казалась ей черной дырой, засасывающей в себя всю их жизнь, весь их многолетний труд.

— Но ведь можно заказать независимую экспертизу? — спросила она, цепляясь за остатки логики. — Привлечь настоящих ученых из Академии наук, из МГУ? Пусть они докажут, что в наших буклетах нет никакого контроля сознания.

Михаил тяжело вздохнул и открыл на своем ноутбуке архив судебных решений.

— Елена, я хочу показать вам, с кем мы имеем дело. Это не просто группа мошенников. Это отлаженная индустрия по производству юридически значимой лжи. Они работают по этой схеме годами.

Адвокат повернул экран ноутбука к Воронцовым. На мониторе был открыт протокол судебного заседания.

— Несколько лет назад был громкий процесс. Антикультовая сеть пыталась уничтожить одну организацию, используя точно такие же методы. Экспертом со стороны обвинения выступала некая госпожа Астахова, тесно связанная с центром нашего профессора. В своем официальном заключении она сослалась на тексты из книг основателя исследуемого движения, чтобы доказать их экстремистскую направленность. Но адвокаты защиты сделали то, чего эксперт не ожидала: они просто открыли эти книги.

Михаил выделил курсором большой блок текста на экране.

— Вот официальная стенограмма заседания Измайловского районного суда Москвы от 23 июня 2015 года. Послушайте, что заявила защита прямо в зале суда:

«Экспертом произведен интеллектуальный подлог тех объектов, которые она исследовала. Мы полагаем, что только с прямым умыслом можно указать в экспертизе цитату, которая якобы принадлежит автору Рону Хаббарду, и которой в действительности там, где указывает эксперт, либо где-то еще, просто нет. Имею ввиду цитату на стр.15 заключения эксперта, которая якобы содержится на странице 5 книги Рона Хаббарда “Введение в саентологическую этику”, из которой эксперт выводит, ни много ни мало, какова основная цель саентологов. Так вот, мы просмотрели эту книгу — ни на странице 5, ни на любой другой странице у Р. Хаббарда этой цитаты нет. Эксперт ее в данном случае, не знаю, выдумала или не выдумала, но она приписала автору то, чего у него нет.

Иными словами, я полагаю, что она совершила интеллектуальный подлог. Это все равно, что если бы оценивая от чего умер человек, она бы капнула туда яду и сказала бы, что его отравили, это совершенно аналогичная ситуация».

Михаил замолчал, давая словам осесть в сознании своих клиентов.

— Вы понимаете? — продолжил он. — Человек со статусом судебного эксперта просто выдумал цитату, вписал ее в официальный документ, поставил свою подпись и печать, чтобы подвести людей под уголовную статью. И это не единичный случай. Против таких экспертиз выступали десятки настоящих ученых. Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой юридической психологии и судебных экспертиз Уральского государственного юридического университета, заслуженный юрист России Игорь Сорокотягин; кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета МГУ Владимир Винокуров; кандидат культурологии, профессор, директор Центра изучения религий РГГУ Николай Шабуров — все они в разное время критиковали вопиющую антинаучность и предвзятость подобных заключений.

— И что случилось с этой Астаховой? — спросил Андрей, сжимая кулаки. — Ее посадили за подлог? Лишили лицензии?

— Ничего, — ровным голосом ответил Михаил. — В этом заключается главная уязвимость нашей правовой системы. Статья 307 Уголовного кодекса предусматривает ответственность за заведомо ложное экспертное заключение. Формально это должно защищать граждан. Но на практике, чтобы привлечь эксперта по этой статье, следствию нужно доказать наличие прямого умысла. Нужно доказать, что эксперт не просто ошибся, а сознательно хотел обмануть суд.

Адвокат встал из-за стола и подошел к окну, глядя на серый московский пейзаж.

— Когда речь идет о точных науках — баллистике, химии, трасологии — ложь доказать легко. Если эксперт пишет, что пуля выпущена из пистолета Макарова, а нарезка ствола от Glock, это очевидный подлог. Но когда дело касается гуманитарных сфер — психологии, лингвистики, религиоведения — границы размываются. Недобросовестный эксперт всегда может прикрыться

«особой научной школой», «авторской методикой» или заявить, что это его «субъективное научное мнение». Доказать злой умысел в интерпретации текста практически невозможно. Закон бессилён против субъективности, возведенной в ранг экспертизы.

В кабинете повисла тяжелая тишина. Слышно было только гудение системного блока компьютера и шум дождя.

Андрей Воронцов, человек, который всю жизнь верил в силу доказательств, в прозрачность процессов и в то, что честный труд является абсолютной защитой от любых проблем, чувствовал, как почва уходит у него из-под ног. Он строил свой бизнес как крепость. Он установил лучшие системы фильтрации воздуха, он нанял лучших технологов, он платил белую зарплату. Он защитил свою семью от всех реальных, физических угроз.

Но он оказался абсолютно беззащитен перед угрозой лингвистической. Перед людьми, которые умели профессионально жонглировать словами, превращая заботу в «контроль», а дисциплину в «подавление воли».

— В этом документе есть еще один раздел, — Михаил вернулся к столу и снова открыл папку с экспертизой. — Они анализируют публичные выступления вашего сына.

Елена вздрогнула, словно от физического удара.

— При чем здесь Илья? Он спортсмен, он вообще не участвует в управлении компанией!

— Они используют его медийность против вас, — адвокат нашел нужную страницу. — Эксперт цитирует недавнее интервью Ильи глянцевого журналу. Помните, он говорил: «Мы не пускаем в свой круг случайных людей, мы очень бережем нашу внутреннюю экосистему»?

Елена кивнула. Она помнила, как гордилась этими словами сына, его преданностью семье.

— В экспертизе этот фрагмент интерпретируется следующим образом, — Михаил зачитал текст: — «Публичные заявления ближайших родственников руководства организации свидетельствуют о наличии жесткой установки на изоляцию от внешнего мира. Формирование образа враждебного окружения и

деление общества на “своих” и “чужих” является классическим маркером деструктивного культа, готовящего своих адептов к противоправным действиям».

— Они делают из моего мальчика фанатика, — прошептала Елена. Ее руки, лежащие на коленях, мелко дрожали. — Они берут его любовь к нам и превращают ее в состав преступления.

— Именно так работает эта технология, — подтвердил Михаил. — Они не ищут факты преступлений. Они конструируют их из обыденных вещей. И самое страшное, что эта бумага уже лежит на столе у следователя. Для правоохранительной системы этот документ — легальное основание для начала оперативных действий. У них есть заявление от граждан, у них есть «научное» подтверждение угрозы. Пазл сошелся.

На столе адвоката коротко завибрировал смартфон. Михаил бросил взгляд на экран. Это было уведомление из закрытой ведомственной базы данных, к которой у него был доступ.

Лицо адвоката стало серым. Он медленно поднял глаза на Воронцовых.

— Статус документа изменился, — тихо произнес он. — Десять минут назад сообщение зарегистрировано в КУСП — книге учета сообщений о преступлениях, а материал передан в следственный отдел.

Андрей обнял жену за плечи, чувствуя, как ее бьет крупная дрожь. На столе перед ними лежала стопка бумаги, скрепленная дешевым пластиком. Сорок две страницы текста, изобилующего псевдонаучными терминами, вырванными из контекста цитатами и ссылками на несуществующие авторитеты. В нормальном мире этот текст не стоил бы и ломаного гроша. Но в мире, где статус эксперта подменял собой объективную реальность, эта бумага с синей печатью только что запустила механизм, остановить который логикой и здравым смыслом было уже невозможно.

Глава 10. Вакуум

Электронное письмо от крупнейшего поставщика алтайского сырья пришло на почту Андрея Воронцова в 09:14 утра. В теме сообщения сухо значилось: «О приостановке действия договора поставки № 44-8/А».

Андрей Николаевич дважды перечитал короткий текст, набранный стандартным канцелярским шрифтом. Директор компании «Сиб-Экстракт» Валерий Игнатов, с которым Воронцов работал душа в душу последние восемь лет, с которым они вместе ездили на рыбалку на Телецкое озеро и чьих детей Андрей поздравлял с каждым днем рождения, официально уведомлял о разрыве отношений. Формулировка была обтекаемой, но предельно ясной: «В связи с непредвиденными обстоятельствами и высокими репутационными рисками для нашего предприятия, руководство вынуждено заморозить отгрузку партии экстракта родиолы розовой до выяснения всех обстоятельств, фигурирующих в публичном пространстве».

Воронцов снял очки и потер уставшие глаза. Он потянулся к телефону и набрал личный номер Игнатова. Гудки шли долго. Наконец, на том конце провода раздался глухой, виноватый голос:

— Андрей, послушай, только не начинай. Я всё понимаю.

— Валера, какие репутационные риски? — голос Воронцова звучал спокойно, но внутри всё сжималось от дурного предчувствия. — У нас предоплата внесена за полгода вперед. У меня линия встанет через две недели без вашей родиолы. Ты же знаешь наше производство от и до. Ты сам стоял в нашем цеху месяц назад.

— Я знаю, Андрей. Я всё знаю, — Игнатов тяжело вздохнул в трубку. — Но ты пойми меня правильно. У меня учредители в панике. Вчера мне звонили из краевой администрации. Спрашивали, почему мы отгружаем стратегическое сырье организации, которую по федеральному каналу назвали деструктивным культом. Мне прямым текстом сказали: если мы продолжим с вами работать, к нам завтра придет налоговая, Роспотребнадзор и прокуратура. Никто не хочет мараться. Извини. Деньги мы вернем до конца недели.

Связь оборвалась. В трубке повисли короткие, равнодушные гудки.

Это был первый пробитый контур их защиты. К обеду того же дня на стол Андрея легли еще три подобных уведомления. Отказалась транспортная

компания, обеспечивающая логистику по европейской части страны. Приостановила контракт фирма, поставляющая пластиковую тару. Аптечная сеть из Екатеринбурга прислала требование забрать нереализованный товар со складов.

Экономическая блокада формировалась стремительно. Партнеры не требовали доказательств вины Воронцовых. Им не нужны были решения суда или официальные приговоры. Самого факта наличия токсичного ярлыка в медийном пространстве оказалось достаточно, чтобы многолетние деловые связи рассыпались в прах. Страх оказаться рядом с «сектантами» перевешивал любую коммерческую выгоду.

В это же время, в трехстах километрах от завода, Илья сидел на краю кровати в своей комнате на тренировочной базе. Экран его смартфона непрерывно светился, выдавая десятки уведомлений в секунду.

Еще неделю назад его социальные сети были территорией абсолютной любви. Там публиковались поздравления с олимпийским серебром, восхищенные комментарии юных пловцов, слова поддержки от болельщиков. Теперь это пространство превратилось в цифровую бойню.

Илья открыл последнюю публикацию — безобидную фотографию с утренней тренировки в бассейне. Под ней уже скопилось более четырех тысяч комментариев. Он начал листать ленту, и с каждым движением пальца по экрану его картина мира давала новую трещину.

«Сектантское отродье. Верни медаль, ты купил свою подготовку на деньги обманутых людей!» «Сколько пенсионеров твои родители заставили переписать на них квартиры ради твоих тренировок?» «Гнать его из сборной! Таким не место в нашем спорте. Фанатик!» «Я раньше болела за тебя, а теперь противно смотреть. Вы зомбируете людей своими витаминами».

Писали люди, которые никогда в жизни не встречали ни Илью, ни его родителей. Писали домохозяйки из провинции, студенты столичных вузов, пенсионеры и менеджеры среднего звена. Общество, подогретое телевизионными эфирами и статьями псевдоэкспертов, с радостью приняло предложенную ему роль инквизитора.

Правозащитные доклады, фиксирующие подобные кампании травли, описывают этот феномен с пугающей точностью: «Никто не заметил, когда именно произошла эта перемена. Их друзья, соседи, коллеги, родственники и даже те, кого они считали друзьями — люди, которые знали их много лет — начали их ненавидеть, презирать или, в лучшем случае, избегать. Чаще всего они нападали на них, издевались, угрожали, оскорбляли и обвиняли в грехах, которых они никогда не совершали».

Илья заблокировал экран и бросил телефон на тумбочку. Он чувствовал физическую тошноту. Спортивная злость, которая всегда помогала ему на дорожке, здесь была бесполезна. В бассейне ты видишь соперника, ты знаешь правила, ты можешь приложить больше усилий и победить. Но как бороться с безликой, многотысячной толпой, которая уже вынесла тебе приговор на основании телевизионного шоу?

В дверь коротко постучали. На пороге стоял администратор базы.

— Илья, собирайся. Тебя срочно вызывают в Москву. В здание Федерации. Машина уже ждет внизу.

Через два часа Илья переступил порог просторного кабинета на Лужнецкой набережной. За длинным столом для совещаний сидел вице-президент Федерации плавания, Виктор Степанович — человек, который еще недавно обнимал Илью в аэропорту и называл «надеждой нации».

Сейчас лицо чиновника было непроницаемым. Он жестом указал Илье на стул напротив.

— Присаживайся. Разговор будет тяжелым, но коротким.

Виктор Степанович сцепил пальцы в замок и посмотрел спортсмену прямо в глаза.

— Илья, ты знаешь, как мы к тебе относимся. Ты талантливый парень, у тебя впереди Париж, Лос-Анджелес. Федерация вложила в тебя огромные ресурсы. Но то, что сейчас происходит вокруг твоей семьи, создает критическую угрозу для нашего вида спорта.

— Виктор Степанович, это всё ложь, — твердо произнес Илья. — Вы же знаете моих родителей. Какая секта? Это заказная кампания конкурентов.

— Мне плевать, заказная она или нет, — жестко отрезал чиновник. — Мы живем в реальном мире, Илья. Вчера мне звонили из Министерства спорта. Сегодня утром со мной связывались представители генерального спонсора сборной. Они в панике. Никто не хочет ассоциироваться с человеком, чья семья фигурирует в материалах прокуратуры по статье об экстремизме и создании деструктивного культа.

Чиновник пододвинул к Илье лист бумаги с напечатанным текстом.

— Мы подготовили пресс-релиз от твоего имени. Здесь сказано, что ты полностью сосредоточен на спортивной карьере, давно живешь самостоятельно и не имеешь никакого отношения к коммерческой и внутренней деятельности компании «БиоТраектория». Ты должен публично дистанцироваться от родителей. Заявить, что осуждаешь любые формы психологического давления на людей, если таковые будут доказаны следствием.

Илья опустил взгляд на бумагу. Буквы плыли перед глазами. От него требовали не просто подписать бумагу. От него требовали публичного предательства. Система предлагала ему сделку: откажись от крови, откажись от тех, кто привел тебя на пьедестал, и мы сохраним твою карьеру.

— Вы просите меня отречься от отца и матери? — голос Ильи стал тихим, почти ледяным.

— Я прошу тебя спасти свое будущее, — Виктор Степанович тяжело оперся о стол. — Пойми ты, мальчик, ярлык уже приклеен. Общество уже всё решило. Если ты сейчас встанешь рядом с ними, эта воронка затянет и тебя. Тебя лишат стипендии. Спонсоры разорвут контракты в одностороннем порядке, там есть пункт о репутационных потерях. Тебя просто перестанут вызывать на сборы. Ты станешь токсичным активом. Подпиши. Выжди время. Пусть юристы разбираются с заводом, а ты должен плавать.

Илья медленно поднялся со стула. Он не стал брать бумагу. Он посмотрел на чиновника взглядом человека, который внезапно осознал истинную цену окружающего его благополучия.

— Мой отец всегда учил меня, что предательство — это единственная вещь, которую невозможно исправить тренировками, — произнес Илья. — Я не буду ничего подписывать. И я не буду дистанцироваться от своей семьи.

Он развернулся и пошел к выходу.

— Ты совершаешь самую большую ошибку в своей жизни, Воронцов! — бросил ему в спину вице-президент. — Завтра утром приказ о твоем отстранении от сборов ляжет мне на стол. Мы не пустим сектанта в национальную команду!

Слово ударило Илью между лопаток, но он не обернулся. Дверь кабинета тяжело захлопнулась за ним.

К вечеру того же дня зона отчуждения вокруг семьи Воронцовых сомкнулась окончательно.

Елена находилась дома одна. Андрей уехал на встречу с адвокатом, пытаясь найти хоть какие-то правовые рычаги для разблокировки счетов компании, которые банк заморозил «до выяснения обстоятельств» на основании внутреннего регламента безопасности.

Дом, который всегда был наполнен голосами гостей, смехом друзей Ильи и деловыми звонками, теперь погрузился в звенящую, неестественную тишину.

Елена подошла к окну гостиной. На улице стужались сумерки. Соседский участок, отделенный невысоким кованым забором, был ярко освещен. Там жил хирург из областной больницы, с женой которого Елена дружила много лет. Они часто пили чай на веранде, обменивались рецептами и обсуждали медицинские новости.

Елена увидела, как соседка вышла на крыльцо, чтобы забрать забытый плед. Их взгляды встретились. В обычное время соседка бы улыбнулась, помахала рукой и крикнула что-нибудь приветливое. Но сейчас женщина вздрогнула, поспешно отвела глаза, схватила плед и буквально юркнула обратно в дом, плотно закрыв за собой дверь и задернув плотные шторы.

В этом жесте не было агрессии. В нем был только первобытный, иррациональный страх. Страх заразиться социальной проказой.

Елена медленно опустилась в кресло. Она посмотрела на свой мобильный телефон, лежащий на журнальном столике. За весь день на него не поступило ни одного звонка. Никто из коллег по медицинской ассоциации не позвонил спросить, как она держится. Никто из старых друзей не предложил помощь.

Вакуум был идеальным. Он выкачал из их жизни всё: деловую репутацию, дружеские связи, презумпцию невиновности и само право называться нормальными людьми. Антикультовая сеть сработала безупречно. Им не потребовалось ни единого выстрела, ни одного физического удара, чтобы уничтожить социальный фундамент семьи. Они просто произнесли правильные слова в правильные микрофоны, и общество само, добровольно и с энтузиазмом, возвело вокруг Воронцовых невидимую, но абсолютно непроницаемую стену.

Глава 11. Утро, которого не было

Циферблат электронных часов на прикроватной тумбочке показывал 05:42. В это время загородный поселок обычно погружен в самую глубокую, вязкую тишину, когда даже птицы еще не начинают петь, а уличные фонари автоматически гаснут, уступая место серому предрассветному полумраку.

Андрей Воронцов проснулся за секунду до того, как реальность раскололась на части. Его разбудил не шум, а странная, тяжелая вибрация пола. Он приподнялся на локте, пытаясь нащупать на тумбочке очки.

В следующую секунду входная дубовая дверь, которую они с Еленой выбирали по каталогу пять лет назад, с оглушительным треском вылетела из дверной коробки. Звук был таким плотным, что ударил по барабанным перепонкам, вызвав мгновенную тошноту. По первому этажу загрохотали десятки тяжелых армейских ботинок.

— Работает спецназ! Всем лежать! Руки за голову!

Крики сливались в сплошной, агрессивный рев, многократно усиленный акустикой просторного дома. По лестнице на второй этаж уже неслись люди в черной тактической форме, бронежилетах и шлемах. В темноте спальни замелькали ослепительно яркие лучи подствольных фонарей и красные точки лазерных целеуказателей.

Дверь в спальню не просто открыли — ее выбили ударом ноги.

Андрей инстинктивно заслонил собой жену, которая с криком проснулась от грохота. Это было последнее осмысленное движение, которое ему позволили сделать. Чьи-то жесткие руки в кевларовых перчатках схватили его за плечо и с силой рванули с кровати. Шестидесятилетний мужчина, биохимик, чьим самым тяжелым физическим трудом за последние годы была работа в саду, рухнул на паркет.

— Лицом в пол! Руки за спину, я сказал! — проорал голос над самым ухом.

Чье-то колено с размаху опустилось Андрею между лопаток, выдавливая из легких остатки воздуха. Он попытался повернуть голову, чтобы увидеть Елену, но тяжелый ботинок придавил его щеку к холодному дереву. Краем глаза, без очков, в размытом пятне света он увидел, как двое бойцов стаскивают его жену на пол. Елена была в одной тонкой ночной сорочке. Она задыхалась от ужаса, пытаясь прикрыть грудь дрожащими руками.

— Пожалуйста, — прохрипел Андрей, чувствуя вкус крови от разбитой губы. — Дайте ей одеться. Дайте мне очки. Мы не сопротивляемся.

— Молчать! — последовал короткий удар по ребрам. Металл наручников больно впился в запястья, защелкнувшись до самого упора. Кровообращение в кистях мгновенно нарушилось.

В комнате вспыхнул верхний свет. Ослепительно яркие люстры, которые Елена так любила включать по вечерам, теперь освещали сцену абсолютного, иррационального насилия. В спальне находилось шестеро вооруженных до зубов бойцов спецназа. Они держали на прицеле автоматов двух пожилых, полуголых людей, лежащих на полу.

Эта несоразмерность применения силы не была случайностью или ошибкой исполнителей. Она являлась фундаментальной частью технологии устрашения.

Правозащитные доклады, детально анализирующие преследования мирных граждан на основании антикультовой риторики, фиксируют этот паттерн как системный. Когда государственная машина получает сигнал об «экстремистской угрозе» или «деструктивном культе», она не делает различий между вооруженным террористическим подпольем и производителями витаминов.

Истоки этой жестокости отчасти можно искать в структурных изменениях самих правоохранительных органов. Еще в 2008 году, после реформирования подразделений, связанных с борьбой с организованной преступностью и терроризмом, в системе МВД появилась служба по противодействию экстремизму, позднее получившая новое наименование в рамках реформы 2011 года. Оперативники, привыкшие десятилетиями работать с реальными бандитами, рэкетирами и убийцами, оказались в новой институциональной логике, где прежние силовые навыки начали применяться к куда более широкому кругу объектов. Их методы — жесткие задержания, силовое давление, психологическое давление — остались прежними, но объекты применения изменились. Им нужны были новые показатели, новые «враги государства». И именно в этот момент антикультовая сеть услужливо предоставила им списки так называемых «сектантов». Силовики перенесли методы подавления организованной преступности на людей с тонкой душевной организацией, на верующих, на предпринимателей, на тех, кто не мог ответить ударом на удар.

То, что происходило сейчас в доме Воронцовых, было точной копией десятков других задокументированных рейдов. В официальных отчетах правозащитников зафиксирован поразительно похожий случай, демонстрирующий стандартизацию этого насилия:

«В дом Калиных силовики ворвались ранним утром в октябре 2021-го, выломав окно в кухне, хотя верующие даже не запирали входную дверь. Осколки оконного стекла рассыпались по полу — на них повалили 52-летнего Ярослава, из его пораненных рук и ног потекла кровь. На мужчину надели наручники и запретили одеваться. “Когда мы попросили вызвать адвоката — над нами просто посмеялись”, — говорит дочь Ярослава Светлана. Осколки стекла из своего тела сын жертв репрессий, сам ставший жертвой, извлекал уже в СИЗО. На жалобы, которые подавали его дочь и зять, СК и полиция отвечали отказами».

Андрей Воронцов не знал об этих прецедентах. Он лежал на полу собственного дома, чувствуя, как немеют скованные за спиной руки, и пытался найти хоть каплю логики в происходящем.

В спальню неторопливым шагом вошел человек в штатском. На нем была неприметная серая куртка, в руках он держал кожаную папку. Это был

следователь. Он окинул взглядом лежащих на полу супругов, перешагнул через разбросанные вещи и остановился у кровати.

— Воронцов Андрей Николаевич? Воронцова Елена Викторовна? — голос следователя был скучным, лишенным всяких эмоций. Он выполнял рутинную бюрократическую процедуру. — Я старший следователь следственного управления. На основании постановления суда в вашем жилище проводится обыск в рамках уголовного дела, возбужденного по признакам создания или руководства объединением, деятельность которого сопряжена с причинением вреда здоровью граждан и посягает на личность и права граждан.

— Вызовите нашего адвоката, — с трудом произнесла Елена. Ее зубы стучали от холода и шока. — Мы имеем право связаться с защитником.

Следователь усмехнулся точно так же, как смеялись над семьей Калиных.

— Телефоны изъяты. Адвокат вам понадобится позже, в изоляторе. А пока мы будем осматривать ваше логово. Понятые, заходите!

Вместе с двумя испуганными соседями, которых вытащили из постелей, в комнату протиснулся еще один человек. У него на плече громоздилась профессиональная телевизионная камера, а над объективом горел мощный светодиодный прожектор. Следом за оператором появилась молодая девушка с микрофоном, на котором красовался логотип известного федерального канала.

Показ силового обыска так, будто вина человека уже доказана судом, может нарушать презумпцию невиновности, а присутствие посторонней съемочной группы на следственном действии создает риск нарушения тайны следствия и права на частную жизнь. Но в делах, которые критики связывают с антикультовой риторикой, телевизионщики нередко оказываются в первой линии атаки. Их задача — зафиксировать унижение, снять беспомощных, раздавленных людей в нижнем белье и выдать это в эфир как доказательство их преступной сущности.

Оператор бесцеремонно навел объектив прямо на лицо Андрея. Яркий свет резанул по глазам.

— Снимай, снимай крупным планом, — скомандовала журналистка. — Вот они, лидеры деструктивной группировки.

Следователь подошел к книжному шкафу, где стояли медицинские справочники Елены и корпоративные буклеты «БиоТраектории». Он демонстративно, на камеру, достал несколько брошюр с логотипом компании.

— Фиксируем изъятие литературы, используемой для психологической обработки adeptов, — громко, специально для микрофона произнес он. Затем он выдвинул ящик комода и достал оттуда несколько пластиковых банок с витаминами, которые Елена приносила с завода для личного пользования. — Изъяты неизвестные препараты. Возможно, психотропные вещества, с помощью которых подавлялась воля потерпевших. Отправим на экспертизу.

Андрей закрыл глаза. Слова, которые еще вчера казались ему просто буквами на бумаге, абсурдными выдумками псевдоученых, теперь обрели физическую плотность. Они превратились в стальные браслеты на его запястьях, в сапог на его спине, в объектив телекамеры, транслирующий его позор на всю страну. Они не искали истину. Они создавали картинку, которая должна была совпасть с текстом экспертного заключения.

Обыск продолжался четыре часа. Силовики вспарывали ножами обивку мягкой мебели, вытряхивали содержимое шкафов на пол, разбивали цветочные горшки. Они искали тайные списки, черную кассу, инструкции по гипнозу — всё то, что было щедро описано в экспертизе профессора Александра Дворкина. Не найдя ничего, кроме обычных семейных сбережений, медицинских карт и старых фотографий, они изымали всё подряд, сваливая вещи в черные пластиковые мешки.

В 09:45 Андрея и Елену, так и не позволив им нормально одеться — разрешили лишь накинуть спортивные костюмы поверх белья — вывели на улицу. Соседи, те самые люди, с которыми Воронцовы годами здоровались и пили чай, стояли за своими заборами и молча смотрели, как двоих пожилых людей заталкивают в зарешеченный кузов полицейского микроавтобуса. Никто не вышел вперед. Никто не задал вопросов. Страх парализовал улицу.

В это же самое время, за восемьсот километров от Москвы, на спортивной базе «Озеро Круглое» начинался обычный тренировочный день.

Илья Воронцов проснулся от звонка будильника. В комнате пахло свежестырытым постельным бельем и легким ароматом озона от

работающего увлажнителя воздуха. Мышцы приятно ныли после вчерашних нагрузок. Он сел на кровати, потянулся, разминая плечевой пояс, и по привычке потянулся за смартфоном, лежащим на тумбочке.

На экране светилось сорок восемь пропущенных вызовов от незнакомых номеров и более сотни уведомлений из новостных агрегаторов.

Илья нахмурился. Он разблокировал экран и открыл первое попавшееся сообщение в Telegram. Это была ссылка на срочный выпуск новостей федерального канала. Заголовок гласил: «Спецоперация в Подмосковье: силовики накрыли логово коммерческой секты. Задержаны родители олимпийского призера».

Сердце Ильи пропустило удар. Палец завис над экраном, а затем нажал на кнопку воспроизведения видео.

Картинка дернулась. В кадре появилась знакомая дубовая дверь их дома, разлетающаяся в щепки под ударами тарана. Затем камера переместилась внутрь. Вспышки света. Крики.

Илья перестал дышать. На экране, в неестественно ярком свете прожектора, он увидел своего отца. Человека, который учил его плавать. Человека, который всегда носил строгие костюмы и говорил тихим, размеренным голосом. Сейчас этот человек лежал на полу, придавленный коленом человека в маске. Его лицо было искажено болью, на подбородке темнела кровь. Рядом, сжавшись в комок, лежала мать. Ее седые волосы растрепались, она пыталась прикрыть голые ноги краем разорванной ночной рубашки.

Голос журналистки за кадром звучал бодро и торжественно: — Сегодня утром в ходе масштабной спецоперации пресечена деятельность опасной деструктивной группировки, скрывавшейся под вывеской фармацевтической компании. По данным следствия, задержанные использовали методы жесткого психологического контроля и подавления личности. При обыске изъята специфическая литература и препараты неизвестного происхождения...

Илья не слышал продолжения. Звук в его ушах превратился в глухой, пульсирующий гул, словно он находился на глубине пяти метров под водой и у него заканчивался кислород.

Он судорожно набрал номер отца. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Он набрал номер матери. «Аппарат абонента выключен...»

Илья вскочил с кровати. Его трясло. Спортивная база, его безопасная гавань, стены которой защищали его от внешнего мира, внезапно превратилась в картонную декорацию. Он посмотрел на стену, где на специальном крючке висела его серебряная олимпийская медаль. Кусок металла на ленте. Символ его статуса, его неприкосновенности, его веры в то, что честный труд гарантирует справедливость.

Он подошел к стене, снял медаль и посмотрел на свое отражение в зеркале шкафа. На него смотрел сильный, тренированный атлет, гордость страны. Человек, способный преодолеть сопротивление воды быстрее миллионов других людей. Но сейчас вся его физическая сила, вся его дисциплина и все его достижения были абсолютно бесполезны.

На экране брошенного на кровать смартфона видео пошло на второй круг. Снова треск выбиваемой двери. Снова крики спецназа. Снова лицо отца, вдавленное в паркет. Государственная машина, запущенная ложной экспертизой и оплаченная конкурентами, пережевывала его семью в прямом эфире, превращая их жизни в кровавый телевизионный контент. Илья стоял посреди комнаты, сжимая в руке холодный металл медали, и смотрел, как рушится мир, в который он верил с самого детства.

Глава 12. Бетонные стены

Дорога от тренировочной базы до Москвы слилась для Ильи в одну сплошную, пульсирующую серую полосу. Он гнал машину на пределе допустимой скорости, судорожно сжимая руль побелевшими пальцами. В его голове, натренированной на четкие алгоритмы действий — старт, гребок, вдох, поворот — сейчас царил абсолютный хаос. Система координат, в которой он существовал всю свою жизнь, рухнула за одно утро.

Здание Главного следственного управления встретило его равнодушным гулом коридоров, запахом дешевого растворимого кофе и въевшейся в стены табачной гарью. Илья ожидал увидеть суету, напряжение, возможно, какую-то агрессию. Но здесь царила скучная, размеренная рутина. Люди в форме с папками под мышкой неспешно перемещались из кабинета в кабинет, кто-то обсуждал обед, кто-то жаловался на неработающий принтер. Для них уничтожение его семьи было просто очередным рабочим вторником.

Кабинет следователя Денисова находился на третьем этаже. Это был грузный мужчина с землистым цветом лица и потухшим взглядом. Он даже не поднял глаз от монитора, когда Илья вошел.

— Я хочу видеть своих родителей, — жестко произнес Илья, останавливаясь у прикрученного к полу стула. — Вы забрали их утром. Я имею право на свидание.

Денисов медленно перевел взгляд на спортсмена. В его глазах не было ни злости, ни сочувствия. Только глухое, непробиваемое раздражение чиновника, которого отвлекают от заполнения форм.

— Воронцов Илья Андреевич? — следователь сверился с какой-то бумагой на столе. — В свидании отказано.

— На каком основании?

— На основании статьи 18 Федерального закона № 103-ФЗ. Свидание с родственниками на стадии следствия возможно только по письменному разрешению лица, в производстве которого находится дело. В данный момент контакты обвиняемых с внешним миром нецелесообразны. Тайна следствия. Ваше присутствие может помешать установлению истины по делу.

— Какой истины? — Илья шагнул к столу, чувствуя, как внутри закипает ярость. — Мой отец — ученый. Мать — врач. Вы вломились к ним с автоматами, как к террористам!

— Сбавьте тон, гражданин, — Денисов устало потер переносицу. — Вашим родителям предъявлено обвинение по тяжкой статье. Создание организации, посягающей на личность и права граждан, с признаками экстремистской деятельности. Суд уже избрал меру пресечения. Оба отправлены в следственный

изолятор на два месяца. Адвокат у них был. Все вопросы к нему. Покиньте кабинет, или я вызову охрану.

Илья стоял перед дешевым столом из ДСП, физически ощущая свою беспомощность. Его мышцы, способные выдавать колоссальную мощь в воде, здесь были абсолютно бесполезны. Бюрократия не имела физического тела, по которому можно было бы ударить. Она состояла из параграфов, печатей и равнодушных взглядов.

Через час Илья сидел в машине адвоката Михаила Сергеевича, припаркованной в соседнем переулке. Юрист выглядел так, словно постарел на десять лет за одни сутки. Он нервно курил, стряхивая пепел в приоткрытое окно.

— Как прошел суд? — глухо спросил Илья. — Почему их не оставили под домашним арестом? У мамы астма, у отца гипертония. У нас есть дом, они никуда бы не сбежали.

Михаил горько усмехнулся и достал из портфеля копию судебного постановления.

— Илья, ты все еще мыслишь категориями нормального права. А мы находимся в зоне инквизиции. Судья даже не открыла наши медицинские справки. Она не смотрела на финансовые отчеты компании. Знаешь, на чем строилось ходатайство следствия об аресте? Исключительно на тяжести вменяемой статьи и на той самой экспертизе, которую состряпал центр профессора.

Адвокат ткнул пальцем в подчеркнутый абзац.

— Следователь заявил в суде: «Учитывая деструктивный, сектантский характер организации, обвиняемые обладают навыками психологического манипулирования и могут оказать давление на свидетелей, а также уничтожить доказательства». Судье этого хватило. Ярлык «экстремизма» работает как магическое заклинание. Он автоматически отключает презумпцию невиновности.

Михаил достал планшет и открыл сохраненный документ.

— Я хочу, чтобы ты понимал масштаб того, с чем мы столкнулись. Это не локальная ошибка судьи. Это система. Посмотри сюда. В ежегодном обзоре по

странам Amnesty по России говорится, что антиэкстремистское и антитеррористическое законодательство используется против критиков власти, религиозных групп и даже детей. Власти под видом борьбы с «экстремизмом» расширяют инструменты для произвольного преследования. А вот свежий доклад ООН А/НRC/60/59. В нем прямо зафиксировано, что политзаключенные и жертвы подобных кампаний нередко содержатся в условиях, которые сами по себе могут составлять пытку или жестокое обращение. Твои родители сейчас именно там. В механизме, который спроектирован для того, чтобы ломать людей.

В это же самое время, в нескольких километрах от них, Андрей Воронцов сидел на привинченной к полу железной шконке в камере следственного изолятора.

Его камера, рассчитанная на двоих, находилась в самом конце углового коридора. Здесь не было привычного тюремного полумрака. Наоборот, под потолком круглосуточно горела ослепительно яркая лампа, режущая глаза. Но самым страшным был не свет.

В камере было невыносимо, пронизывающе холодно. Окно представляло собой две толстые решетки — одну внутри, другую снаружи. Стекла не было вообще. Осенний ветер беспрепятственно гулял по помещению. Андрей потрогал стену рядом с кроватью — она была влажной, покрытой склизкой черной плесенью. Вода буквально сочилась по бетону. Батарея отопления оставалась ледяной.

Вместо нормального одеяла ему выдали тонкую, просвечивающую мешковину. Андрей, оставшийся в том же легком спортивном костюме, в котором его забрали из дома, свернулся калачиком, пытаясь согреться собственным дыханием. Его била крупная дрожь.

Но система не ограничивалась только температурным режимом. Ровно в шесть утра из хриплого динамика, вмонтированного над дверью, на максимальной громкости заиграла музыка. Это был не просто шум. Это был агрессивный, ритмичный звуковой удар, который физически давил на барабанные перепонки.

Андрей подошел к тяжелой металлической двери и нажал кнопку вызова дежурного. Когда в «кормушке» появилось равнодушное лицо конвоира, Воронцов попытался перекричать динамик:

— Пожалуйста, убавьте громкость! У меня болит сердце. И дайте чем-нибудь закрыть окно, здесь минусовая температура!

Конвоир молча захлопнул окошко. Музыка продолжила орать.

Это не было халатностью персонала. Это была целенаправленная, выверенная методика. В правозащитных архивах этот метод задокументирован с пугающей точностью. Адвокат Михаил Сергеевич, изучая аналогичные дела, нашел прямые свидетельства того, как антикультовая риторика развязывает руки сотрудникам ФСИН. В деле Ярослава Калина, мирного верующего, арестованного в 2021 году по схожим обвинениям в «экстремизме», применялись идентичные методы. Силовики выломали окно в его доме, повалили человека на осколки стекла, запретив одеваться. Позднее ОВД-Инфо со ссылкой на дочь Калина сообщало, что следователь понимал «сотрудничество» как признательные показания; в публикациях Свидетелей Иеговы также говорилось, что Калинин провел более двух лет в одиночной камере. На все жалобы родственников Следственный комитет отвечал стандартными отказами.

Андрей Николаевич, человек науки, привыкший к тишине лабораторий, чувствовал, как его сознание начинает дробиться под давлением звука и холода. На третий день этого акустического и температурного ада дверь камеры открылась. На пороге стоял следователь Денисов. Он был в теплом пальто, от него пахло хорошим табаком.

— Ну как, Андрей Николаевич? Остыли немного? — Денисов прошел в камеру, брезгливо оглядываясь. — У меня к вам предложение. Чисто человеческое.

Следователь достал из папки заранее отпечатанный протокол допроса.

— Вы подписываете чистосердечное признание. Подтверждаете, что в вашей компании «БиоТраектория» использовались методики психологического давления на клиентов. Что вы сознательно формировали закрытую группу. Если вы это сделаете, я прямо сегодня выхожу в суд с ходатайством об изменении

меры пресечения для вашей супруги. Ее переведут под домашний арест. У нее ведь астма, верно? В женском блоке сейчас очень душно. Камеры переполнены, вентиляции нет. Подумайте о жене.

Андрей посмотрел на бумагу. Буквы прыгали перед глазами. От него требовали оговорить себя, признать бредовые фантазии псевдоэкспертов юридическим фактом. Если он подпишет, их бизнес будет уничтожен окончательно, а клеймо «сектантов» останется с ними навсегда. Но если он откажется, Елена продолжит задыхаться в бетонной коробке.

В женском корпусе СИЗО Елена действительно задыхалась. Ее поместили в камеру размером три на шесть метров, где помимо нее находилось еще пять женщин. Окно из мутного пластика не открывалось, пропуская лишь узкую полоску воздуха. Камера находилась на солнечной стороне, и к полудню превращалась в раскаленную духовку.

Но самым тяжелым испытанием для Елены, врача с тридцатилетним стажем, привыкшей к стерильности и уважению личных границ, стало полное уничтожение человеческого достоинства.

В углу камеры, прямо над открытым унитазом, висела камера видеонаблюдения. Она работала круглосуточно. Красный индикатор записи мигал в темноте, напоминая о том, что за каждым ее движением наблюдают невидимые операторы.

— Не обращай внимания, Васильевна, — сказала ей одна из сокамерниц, молодая женщина, осужденная за мошенничество. — Они говорят, это чтобы мы с собой ничего не сделали. А по факту — просто ломают. Чтобы ты забыла, что ты человек. Когда ты животное, тобой управлять легче.

Елена сидела на краю своей койки, прижимая к груди ингалятор. Лекарства, которые Илья пытался передать в первый день, так и не дошли до нее — тюремный врач забрал их «на проверку», заявив, что препараты могут содержать запрещенные вещества. Каждый вдох давался с трудом. Воздух был густым, пропитанным запахом пота, сырости и дешевого табака.

Она закрыла глаза и попыталась представить лицо сына. Илью на пьедестале. Илью, улыбающегося в аэропорту. Эти воспоминания были единственным, что еще связывало ее с реальностью, где существовали

справедливость и здравый смысл. Здесь, за бетонными стенами, этих понятий не было. Здесь была только слепая, методичная машина, перемалывающая судьбы по заранее написанному сценарию.

Вечером того же дня Илья стоял у высокого кирпичного забора следственного изолятора. Моросил мелкий, колючий дождь. В руках он держал прозрачный пластиковый пакет. Внутри лежали теплые шерстяные носки для отца, запасной ингалятор для матери и несколько упаковок их собственных витаминов.

Окно приема передач закрылось перед его носом десять минут назад. Женщина в форме сухо отчеканила: «Медикаменты только через медчасть по заявлению. Вещи не положены, карантин. Следующий».

Илья смотрел на глухую металлическую дверь КПП. За этой дверью, в лабиринте сырых коридоров, находились люди, которые дали ему жизнь. Люди, чья единственная вина заключалась в том, что они построили успешный бизнес и перешли дорогу тем, кто умел покупать нужные слова у нужных экспертов.

Капля дождя упала на пластиковый пакет, издав тихий, сухой щелчок. Илья медленно опустил руку. Он больше не пытался стучать в закрытое окно. В этот момент, стоя под холодным московским дождем, он окончательно понял то, о чем говорил адвокат. Закон здесь не работал. Стучаться в двери системы, которая сама спроектировала этот ад, было бессмысленно. Чтобы вытащить родителей, нужно было не просить о милосердии. Нужно было понять, как устроена сама машина, кто пишет для нее инструкции и кто ставит печати на смертных приговорах.

Глава 13. Падение кумира

Звук застегиваемой молнии на большой спортивной сумке с логотипом национальной сборной прозвучал в пустой комнате неестественно громко. Илья Воронцов методично, с пугающим автоматизмом складывал свои вещи.

Тренировочные костюмы, плавательные очки, шапочки, полотенца. Еще вчера эта комната на базе «Озеро Круглое» была его домом, его крепостью, местом, где ковалось олимпийское серебро. Сегодня она превратилась в транзитную зону для изгоя.

Распоряжение о временном отстранении от участия в тренировочном сборе было подписано утром. Официальная формулировка гласила: «В связи с необходимостью урегулирования личных обстоятельств и до выяснения правового статуса». Бюрократический язык идеально маскировал суть происходящего. Никто не называл его преступником в лицо, но система уже вычеркнула его из своих списков.

Илья закинул сумку на плечо и вышел в коридор. Время близилось к обеду, у пловцов как раз закончилась утренняя сессия в бассейне. Навстречу ему шли ребята, с которыми он делил дорожки последние пять лет. С которыми ел за одним столом, играл в приставку по вечерам, стоял на пьедесталах эстафет.

При его появлении разговоры в коридоре мгновенно стихли. Люди, чьи спины и затылки он знал наизусть, внезапно находили очень важные дела: кто-то начинал усердно копаться в телефоне, кто-то резко сворачивал в боковой проход, кто-то просто опускал глаза в пол. Никто не подошел пожать руку. Никто не сказал слов поддержки. Страх оказаться в одном кадре с «токсичным» элементом оказался сильнее многолетней дружбы. Вакуум, который еще вчера поглотил его родителей, теперь плотным кольцом сомкнулся вокруг него самого.

Спортивный агент Ильи, Роман, назначил встречу не в своем светлом офисе в Москва-Сити, а в неприметной кофейне на окраине города. Когда Илья вошел, Роман уже сидел за угловым столиком, нервно помешивая остывший американо. Он даже не снял пальто.

— Садись, Илюха, — Роман не протянул руку для приветствия, а сразу пододвинул к нему плотную пластиковую папку. — Давай без долгих прелюдий. Ситуация критическая.

Илья открыл папку. Сверху лежал документ на плотной бумаге с водяными знаками. Заголовок гласил: «Уведомление о расторжении спонсорского соглашения № 88-В/2021 в одностороннем порядке». Дата стояла вчерашняя.

Это был тот самый глобальный бренд экипировки, контракт с которым должен был обеспечить Илье финансовую независимость до следующей Олимпиады.

— На каком основании? — глухо спросил Илья, пробегая глазами по строчкам. — Я не нарушал режим. Я не провалил ни одного допинг-теста.

— Пункт 4.2, абзац третий, — Роман ткнул пальцем в текст. — «Оговорка о морали и репутации». Бренд имеет право расторгнуть контракт немедленно, если спортсмен или его ближайшие родственники оказываются вовлечены в публичный скандал, который может нанести ущерб имиджу компании.

— Но ведь суда еще не было! — Илья почувствовал, как внутри поднимается волна бессильного гнева. — Мои родители в СИЗО по сфабрикованному обвинению. Экспертиза — это просто набор слов. Никакой секты нет, Рома, ты же сам был у нас дома!

— Илья, послушай меня внимательно, — агент подался вперед, понизив голос. — Корпорациям плевать на презумпцию невиновности. Им плевать, что решит суд через год или два. Они торгуют образом. Твой образ сейчас — это сын лидеров деструктивного культа. Вчера их PR-служба уже зафиксировала волну негатива в соцсетях: хэштег с призывом бойкотировать продукцию, пока они спонсируют «сектанта», разошелся по Twitter. Они не будут разбираться в религиозных экспертизах. Они просто отрезают зараженную конечность.

Роман достал из внутреннего кармана еще два конверта и положил их поверх папки.

— Здесь уведомление от производителя спортивного питания. А здесь — от часового бренда. Они все выходят из игры. Выплаты прекращены с сегодняшнего дня.

Илья смотрел на белые прямоугольники конвертов. В спорте он привык к тому, что результат измеряется секундомером. Цифры на табло были абсолютной, неоспоримой истиной. Если ты коснулся бортика первым — ты победитель, и никакие слухи не могут отнять у тебя медаль. Но в мире, куда его насильно втянули, объективной реальности не существовало. Здесь правила бал ярлыки.

— И еще одно, Илья, — Роман отвел взгляд в сторону окна. — Наш с тобой агентский договор... Я тоже вынужден его приостановить. У меня в пуле еще пятнадцать спортсменов. Если я продолжу представлять твои интересы, федерация начнет вставлять палки в колеса моим ребятам. Это бизнес. Ничего личного.

Агент встал, бросил на стол купюру за кофе и быстро вышел из заведения, словно спасаясь от пожара.

Илья остался один. Он достал телефон и открыл банковское приложение. На счету оставалось чуть больше трехсот тысяч рублей. Утром звонил адвокат Михаил Сергеевич — для оплаты независимых рецензий на экспертизу и подготовки апелляций требовалось минимум полмиллиона. Счета компании «БиоТраектория» были заморожены следствием. Личные счета родителей арестованы. Теперь иссяк и его собственный источник дохода. Финансовая удавка затянулась до предела.

Но потеря денег была лишь технической частью уничтожения. Настоящая казнь происходила в информационном пространстве.

Вернувшись в свою пустую московскую квартиру, Илья открыл ноутбук. Он знал, что этого делать не стоит, но не мог остановиться. Ему нужно было понять, как именно работает механизм расчеловечивания.

Публичный образ человека уничтожался не приговором суда, а цепочкой кликбейтных заголовков. Журналисты, получившие отмашку и готовые тезисы от антикультовой сети, начали разбирать по косточкам всю его жизнь, подгоняя факты под заранее заданный ответ.

На главной странице популярного спортивного портала висела огромная статья: «Спортивная дисциплина или сектантское программирование? Анатомия успеха Ильи Воронцова».

Автор статьи взял старые, глянцевого интервью Ильи и вывернул их наизнанку. Фраза Ильи «Я встаю в пять утра каждый день, потому что так приучил меня отец» теперь сопровождалась комментарием приглашенного психолога: «Депривация сна и жесткий контроль расписания — классические методы подавления воли в деструктивных культах. Ребенок с детства лишался свободы выбора, превращаясь в послушное орудие».

Слова Ильи о том, что он принимает только витамины семейного производства, подавались под заголовком: «Химический контроль: как адептов привязывают к организации через пищевые добавки».

Но самым страшным ударом стало появление так называемых «свидетелей». Антикультовая сеть всегда использует один и тот же проверенный паттерн — создание фейковой жертвы. Отступники, бывшие участники или просто случайные знакомые, которые по каким-то причинам затаили обиду, внезапно получают трибуну федерального масштаба. Их личная неприязнь, помноженная на инструкции антикультовых кураторов, превращается в «неопровержимые доказательства».

В эфире вечернего ток-шоу появился Денис — бывший пловец из юниорской сборной, который тренировался с Ильей пять лет назад, но был отчислен за систематические нарушения режима и пьянство. Теперь Денис сидел в студии в строгом костюме, с трагическим выражением лица, и вещал на многомиллионную аудиторию.

— Я всегда замечал, что с Ильей что-то не так, — говорил Денис, глядя в камеру. — Он был как запрограммированный биоробот. Никаких эмоций, никаких друзей вне своего круга. Его родители постоянно контролировали каждый его шаг. Они приезжали на соревнования и смотрели на нас, остальных ребят, как на людей второго сорта. Илья часто пытался навязать нам их корпоративную философию, говорил, что мы живем неправильно. Я ушел из спорта именно потому, что не мог выносить этого психологического давления с их стороны.

Илья смотрел на экран, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Денис лгал. Нагло, вдохновенно, по заранее написанному сценарию. Илья никогда не навязывал никому философию, а родители приезжали на трибуны просто чтобы поболеть за сына. Но в студии никто не ставил слова Дениса под сомнение. Ведущий сочувственно кивал, а приглашенные «эксперты-сектоведы» тут же подхватывали его слова, вплетая их в общую канву обвинения.

В этом заключалась квинтэссенция информационной травли. Десянсто процентов людей, которые знали Илью и его семью с хорошей стороны, молчали, запуганные агрессивным медийным фоном. А те единицы, кто был

готов лгать ради минуты славы или небольшого гонорара, становились главными источниками истины. Их предвзятые, искаженные рассказы формировали новую реальность, в которой Илья из национального героя превращался в опасного фанатика.

Комментарии под видео были похожи на открытый канализационный люк. «Теперь понятно, почему он такой отмороженный на дистанции. Под гипнозом плавал». «Отобрать медаль! Он не сам ее выиграл, это результат сектантского программирования». «Бедный парень, который давал интервью. Представляю, что ему пришлось пережить рядом с этим психопатом».

Илья захлопнул крышку ноутбука. Тишина пустой квартиры оглушала. Он подошел к окну. Внизу, в свете уличных фонарей, спешили по своим делам люди. Москва жила своей обычной жизнью. Никто из этих прохожих не знал, что прямо сейчас, в эту самую минуту, государственная машина перемалывает жизни двух невинных пожилых людей в бетонных камерах СИЗО, а их сына стирает из социальной реальности.

Ему нужно было двигаться. Физическое бездействие убивало его быстрее, чем газетные статьи. Мышцы, привыкшие к ежедневным многокилометровым нагрузкам, сводило судорогой.

Илья быстро оделся, взял спортивную сумку и вышел на улицу. Он не мог поехать на базу сборной, но в его районе был обычный муниципальный бассейн, куда он иногда ходил в детстве. Ему просто нужна была вода. Вода не читала новостей. Вода не расторгала контракты. Она принимала тебя таким, какой ты есть, требуя лишь правильной техники и выносливости.

Он купил разовый билет в кассе. Пожилая женщина за стеклом мельком взглянула на него, но ничего не сказала. Илья прошел в раздевалку, переоделся и вышел на бортик.

Запах хлорки ударил в ноздри, принося секундное, иллюзорное облегчение. В бассейне было немногочисленно — несколько пенсионеров на крайних дорожках и группа детей, занимающихся с тренером на мелководе.

Илья надел очки, подошел к свободной центральной дорожке и приготовился к прыжку.

— Извините, — раздался резкий женский голос у него за спиной.

Илья обернулся. Перед ним стояла женщина лет сорока, крепко сжимая за руку мальчика в плавках. Ее лицо было искажено смесью страха и брезгливости.

— Вы ведь Воронцов? — спросила она, делая шаг назад.

— Да, — спокойно ответил Илья.

— Я не позволю своему ребенку плавать с вами в одном бассейне, — женщина повысила голос, чтобы ее услышали остальные посетители. — Тренер! Тренер, почему вы пускаете сюда сектантов? Вы новости вообще смотрите? У него родители под следствием за экстремизм!

Тренер, молодой парень со свистком на шее, растерянно подошел к бортику. Пенсионеры на соседних дорожках остановились, повиснув на разделительных поплавах, и уставились на Илью.

— Женщина, успокойтесь, он просто купил билет... — начал было тренер.

— Я буду жаловаться директору! — не унималась мать. — Они людям психику ломают! Кто знает, что у него в голове? Пойдем отсюда, Никита, не стой рядом с ним.

Она дернула ребенка за руку и потащила его в сторону раздевалок. Мальчик испуганно оглядывался на высокого, широкоплечего спортсмена, который застыл на краю бассейна.

Тишина под сводами здания стала осязаемой. Десятки глаз смотрели на Илью. В этих взглядах не было восхищения, которое он привык видеть на трибунах. В них был только липкий, первобытный страх перед чужаком, перед носителем социальной инфекции.

Илья посмотрел на голубую, спокойную гладь воды. Его стихия была прямо перед ним, на расстоянии одного шага. Но он понимал, что больше не может в нее войти. Ярлык, придуманный циничным профессором в кабинете с дубовой мебелью и растиражированный тысячами кликбейтных заголовков, оказался прочнее бетонных стен. Он просочился в реальный мир, отравив воздух вокруг Ильи.

Спортсмен медленно снял плавательные очки. Он развернулся и пошел обратно в раздевалку под пристальными, настороженными взглядами людей, оставляя за собой мокрые следы на кафеле. В этот момент Илья Воронцов, серебряный призер Олимпийских игр, окончательно осознал: его прошлая жизнь мертва, а в новой он остался абсолютно, тотально один на один с системой, которая не остановится, пока не уничтожит их всех до конца.

Глава 14. Бюрократия смерти

Камера номер 412 жила по своему собственному, вязкому времени, которое измерялось не часами, а сменами караула и лязгом дверных замков. Для Андрея Воронцова, человека, привыкшего к стерильной точности биохимических лабораторий и строгому расписанию производственных линий, этот новый мир стал физической пыткой еще до того, как у него начались серьезные проблемы со здоровьем.

Боль в груди появилась на пятый день ареста. Сначала это было легкое, почти незаметное жжение за грудиной, которое он списывал на стресс, ледяной сквозняк из окна без стекол и постоянный недосып из-за круглосуточно горящей под потолком лампы. Но к концу первой недели жжение превратилось в тяжелый, пульсирующий ком, отдающий в левое плечо и челюсть. Андрей Николаевич прекрасно знал эти симптомы. Ему был жизненно необходим его препарат, который остался дома, на кухонном столе, в тот самый день, когда спецназ выбил их дверь.

Утром, во время ежедневного обхода, он подошел к тяжелой металлической двери и обратился к дежурному офицеру через приоткрытую «кормушку».

— Гражданин начальник, мне нужен врач. У меня гипертонический криз и подозрение на стенокардию. Мой сын должен был передать лекарства.

Лицо в квадратном вырезе двери оставалось абсолютно бесстрастным. Молодой парень в форме ФСИН жевал жвачку, глядя на пожилого ученого пустыми, скучающими глазами.

— Пишите заявление на медчасть, — заученно отчеканил конвоир. — Передадите в обед. Если сочтут нужным — вызовут. А хотите своего врача с воли — это отдельное заявление, его по правилам рассматривают до трех рабочих дней.

— У меня нет трех дней, — Андрей попытался сделать глубокий вдох, но воздух словно застревал в горле. — Лекарства лежат на проходной. Их просто нужно пропустить.

— Медикаменты с воли принимаются только если медчасть подтвердит показания. На руки вам их все равно не выдадут — принимать будете под контролем. Без заключения врача я вам даже аспирин не пропущу. Положено по регламенту. Отойдите от двери.

«Кормушка» с лязгом захлопнулась. Андрей медленно опустился на свою койку, покрытую тонким, влажным от сырости матрасом. В этом заключалась истинная, леденящая кровь природа системы, в которую они попали. Здесь не было киношных злодеев с паяльниками и щипцами. Здесь не было изощренных физических пыток в подвалах. Смерть в этих стенах наступала не от побоев, а от безупречно выстроенной системы мелких, бюрократически обоснованных лишений. Убийство совершалось посредством инструкций, параграфов и ведомственных приказов.

В это же самое время Илья Воронцов стоял под морозящим московским дождем у кирпичной стены следственного изолятора. В руках он сжимал прозрачный пластиковый файл, внутри которого лежали блистеры с таблетками, выписки из медицинской карты отца и рецепты, заверенные печатями кардиологического центра.

Рядом с ним нервно курил адвокат Михаил Сергеевич. Юрист только что вышел из здания управления, где пытался добиться, чтобы следователь письменно обратил внимание администрации СИЗО на состояние здоровья Андрея и необходимость допуска назначенных препаратов.

— Глухо, — Михаил бросил окурок в лужу и поднял воротник плаща. — Денисов отказался подписывать. Сказал, что штатный врач СИЗО осмотрел твоего отца при поступлении и признал его годным к содержанию под стражей. А препараты, которые ты принес, якобы требуют дополнительной экспертизы, так как могут содержать «неустановленные химические соединения».

— Какие соединения? — Илья сорвался на крик, потрясая пластиковым файлом. — Это стандартный эналаприл и бета-блокаторы! Они продаются в любой аптеке! Мой отец умрет без них!

— Илья, успокойся и послушай меня, — адвокат жестко взял спортсмена за плечо. — Ты должен понять логику машины, которая вас перемалывает. Они делают это специально. Неоказание медицинской помощи — это один из самых тихих и эффективных инструментов давления на так называемых «узников совести» и фигурантов дел об экстремизме. Им нужно, чтобы твой отец сломался и подписал признательные показания. А для этого его нужно довести до состояния физического истощения.

Михаил достал из своего портфеля планшет, смахнул капли дождя с экрана и открыл объемный текстовый документ.

— Я вчера полночи изучал правозащитные доклады по аналогичным делам, инициированным антикультавой сетью. То, что происходит с твоим отцом — это не эксцесс исполнителя. Это стандартизированный конвейер. Когда начинаешь вникать в истории людей, признанных «опасными экстремистами», то недоумение — это самое мягкое из возможных чувств. Среди преследуемых заметная доля — пожилые люди. Среди них есть инвалиды и люди с тяжелыми хроническими заболеваниями. В чём именно заключается их «опасность»?

Адвокат пролистал страницу вниз, находя нужный абзац.

— Вот, посмотри на этот задокументированный случай. Это произошло совсем недавно. «Полиция пришла в дом супругов-инвалидов Лубиных в Шадринске июльским утром 2021-го, во время обыска у супруги Александра Татьяны случился инсульт — отнялись ноги и язык. Несмотря на это, Александра увезли в СК, где он узнал, что следователь Николай Астапов возбудил против него уголовное дело по ст. 282.2 УК РФ («Организация деятельности экстремистской организации»). Лубина направили в СИЗО на два месяца, хотя

его инвалидность была очевидна: арестованный передвигался с большим трудом. Летом 2021-го ему смогло помочь экстренное вмешательство ЕСПЧ — меру пресечения смягчили. Но 20 дней, проведённых за решёткой, лишили его возможности выходить из дома — обострились боли».

Михаил посмотрел Илье прямо в глаза.

— Незадолго до своей смерти этот пенсионер сказал в суде страшные слова. Он говорил, что было мучительно наблюдать, как на процессе допрашивали пожилых свидетелей старше 80 лет, которые плохо видели и слышали, а следователи составляли протоколы так, как им было удобно. Во время заседаний этот человек был настолько слаб, что ложился на скамью, чтобы просто перевести дыхание. Понимаешь? Система целенаправленно бьет по самым слабым. Пожилые люди, инвалиды, люди с хроническими заболеваниями — идеальные мишени. Их не нужно бить током. Достаточно просто закрыть их в сырой камере и «потерять» заявление на выдачу таблеток.

Илья смотрел на экран планшета, где была открыта фотография пожилого человека, лежащего на жесткой деревянной скамье в зале суда. В этот момент абстрактное понятие «несправедливость» обрело для него абсолютно конкретные, физиологические черты. Он представил своего отца, интеллигентного, мягкого человека, который сейчас задыхается в бетонной коробке, пока следователь Денисов пьет чай в своем теплом кабинете.

— Я поеду в прокуратуру, — глухо сказал Илья. — Я напишу жалобу на бездействие врачей СИЗО. Я подниму прессу.

— Пресса уже написала, что вы — секта, — горько усмехнулся Михаил. — А прокуратура спустит твою жалобу обратно Денисову. Но мы будем бороться. Я сейчас же еду составлять экстренное ходатайство о медицинском освидетельствовании и оказании помощи, а также жалобу на бездействие администрации СИЗО и следствия. Держи телефон включенным.

Но бюрократия всегда работает быстрее, чем правосудие, особенно когда ее цель — уничтожение.

Ночь с четверга на пятницу выдалась в Москве аномально холодной. Температура опустилась ниже нуля, и ледяной ветер беспрепятственно задувал в камеру 412 сквозь решетки.

Около двух часов ночи Андрей Воронцов проснулся от того, что его грудную клетку словно сдавило стальным обручем. Боль была настолько острой и всеобъемлющей, что он не мог даже застонать. Он попытался сесть на койке, но левая рука абсолютно онемела и не слушалась. Дыхание превратилось в короткие, поверхностные хрипы.

Его сокамерник, молодой парень, обвиняемый в краже, спал на верхнем ярусе, отвернувшись к стене.

Андрей Николаевич понимал, что это инфаркт. Обширный, стремительный. Ему нужно было нажать кнопку экстренного вызова дежурного, которая находилась у самой двери, в трех метрах от его койки. Три метра по бетонному полу.

Он перевалился через край матраса и упал на колени. Холодный бетон обжег кожу сквозь тонкую ткань спортивных штанов. Опираясь здоровой правой рукой о стену, покрытую склизкой плесенью, ученый попытался подняться. В глазах потемнело. Сердце билось неровно, срываясь в хаотичный, смертельно опасный ритм.

Он сделал один шаг. Затем второй. До заветной красной кнопки оставалось меньше метра. Андрей протянул руку, но в этот момент стальной обруч в груди сжался до предела. Воздух окончательно покинул легкие. Мужчина рухнул на пол, ударившись плечом о железную ножку стола. Звук падения был глухим и тихим. Сокамерник на верхней шконке даже не пошевелился.

Андрей Воронцов лежал на грязном полу следственного изолятора, глядя в тускло освещенный потолок. В его угасающем сознании не было страха. Было лишь горькое, пронзительное недоумение. Он вспомнил свой завод, светлые цеха, улыбающиеся лица сотрудников. Он вспомнил, как они с Еленой радовались серебряной медали сына. Вся его жизнь была построена на созидании, на честном труде и вере в то, что закон защищает правых. И теперь эта жизнь обрывалась здесь, в луже конденсата, потому что группа экспертов и заинтересованных людей назвала его бизнес «деструктивным культом», а государственная машина с готовностью приняла эту версию за руководство к действию.

Его сердце остановилось в 02:47. Никто не пришел на помощь. Никто не поднял тревогу. Система спала спокойным сном.

Утром, во время проверки, дежурный конвоир обнаружил тело. Процедура была отработана до автоматизма. Никакой паники, никаких сирен. В камеру неспешным шагом спустился штатный врач изолятора — грузный мужчина с потухшим взглядом, от которого пахло дешевым табаком.

Он присел на корточки рядом с телом, посветил фонариком в зрачки, пощупал пульс на сонной артерии. Затем достал из кармана халата стандартный бланк констатации смерти.

Врач не стал осматривать условия содержания. Он не обратил внимания на ледяной ветер из окна. Он не вспомнил о том, что три дня назад лично отказал в приеме жизненно важных препаратов, сославшись на отсутствие визы следователя. Его задача заключалась в другом — защитить систему от любых претензий.

В графе «Предварительная причина смерти» его ручка быстро и уверенно вывела: «Острая сердечно-сосудистая недостаточность. Естественные причины».

Эти два слова — «естественные причины» — были идеальным юридическим щитом. Они снимали ответственность с конвоиров, которые игнорировали жалобы. Они оправдывали следователя, который не пропустил лекарства. Они делали смерть человека не результатом целенаправленной травли и пыточных условий содержания, а просто трагической случайностью, сбоем в организме пожилого человека. Бюрократия смерти завершила свой цикл, оформив убийство как медицинский факт.

В 11:30 утра у Ильи зазвонил телефон. На экране высветился незнакомый городской номер.

— Воронцов Илья Андреевич? — раздался в трубке сухой, канцелярский голос. — Это старший следователь Денисов. Вам надлежит срочно явиться в Главное следственное управление, кабинет 314.

— Вы помогли передать лекарства? — с надеждой спросил Илья, останавливаясь посреди улицы.

— Явитесь в кабинет. Разговор не телефонный.

Через сорок минут Илья сидел на прикрученном к полу стуле перед столом следователя. Денисов выглядел точно так же, как и в их прошлую встречу. Он неторопливо перебирал какие-то бумаги, делал пометки карандашом. На краю стола стоял остывший чай в подстаканнике.

Следователь открыл серую картонную папку и достал оттуда лист дешевой, сероватой бумаги. Он не смотрел Илье в глаза.

— Сегодня ночью в камере следственного изолятора номер четыре скончался обвиняемый Воронцов Андрей Николаевич, — ровным, лишенным всяких интонаций голосом произнес Денисов. — Предварительная причина — обширный инфаркт миокарда. Признаков насильственной смерти не обнаружено.

Илья перестал дышать. Слова следователя доносились до него словно сквозь толщу воды. Звуки кабинета — гудение компьютера, шум машин за окном, тиканье настенных часов — слились в один невыносимый, звенящий гул.

— Что вы сказали? — одними губами прошептал спортсмен.

— Я понимаю ваше состояние, — Денисов пододвинул лист бумаги по столешнице в сторону Ильи. — Но процедура требует вашего ознакомления. Это официальное уведомление о подготовке постановления о прекращении уголовного преследования в отношении Воронцова А.Н. в связи с его смертью. Вам необходимо расписаться внизу, где галочка. Тело будет передано в городской морг номер три для проведения вскрытия. Вещи покойного вы сможете забрать завтра в окне выдачи СИЗО.

Илья опустил взгляд на бумагу. Черные буквы прыгали перед глазами. В правом верхнем углу стоял штамп с гербовым орлом. Внизу — размашистая подпись следователя.

Его отец, человек, который научил его плавать, который построил компанию, дававшую работу сотням людей, который никогда в жизни не нарушил закон, теперь был сведен к одному абзацу казенного текста на дешевой бумаге. Система не извинялась. Система не объясняла, почему к человеку с

больным сердцем не пустили лекарства. Система просто закрывала учетную карточку.

Илья взял со стола шариковую ручку. Его пальцы, способные выдерживать колоссальные нагрузки на дистанции, сейчас дрожали так сильно, что он едва мог удержать пластиковый стержень. Он поставил кривую, неровную подпись в указанном месте.

— А моя мать? — голос Ильи прозвучал чужой, хриплой нотой. — Она тоже там. У нее астма. Вы убьете и ее?

Денисов забрал бумагу, аккуратно подшил ее в папку и наконец поднял глаза на спортсмена. В его взгляде не было ни капли раскаяния.

— Ваша мать проходит обвиняемой по тому же делу. Мера пресечения остается прежней. Следственные действия продолжаются. Свободны, гражданин Воронцов.

Илья медленно поднялся со стула. Он вышел из кабинета, прошел по длинному, пропахшему табаком коридору и спустился по лестнице на улицу. Холодный осенний ветер ударил в лицо. В кармане куртки лежал пластиковый файл с таблетками, которые больше никому не были нужны. Илья остановился на крыльце следственного управления, глядя на серый московский асфальт, и физически ощутил, как внутри него навсегда умирает тот наивный парень, который верил в справедливость правил и честную игру.

Глава 15. Последняя опора

Автоматический женский голос в трубке прозвучал с металлической, бездушной четкостью: «Соединение установлено. Разговор контролируется. У вас есть пятнадцать минут».

Затем раздался щелчок, и сквозь плотный слой статических помех Илья услышал тяжелое, прерывистое дыхание.

— Мама? — он до боли сжал пластиковый корпус смартфона, стоя у окна своей пустой московской квартиры. За стеклом хлестал холодный ноябрьский дождь.

— Илюша... мальчик мой, — голос Елены Викторовны был тихим, надтреснутым, словно она говорила через силу, экономя каждый кубический сантиметр воздуха. Но даже в этой слабости чувствовалась колоссальная, нечеловеческая попытка сохранить достоинство.

Она знала о смерти мужа. Адвокат сообщил ей эту новость три дня назад, во время короткого визита в следственный изолятор. Илья с ужасом ждал этого звонка, единственного разрешенного следователем за весь месяц, боясь услышать истерику, слезы, окончательный слом. Но его мать, врач с тридцатилетним стажем, женщина, построившая вместе с мужем огромное производство, выбрала другую стратегию. Она пыталась защитить сына даже оттуда, из бетонной коробки женского спецблока.

— Как ты себя чувствуешь? Тебе передали ингаляторы? Михаил Сергеевич подал жалобу на начальника медчасти, они обязаны были...

— Илюша, послушай меня, — перебила она, и этот короткий всплеск энергии закончился глухим, лающим кашлем. Илья физически ощутил, как она там, на другом конце провода, прижимает руку к груди, пытаясь выровнять дыхание. — Не трать время на жалобы. У меня всё... терпимо. Девочки в камере уступили мне нижнюю полку, ближе к двери, там немного тянет свежим воздухом из коридора. Врач приходил вчера. Дал таблетки.

Она лгала. Илья слышал это по специфическому свисту в ее бронхах. Это был звук развивающейся обструкции, которую невозможно снять проветриванием из тюремного коридора. Она пыталась держать спину прямо, сидя на жесткой шконке, чтобы ее голос звучал увереннее. Она тратила последние крохи своего здоровья на то, чтобы ее сын не сошел с ума от бессилия.

— Мама, я вытащу тебя. Мы готовим ходатайство о немедленном переводе в стационар медицинской части или в больницу ФСИН. У тебя критические показатели, они не имеют права держать тебя в обычной камере.

— Сынок, — ее голос вдруг стал очень мягким, почти домашним, словно они сидели на их светлой кухне, а не разговаривали через систему тюремной связи.

— Папы больше нет. Наш завод забрали. Нас смешали с грязью. Но у них нет власти над тобой, пока ты сам им это не позволишь. Ты должен плавать. Слышишь меня? Что бы ни случилось со мной, ты не должен бросать воду. Это твоя жизнь. Не отдавай им свою жизнь.

«Осталась одна минута», — бесстрастно предупредил металлический голос системы.

— Мама, пожалуйста, держись. Завтра адвокат принесет новые бумаги. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, мой чемпион. И папа... папа очень тобой гордился.

Связь оборвалась резким, коротким гудком. Илья остался стоять посреди комнаты, слушая тишину. Он знал, что прямо сейчас, по ту сторону связи, его мать, потратившая весь запас кислорода на этот ровный, успокаивающий тон, задыхается в приступе кашля, согнувшись пополам на влажном матрасе.

Борьба за ее перевод в тюремную больницу превратилась в изматывающий марафон по кабинетам, где каждый чиновник был лишь винтиком в системе круговой поруки. Следователь Денисов отказывался подписывать направление, ссылаясь на то, что медицинских показаний недостаточно. Тюремный врач не давал заключения без отмашки следователя.

Эта бюрократическая стена не была случайностью или халатностью конкретных людей. Она представляла собой повторяющийся механизм давления на людей, которым уже навесили ярлык социальной угрозы.

В правозащитных материалах по делам, где людей обвиняли по статьям об «экстремистских организациях», уже описывались похожие истории: пожилых и больных обвиняемых помещали в СИЗО, несмотря на очевидные проблемы со здоровьем, а защите приходилось добиваться смягчения меры пресечения или медицинской помощи через жалобы, суды и срочные обращения. В одном из таких случаев, в Дагестане, женщина с бронхиальной астмой жаловалась на холод и сквозняки в СИЗО; суд изменил ей меру пресечения на домашний арест только после жалоб родственников и защиты. В другом — в Шадринске — пожилого инвалида Александра Лубина отправили в СИЗО после обыска по делу об организации деятельности экстремистской организации, а меру пресечения смягчили лишь после срочного вмешательства ЕСПЧ.

Система работала по единому стандарту, не делая исключений. Перевод Елены Викторовны в лечебно-профилактическое учреждение при следственном изоляторе состоялся только на десятый день после телефонного разговора с сыном.

Но тюремная больница оказалась не местом спасения, а лишь другой формой изоляции. Это были те же камеры, только с выкрашенными масляной краской стенами и запахом хлорамина, смешанным с запахом немытых тел. Оборудования для полноценной реанимации там не было, а штатный пульмонолог появлялся в отделении два раза в неделю. К моменту перевода легкие Елены Викторовны уже не справлялись с нагрузкой. Воспалительный процесс, помноженный на стресс, холод и отсутствие базовой терапии в первые недели ареста, перешел в критическую стадию.

Илья не знал деталей ее состояния. Ему по-прежнему отказывали в свиданиях. Его жизнь сузилась до маршрута между кабинетом адвоката, приемной прокуратуры и окном передач СИЗО.

На пятнадцатый день после смерти отца Илья понял, что начинает сходить с ума от физического бездействия. Его тело, привыкшее к ежедневным многокилометровым нагрузкам, сжигало само себя. Мышцы сводило болезненными спазмами, по ночам он просыпался от того, что задышался, словно переняв симптомы матери. Ему нужна была вода. Не для тренировки, не для поддержания формы, а просто для того, чтобы почувствовать границы собственного тела, чтобы смыть липкое ощущение кабинетной пыли и канцелярской безысходности.

Он поехал на окраину города, в старый муниципальный бассейн, построенный еще в советские годы. Купил разовый абонемент на самый ранний сеанс, в шесть утра, когда на дорожках почти никого не было.

Запах хлорки, влажный, тяжелый воздух, гулкое эхо под высоким потолком — всё это было его родной стихией. Местом, где действовали понятные законы физики. Вода всегда была честной. Она не читала газет, не смотрела ток-шоу, не требовала справок с печатями. Она просто держала тебя на поверхности, если ты правильно двигался.

Илья вышел на бортик. На нем были обычные плавки, без логотипов спонсоров, которые отвернулись от него в первый же день травли. Он надел очки, привычным жестом поправил ремешок на затылке и шагнул на стартовую тумбу.

Глубокий вдох. Толчок.

Тело вошло в воду с идеальным, бесшумным скольжением. Прохладная плотность обхватила его со всех сторон. На долю секунды Илье показалось, что всё вернулось на свои места. Что сейчас он сделает первый гребок, выйдет на поверхность, и весь этот кошмар с арестами, экспертизами и судами останется где-то там, на суше, как дурной сон.

Он начал работать руками. Классический кроль. Захват, подтягивание, отталкивание, пронос. Биомеханика, отточенная десятками тысяч часов изнурительного труда.

Но на пятнадцатом метре дистанции что-то пошло не так.

Вода, которая всегда была его союзником, вдруг стала вязкой, как ртуть. Мышцы плечевого пояса, способные выдавать взрывную мощность на финише олимпийского заплыва, внезапно налились свинцовой тяжестью. Илья попытался сделать вдох под левую руку, но грудная клетка отказалась расширяться. Воздух просто не шел внутрь.

Он сбился с ритма. Ноги начали тонуть, нарушая гидродинамику тела. Илья сделал еще один судорожный гребок, пытаясь выровнять положение, но координация полностью разрушилась. Нервная система, перегруженная горем, страхом и постоянным ожиданием удара, отказалась передавать сигналы к мышцам.

Спортсмен, входивший в десятку лучших пловцов планеты, начал захлебываться на гладкой воде муниципального бассейна.

Он остановился посреди дорожки, судорожно хватая ртом воздух, и вцепился обеими руками в пластиковые поплавки разделительного троса. Сердце колотилось о ребра с такой силой, что отдавалось болью в висках. Перед глазамиплыли темные круги.

Илья висел на тросе, тяжело дыша, и смотрел на кафельное дно сквозь прозрачную толщу воды. В этот момент пришло абсолютно ясное, физиологическое осознание: его сломали. Не юридически, не репутационно — его сломали физически. Мир, в котором он побеждал, опирался на фундамент его семьи. На уверенность в том, что дома его ждут. На знание того, что его родители — честные люди, чья любовь защищает его от любых внешних бурь.

Теперь этот фундамент был уничтожен. Государственная машина, вооруженная ложными бумагами, выбила из-под него последнюю опору. Без этой опоры его тело превратилось просто в набор мышц и костей, лишенных всякого смысла и направления. Он больше не мог плыть, потому что ему больше некуда было возвращаться.

Илья медленно, перебирая руками по тросу, добрался до бортика. Он вылез из воды, чувствуя себя глубоким стариком. Снял очки. Глаза покраснели от хлорки, но слез не было. Была только звенящая, ледяная пустота.

Он оделся в раздевалке, не принимая душ. Вышел на улицу. Утренний город только просыпался, зажигались витрины магазинов, люди спешили к станциям метро, прячась под зонтами от колючего снега с дождем.

В кармане куртки коротко, требовательно завибрировал телефон.

Илья достал аппарат. На экране светилось имя адвоката. Михаил Сергеевич никогда не звонил в половине восьмого утра, если только не происходило что-то экстренное.

Илья нажал кнопку приема вызова и поднес телефон к уху. Он не сказал ни слова.

На том конце провода повисла тяжелая пауза. Было слышно, как адвокат шумно выдыхает сигаретный дым.

— Илья, — голос Михаила Сергеевича был глухим, лишенным профессиональной уверенности. — Мне только что звонили из спецотделения больницы ФСИН.

Адвокат снова замолчал, подбирая слова, но Илья уже всё знал. Он знал это еще тогда, в бассейне, когда его легкие отказались принимать воздух. Связь

между ними была слишком сильной, чтобы он не почувствовал момент, когда она оборвалась.

— В шесть пятнадцать утра, — тихо продолжил юрист. — Остановка дыхания на фоне острой легочной недостаточности. Реанимационные мероприятия не дали результата. Мне очень жаль, мальчик. Я еду забирать документы.

Илья опустил руку с зажатым в ней телефоном. Он не сбросил вызов. Из динамика еще доносились какие-то слова адвоката о процедуре выдачи тела, о справках и моргах, но они тонули в шуме проезжающих мимо машин.

Он стоял на краю тротуара, глядя на серый поток утреннего трафика.

Его отец умер на бетонном полу от инфаркта, потому что ему не передали таблетки. Его мать задохнулась в тюремной палате, потому что следователь требовал признаний в преступлении, которого они не совершали. Их бизнес, построенный на честном труде, был растащен стервятниками. Их имена были превращены в синоним абсолютного зла стараниями людей в дорогих костюмах, торгующих научными степенями и страхом.

Антикультовая сеть выполнила свой заказ безупречно. Они не просто устранили конкурентов на рынке биологически активных добавок. Они провели показательную казнь, стерев целую семью из социальной реальности, а затем и из физической жизни.

Илья поднял лицо к небу. Холодные капли падали на его кожу, смешиваясь с запахом городской гари. Внутри него больше не было ни страха, ни отчаяния, ни надежды на справедливость закона. Все эти человеческие чувства выгорели дотла, оставив после себя лишь ровную, выжженную пустоту. Он остался абсолютно один в мире, который позволил убить его семью просто потому, что кто-то поставил правильную печать на лживой бумаге. И в этой звенящей тишине одиночества начало формироваться нечто новое — холодное, расчетливое и безжалостное понимание того, что правила игры изменились навсегда.

Глава 16. Край моста

Ветер над рекой был тяжелым, влажным и пронизывающим. Он нес в себе мелкую ледяную крошку, которая оседала на чугунных перилах моста, мгновенно превращаясь в тонкую, скользкую корку. Внизу, в тридцати метрах под ногами, тяжело ворочалась темная, свинцовая вода. Она не имела ничего общего с той прозрачной, голубой стихией, расчерченной ровными линиями дорожек, в которой Илья провел всю свою сознательную жизнь. Эта вода была хаотичной, равнодушной и абсолютно непроницаемой.

Илья стоял у ограждения, положив ладони на ледяной металл. На нем была легкая осенняя куртка, совершенно не спасавшая от ноябрьского холода, но он не чувствовал озноба. Физические ощущения отступили на задний план, заблокированные тем состоянием, которое психологи называют терминальной стадией шока. В нем не было ни капли истерики. Никаких слез, никаких надрывных рыданий или желания кричать в пустое небо. Истерика подразумевает наличие надежды — надежды на то, что тебя услышат, что кто-то придет на помощь, что ситуацию еще можно исправить.

У Ильи надежды не осталось. Внутри него образовалась абсолютная, звенящая, мёрзлая пустота.

Его мир, выстроенный на понятных правилах честного труда и спортивной дисциплины, был демонтирован до основания. Государственная система, вооруженная бумагами с синими печатями, методично, шаг за шагом, стерла его семью из реальности. Сначала они забрали репутацию, превратив фамилию Воронцовых в токсичный бренд. Затем они забрали свободу, выломав двери и надев наручники на пожилых людей. А потом, в сырых камерах и тюремных больницах, они забрали их жизни.

Илья смотрел на водовороты, закручивающиеся у бетонных опор моста. Его мозг, натренированный на анализ траекторий и расчет времени, сейчас работал с пугающей, отстраненной четкостью. Он смотрел вниз и с пугающим спокойствием думал о том, что между ним и концом этого бесконечного, изматывающего кошмара остался всего один шаг через чугунный барьер.

Ему больше некуда было идти. Квартира превратилась в склеп, наполненный вещами людей, которых больше нет. Спортивная база закрыла перед ним двери. Спонсоры вычеркнули его имя из контрактов. Общество, подогретое телевизионными эфирами, с радостью приняло предложенную ему роль инквизитора, назначив Илью изгоем, носителем социальной инфекции.

Но стоя здесь, на краю, в этой ледяной тишине, Илья вдруг начал осознавать одну пугающую деталь. То, что произошло с его семьей, не было трагической случайностью. Это не было ошибкой конкретного следователя или халатностью отдельного тюремного врача.

Несколько дней назад, разбирая бумаги в кабинете адвоката, Илья наткнулся на архивную папку. Михаил Сергеевич собирал прецеденты, пытаясь выстроить линию защиты, и в этой папке лежали копии документов по другим делам. Илья вспомнил один конкретный случай, который тогда скользнул по краю сознания, а сейчас всплыл с кристальной ясностью.

Это была справка по делу частного образовательного центра в одном из регионов Поволжья. В документах фигурировал пятидесятилетний педагог, разработавший авторскую программу адаптации для трудных подростков. Программа работала, родители были благодарны. Но затем, как утверждала защита, вокруг помещения, которое арендовал центр, возник имущественный конфликт. И в дело вступила уже знакомая технология.

Илья помнил сухие строчки из копии экспертного заключения по этому делу. Текст был подписан людьми из того же экспертного круга, что и заключение по компании его родителей. В документе утверждалось: «Использование дыхательной гимнастики и нестандартных методов командообразования свидетельствует о применении техник гипнотического подчинения. Организация обладает всеми признаками деструктивного культа, направленного на разрушение личности несовершеннолетних».

На основании этой бумаги, изобилующей псевдонаучными терминами, против педагога возбудили уголовное дело. В его квартиру точно так же ворвался спецназ. Его точно так же бросили в СИЗО, проигнорировав медицинские справки о гипертонии. В материалах защиты говорилось, что

после ареста его состояние резко ухудшилось и он умер; центр был закрыт, а помещение вскоре перешло под контроль других арендаторов.

Илья смотрел на черную воду и понимал: его родители были уничтожены по схеме, которая слишком часто повторялась, чтобы считать ее случайностью. Существовала целая индустрия, которая производила юридически значимую ложь. Люди с научными степенями сидели в своих теплых кабинетах и за деньги вписывали слова «контроль сознания» и «секта» в официальные бланки. Они не могли не понимать, что такие слова становятся основанием для обысков, арестов, разрушенных репутаций и сломанных жизней. Они встроились в систему, где статус эксперта давал почти безнаказанную власть над судьбой любого неугодного человека или бизнеса.

Это была не просто коррупция. Это был узаконенный, поставленный на поток садизм.

Илья перенес вес тела на руки, готовясь подтянуться и перекинуть ногу через чутунные перила. Ветер усилился, бросая в лицо горсти мокрого снега. Шум машин за спиной казался далеким, приглушенным, словно доносился из другого измерения.

В этот момент в правом кармане его куртки раздалась короткая, резкая вибрация.

Илья замер. Звук был настолько чужеродным в этой симфонии ветра и воды, что его тело отреагировало рефлекторно. За последние недели его телефон молчал. Люди вычеркнули его из своих контактов, боясь запятнать собственную репутацию связью с «сектантом». Звонили только адвокат и следователь.

Вибрация повторилась.

Илья медленно, словно преодолевая сопротивление плотной среды, опустил руку в карман и достал смартфон. Экран загорелся, разрезая серый полумрак ярким белым светом. На заблокированном дисплее висело одно новое сообщение в мессенджере.

Номер был не записан в телефонной книге, но Илья узнал его. Это был Антон — его старый школьный друг. Они сидели за одной партой до восьмого

класса, пока Илья не ушел с головой в профессиональный спорт. Антон часто бывал у них дома, ел пироги, которые пекла Елена Викторовна, и вместе с отцом Ильи чинил старый велосипед в гараже. После школы их пути разошлись: Илья уехал на сборы, а Антон поступил на юридический факультет.

Илья провел замерзшим пальцем по экрану, открывая текст. Сообщение состояло всего из трех коротких предложений.

«Илюха, я только сегодня вернулся из командировки и узнал. Твои родители были святыми. Это убийство».

Илья перечитал эти слова один раз. Потом второй.

Слово «убийство» горело на экране, пульсируя в сознании. Оно обладало совершенно иной гравитацией, чем те канцелярские формулировки, которыми его кормили следователи. «Естественные причины», «острая сердечная недостаточность», «прекращение уголовного преследования в связи со смертью обвиняемого» — весь этот бюрократический мусор, призванный замаскировать преступление, внезапно осыпался.

Антон назвал вещи своими именами.

Твои родители были святыми. Это убийство.

Мёрзлая пустота внутри Ильи дала первую трещину. В этот вакуум хлынул кислород, обжигая легкие.

Жертвы трагических обстоятельств прыгают с мостов. Жертвы судебных ошибок пишут бесконечные, бессмысленные жалобы в инстанции, которые сами же эти ошибки и совершают.

Но если это убийство — значит, есть убийцы.

Есть конкретные люди, которые заказали эту кампанию. Есть конкретный профессор, который поставил свою подпись под лживой экспертизой, зная, что отправляет невинных людей на смерть. Есть журналисты, которые за гонорар монтировали сюжеты, превращая заботу о здоровье в «деструктивный культ». Есть следователи, которые отказывались передавать лекарства, используя боль как инструмент давления.

Они все живы. Они пьют утренний кофе, получают зарплаты, выступают на конференциях и, возможно, прямо сейчас пишут новое заключение на очередную жертву, подобную тому педагогу или его отцу.

Илья поднял глаза от экрана и снова посмотрел на воду.

Еще минуту назад она казалась ему единственным выходом. Теперь она выглядела просто как грязная, холодная река. Прыгнуть туда означало бы сделать им последний, самый роскошный подарок. Это означало бы подтвердить их правоту. Завтра в новостях выйдет очередной сюжет, где приглашенный эксперт с умным лицом заявит: «Сын лидеров секты не выдержал тяжести осознания своих преступлений и покончил с собой. Это еще раз доказывает деструктивную природу их организации».

Они заберут даже его смерть, превратив ее в доказательство своей лжи.

Илья медленно разжал пальцы. Он отпустил чугунные перила и сделал один шаг назад. Затем второй.

Кровь, которая, казалось, застыла в его жилах, начала пульсировать с новой силой. Это не было возвращением к прежней жизни. Тот Илья Воронцов, наивный олимпийский призер, веривший в справедливость правил и чистоту спорта, остался стоять там, у перил. Он умер вместе со своими родителями в бетонных стенах следственного изолятора.

Человек, который сейчас отходил от края моста, был кем-то совершенно иным.

Он посмотрел на свои руки. Эти руки годами тренировались преодолевать сопротивление воды. Они знали, как распределять усилия на длинной дистанции. Они умели терпеть боль в связках, когда легкие горели от нехватки кислорода, а до финиша оставалось еще пятьдесят метров.

Спорт закончился. Бассейн с его прозрачной водой и четкими правилами был лишь инкубатором, тепличной средой, которая не имела ничего общего с реальностью. Реальность оказалась жестокой, беспринципной и насквозь лживой. И чтобы выжить в ней, чтобы заставить эту реальность ответить за содеянное, нужно было стать жестче, умнее и терпеливее тех, кто ее контролировал.

Илья достал телефон. Он открыл список контактов.

Первым он удалил номер своего спортивного агента Романа. Затем — номера тренеров, чиновников из федерации, бывших коллег по сборной. Он методично стирал из своей жизни всех, кто отвернулся от него при первых признаках опасности. Он очищал пространство для новой задачи.

Ему нужны были другие люди. Ему нужны были те, кто понимает, как работает эта машина. Юристы, способные тщательно разбирать ложные экспертизы. Аналитики, умеющие отслеживать финансовые потоки между заказчиками травли и исполнителями. Специалисты по информации, которые смогут вскрыть сеть анонимных каналов и продажных медиа.

Он найдет их. Он продаст остатки имущества, заложит всё, что имеет хоть какую-то ценность. Он выучит их язык — язык параграфов, уголовных статей, религиозных терминов и финансовых транзакций. Он погрузится в эту грязь с головой, изучит каждый винтик антикультовой сети, найдет каждую связь между уважаемыми профессорами и грязными оперативниками.

Они думают, что уничтожили бизнесмена и врача. Они думают, что сломали спортсмена. Они не понимают, что своими собственными руками создали человека, которому больше нечего терять, кроме одной-единственной цели.

Илья остановился на тротуаре. Ветер трепал его мокрые волосы, но холод больше не имел над ним власти. Внутри разгоралось ровное, холодное пламя абсолютной решимости, переплавленной в расчет.

Он нажал на номер Антона и поднес телефон к уху. Гудки шли долго. Наконец, на том конце раздался сонный, хриплый голос:

— Да? Илюха?

— Привет, — голос Ильи звучал ровно, без малейшей дрожи. В нем слышался металл. — Ты сказал, что ты со мной. Это еще в силе?

— Да. Конечно. Чем я могу помочь? Тебе нужны деньги? Адвокат?

— Мне нужны знания, Антон. Ты юрист. Ты знаешь, как работают базы данных, как поднимаются архивы судебных решений. Мне нужно всё, что ты

сможешь найти на РАЦИРС и на людей, которые подписывали экспертизу по моему отцу. Каждое их дело. Каждая их жертва.

— Илья, послушай, — голос друга стал напряженным. — Это опасные люди. За ними стоят серьезные структуры. Если ты начнешь копать...

— Они уже убили мою семью, — жестко перебил Илья. — Хуже они мне уже не сделают. А вот я им — отвечу. Я хочу знать, кто им платит, как они формируют свои заключения и с кем они связаны в следственном комитете. Мы соберем каждое их преступление. Мы найдем каждого человека, которого они уничтожили так же, как моих родителей.

В трубке повисла долгая пауза. Было слышно только тяжелое дыхание Антона.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Я подниму старые связи в прокуратуре. У меня есть доступ к закрытым реестрам. Но это займет время. Это не делается за один день.

— У меня теперь есть вся жизнь, — ответил Илья.

Он сбросил вызов и опустил телефон в карман.

Дождь со снегом продолжал хлестать по асфальту, смывая городскую пыль в ливневые стоки. Москва просыпалась, наполняясь гулом утренних пробок, светом фар и суетой миллионов людей, не подозревающих о том, какие чудовищные механизмы работают рядом с ними, скрываясь за фасадами уважаемых институтов.

Илья повернулся спиной к реке. Он больше не смотрел на воду. Он поднял воротник куртки, засунул руки глубоко в карманы и быстрым, уверенным шагом направился в сторону метро. Ему предстояло проделать огромную работу. Нужно было встретиться с Михаилом Сергеевичем, забрать все материалы уголовного дела, изучить каждую запятую в сфабрикованных документах. Нужно было начинать строить свою собственную систему — систему, которая однажды столкнется с антикультовой сетью и выведет ее механизмы на свет.

Шаг за шагом, он удалялся от края моста, унося с собой холодную решимость человека, который только что принял свое собственное, не

подлежащее обжалованию решение: те, кто считал себя безнаказанными вершителями судеб, должны будут ответить. Расследование началось.

Глава 17. Пять лет спустя

Пять лет — это тысяча восемьсот с лишним дней. Для профессионального спортсмена это один полный олимпийский цикл плюс год на восстановление и корректировку тренировочной базы. Для человека, потерявшего всё, это время, необходимое для полной, мучительной пересборки собственной личности.

Просторный офис на четырнадцатом этаже бизнес-центра на западе Москвы гудел тихим, ровным шумом мощных серверов. За панорамными окнами сгустились ноябрьские сумерки, расцветивая город тысячами огней, но внутри помещения царил холодный, стерильный свет светодиодных ламп.

Илья стоял перед огромной интерактивной панелью, занимавшей всю стену переговорной комнаты. От прежнего олимпийского призера в нем осталась лишь широкая линия плеч и привычка держать спину идеально прямо. Взгляд изменился навсегда. Исчезла юношеская открытость, вера в безусловную справедливость правил и чистоту игры. Глаза стали цепкими, сканирующими, привыкшими искать скрытые связи и нестыковки в массивах сухого текста.

Чтобы арендовать этот офис, закупить оборудование и получить доступ к закрытым базам данных, Илья продал всё. Загородный дом родителей, выставленный на торги после снятия ареста, ушел за бесценок из-за дурной славы. Спортивные автомобили, остатки уцелевшего оборудования завода «БиоТраектория», личные сбережения — всё было конвертировано в единственный ресурс, который теперь имел для него значение: в информацию.

Пять лет он не прикасался к воде. Вместо многокилометровых заплывов он погрузился в изучение юриспруденции, криминалистики и судебной психиатрии. Он спал по четыре часа в сутки, маниакально штудировав Уголовно-процессуальный кодекс, читая архивы судебных решений и анализируя

правоприменительную практику по делам об экстремизме. Он учился понимать язык системы, которая убила его семью.

Но Илья быстро осознал то, что понимает любой профессиональный следователь: в одиночку масштабные структуры не разрушаются. Ему нужны были люди. Не просто наемные сотрудники, а те, кто знал изнанку системы и имел к ней свой собственный, неоплаченный счет.

Дверь переговорной бесшумно открылась. В комнату вошел Глеб Тарасов — высокий, сухощавый мужчина сорока двух лет с преждевременной сединой на висках. В прошлом он занимал должность заместителя прокурора крупного областного центра. Его карьера оборвалась в 2018 году, когда он наотрез отказался подписывать обвинительное заключение против местной общины эко-фермеров. Городской администрации приглянулись их земли под застройку элитного поселка, и для быстрого выселения была подключена группа экспертов из антикультовой среды. Фермеров обвинили в создании «деструктивного поселения», приложив стандартную лингвистическую экспертизу. Глеб, изучив материалы, назвал экспертизу антинаучным бредом и закрыл дело за отсутствием состава преступления. Через две недели его вынудили уволиться с волчьим билетом, пригрозив уголовным преследованием за «превышение должностных полномочий».

Следом за Глебом в кабинет вошла Анна Панченко. Ей было двадцать девять, и до недавнего времени она считалась одной из самых вьедливых журналисток-расследователей в независимом федеральном издании. Анна ушла из профессии полгода назад, когда главный редактор снял с публикации ее большой материал о травле сети реабилитационных центров. Редактор прямо сказал ей, что после звонка «сверху» рисковать изданием ради «каких-то сектантов» он не намерен. Анна ненавидела фразу «все всё понимают, но ничего сделать нельзя». Она пришла к Илье, потому что здесь делать было можно.

— Сводка по регионам готова, — Глеб положил на стол толстую пластиковую папку и вывел данные со своего планшета на главный экран. — Мы закончили первичную систематизацию заказных дел за последние десять лет.

Илья кивнул, не отрывая взгляда от экрана, на котором начали появляться красные точки, покрывающие карту страны от Калининграда до Владивостока.

— Давайте проясним базовый принцип еще раз, — голос Ильи звучал ровно, без малейших эмоциональных колебаний. — Мы не мстители. Устранение лидера их ячейки или пары продажных экспертов ничего не изменит. Система просто заменит их другими исполнителями. Наша цель — полное юридическое и информационное уничтожение их структуры. Мы должны доказать в судах высшей инстанции, что их деятельность — это организованный криминальный бизнес, маскирующийся под защиту общества. Мы должны лишить их легитимности.

— Легитимность — это их главный щит, — согласился Глеб, выводя на экран отсканированный документ с гербовой печатью. — Я поднял архивы нормативных актов. Посмотри на это. Приказ Министерства юстиции № 53 от 18 февраля 2009 года.

Илья подошел ближе к экрану, вчитываясь в сухие канцелярские формулировки.

— Этим приказом были утверждены порядок проведения государственной религиоведческой экспертизы и положение об Экспертном совете по проведению государственной религиоведческой экспертизы, — продолжил бывший прокурор, выделяя желтым маркером нужные абзацы. — Полномочия колоссальные. Они получили право рекомендовать проверки при регистрации любых религиозных и общественных объединений, оценивать их деятельность и выносить суждения об экстремизме. Фактически, это мандат на легальное уничтожение любой группы граждан.

Глеб перелистнул страницу на раздел, регламентирующий состав совета.

— А теперь самое интересное. В приказе четко указано: совет должен формироваться из государственных служащих, ученых-религиоведов и специалистов в области отношений государства и религиозных объединений. А вот отдельный приказ Минюста № 61 от 3 марта 2009 года, которым был утвержден состав Совета. А вот сообщение о первом заседании 3 апреля 2009 года: председателем избран тот самый профессор, лидер антикультовой сети.

Анна, сидевшая за столом с блокнотом, подняла глаза.

— Но он же не госслужащий.

— Именно, — жестко усмехнулся Глеб. — Он не государственный служащий. У него нет признанного в нашей стране профильного диплома религиоведа. Его биография не имеет ничего общего с академической наукой. Он не проходит ни по одному из критериев их же собственного приказа. Но бюрократическая машина проигнорировала полное несоответствие должностным требованиям. Государственный орган, наделенный властью ломать судьбы миллионов людей, официально возглавил человек, торгующий ярлыками. Государство само передало право подписывать рекомендательные экспертные заключения в руки круга людей, чья объективность оспаривалась профессиональным сообществом.

Илья смотрел на подпись под приказом. В его памяти всплыли ледяные стены камеры СИЗО и сухой голос следователя, зачитывающего уведомление о смерти отца. Теперь он видел, откуда росла эта безнаказанность. Самые опасные структуры понимают, что пачкать руки кровью необязательно. Достаточно выстроить систему, в которой руки других людей — следователей, судей, оперативников — будут работать на тебя осознанно, с чувством выполненного долга. Антикультовая сеть получила институциональную опору и научилась использовать ее против неугодных групп.

— Юридический фасад — это только половина их работы, — вступила в разговор Анна. Она подключила свой ноутбук к системе, и на экране рядом с приказом Минюста появились скриншоты десятков газетных заголовков и видеосюжетов. — Я проанализировала их медийную стратегию. Они никогда не идут в суд в тишине. Им необходимо грамотное информационное сопровождение процесса, чтобы в публичном поле возобладала их дегуманизирующая риторика.

Анна открыла конкретный кейс.

— Смотрите. 14 октября 2015 года. Томск, начало 2010-х. Судебная попытка признать экстремистским материалом русскоязычное издание «Бхагавад-гиты как она есть» с комментариями основателя ИСККОН. Вокруг процесса разворачивается медийная кампания, в которой участвуют местные антикультовые активисты. Схема идентична той, что применили к твоей семье, Илья.

На экране выстроилась хронологическая шкала.

— Шаг первый: отключение официального сайта организации-оппонента через массированную DDoS-атаку. Журналисты, которые пытаются найти альтернативную точку зрения, просто не могут получить доступ к первоисточнику. Шаг второй: работа с местными редакциями. От подкупа до прямого шантажа редакторов, чтобы в печать шли только нужные тексты. Шаг третий: выбор спикеров.

Анна вывела на экран фотографию тучного мужчины с бородой, выступающего перед микрофонами.

— Они не ищут настоящих экспертов с учеными званиями и стажем. Им нужны опытные, экспрессивные, харизматичные спикеры. Главное требование — способность любым способом, перебивая оппонентов, отстоять заданную точку зрения. Они вбрасывают в инфополе термины вроде «зомбирования» и «контроля сознания», которые не имеют юридического веса, но отлично пугают обывателя.

Журналистка открыла текстовый файл с сохраненной перепиской.

— Мне удалось вытащить из веб-архива удаленные посты одного из их региональных координаторов, некоего Степаненко. Он открыто хвастается своей работой в информационном поле. Вот его прямая цитата: «За четыре года, как безграмотный блоггер вернулся в свой родной город Томск... он обзавелся многими знакомствами, друзьями, помощниками, сочувствующими. Это и объясняет мою осведомлённость, слава интернету и социальным сетям! Полчаса за компьютером, и мне уже известно, кто в какой секте состоит, какие у них планы, телефоны, адреса...».

Анна обвела цитату красным.

— Вдумайтесь в эти слова. Человек сам называет себя «безграмотным блоггером», но при этом он собирает досье на граждан, отслеживает их планы и адреса, а затем организует приезд столичного профессора для легитимизации травли. И на основе материалов, собранных такими вот деятелями, правоохранные органы вовлекаются в противоправные действия. Силовики начинают воспринимать этих блоггеров как надежный источник оперативной информации.

Илья медленно прошелся вдоль экрана. Картина, которая раньше казалась ему хаотичным набором несправедливостей, теперь обретала строгую, пугающую структуру.

Это была пугающе отлаженная индустрия. Региональные координаторы собирали данные и создавали первичный информационный шум. Столичные профессора, заседающие в федеральных экспертных советах, обеспечивали бумагу с гербовой печатью. Испуганные или зависимые СМИ формировали общественное мнение, блокируя любые попытки жертв оправдаться. А государственная машина, получив готового, социально стигматизированного врага, просто выполняла техническую работу по арестам и изъятию имущества.

Они продавали услугу полного цикла. От первого анонимного поста в интернете до закрытия дверей тюремной камеры.

— Они чувствуют себя абсолютно неуязвимыми, — тихо произнес Глеб, закрывая папку с документами. — Они уверены, что их старые дела надежно похоронены под тоннами бюрократической макулатуры. Что никто не станет поднимать архивы десятилетней давности и сопоставлять даты публикаций с датами рейдерских захватов.

Илья остановился напротив карты страны, усыпанной красными маркерами. За каждой из этих точек стояли разрушенные бизнесы, сломанные карьеры, инфаркты в камерах СИЗО и люди, доведенные до отчаяния.

— Они ошибаются, — голос Ильи был твердым, как лед. — Современная аналитика данных позволяет восстановить любую цепочку. Удаленные сайты, старые публикации, корпоративные связи, судебные карточки, открытая финансовая отчетность — цифровой след остается всегда.

Он повернулся к своей команде. В его глазах горел ровный, расчетливый огонь человека, который нашел точку опоры.

— Глеб, мне нужны все судебные решения, где фигурируют экспертизы этого совета за последние десять лет. Ищи паттерны: кто был судьей, кто выступал следователем, кому переходили активы обвиняемых после их посадки. Анна, поднимай финансовую отчетность региональных фондов, связанных с антикультовой сетью. Ищи поступления и расходы, совпадающие по датам с

началом медийных кампаний против конкретных организаций. Мы найдем каждый рубль, который был заплачен за эти слова.

Илья снова посмотрел на экран, где светился приказ Министерства юстиции. Бумага, давшая старт тысячам трагедий.

— Мы вытащим их из уютных кабинетов на свет, — произнес он, опираясь руками о край стола. — Начинаем сборку.

Глава 18. Другие голоса

Свет от трех широких мониторов выхватывал из полумрака офиса напряженные лица. На часах было начало третьего ночи. За панорамными окнами спал город, но в этой комнате время измерялось не часами, а терабайтами проанализированной информации.

Глеб Тарасов, бывший прокурор, с глухим стуком опустил на стол пустую кофейную чашку и потер покрасневшие глаза. Перед ним лежала стопка распечатанных судебных решений, испещренных желтым текстовыделителем.

— Я нашел идеальное совпадение, — произнес он, нарушая тишину, в которой до этого слышался только быстрый стук клавиш. — Тот же самый почерк. Та же самая последовательность действий, вплоть до количества дней между публикациями в прессе и визитом силовиков. Только масштаб другой и жертва иная.

Илья подошел к столу. Его взгляд, привыкший за последние месяцы мгновенно выхватывать суть из массивов юридического текста, сфокусировался на верхнем документе. Это было постановление районного суда одного из крупных уральских городов, датированное октябрём 2016 года.

— Гражданская инициатива «Светлый путь», — начал объяснять Глеб, выводя на большой настенный экран фотографии. На снимках была изображена женщина лет пятидесяти с усталым, но добрым лицом, стоящая на крыльце старинного двухэтажного особняка. — Основательница — Марина Холодова. По

образованию педагог-психолог. Десять лет назад она организовала центр социальной адаптации для трудных подростков. Они занимались арт-терапией, восстанавливали старую мебель, ставили спектакли. Жили на гранты и пожертвования.

— В чем заключался конфликт? — спросил Илья, опираясь руками о спинку стула. Он уже знал, что в делах, инициированных антикультовой сетью, идеология всегда является лишь ширмой для вполне осязаемых материальных интересов.

— Недвижимость, — коротко ответила Анна, разворачивая свой ноутбук так, чтобы Илья мог видеть графики. Журналистка подключилась к расследованию Глеба еще два часа назад. — Особняк, который занимал центр Холодовой, находился в муниципальной собственности, но у нее был договор долгосрочной аренды на сорок девять лет. Здание располагалось в историческом центре города. В 2015 году соседний квартал выкупил крупный региональный застройщик под возведение элитного жилого комплекса. Особняк «Светлого пути» мешал им проложить широкую подъездную дорогу и организовать парковку.

Анна открыла хронологическую таблицу, которую они составили для отслеживания паттернов атак.

— Сначала застройщик пытался действовать стандартно, — продолжила она. — Предлагали Холодовой деньги за добровольное расторжение договора. Она отказалась, так как дети привыкли к этому месту, да и переезд разрушил бы всю инфраструктуру центра. Затем были проверки пожарной инспекции и санэпиднадзора. Но Холодова оказалась педантичной женщиной — все огнетушители висели на местах, журналы инструктажей велись исправно. Выселить их по закону было невозможно. И тогда застройщик обратился к специалистам по решению нестандартных проблем.

Глеб вывел на экран скан газетной полосы. Заголовок, набранный жирным, кричащим шрифтом, гласил: «Трудовой лагерь или секта? Что скрывается за фасадом детского центра».

— Старт кампании, — прокомментировал бывший прокурор. — Четырнадцатое марта 2016 года. Обрати внимание на структуру текста.

Журналист не приводит ни одного факта нарушения закона. Он берет устав центра, где прописаны правила дежурства подростков по кухне и уборке территории, и называет это «принудительным трудом, ломающим волю». Совместные чаепития и обсуждения прошедшего дня описываются как «сеансы группового гипноза и контроля сознания».

Илья смотрел на экран, чувствуя, как внутри поднимается холодная, расчетливая ярость. Он видел точное отражение того, что произошло с его семьей. Те же самые слова. Та же самая подмена понятий, когда обычная дисциплина и совместный труд объявляются признаками деструктивного культа.

— Но одной статьи мало для возбуждения уголовного дела, — заметил Илья. — Нужны заявления потерпевших. У моих родителей потерпевших не было, поэтому следствие опиралось только на экспертизу. Как они решили эту проблему здесь?

— Вот тут мы подходим к самому интересному элементу их бизнеса, — Анна открыла новую папку на сервере. — В социологии религии есть такой термин — «апостат». В классическом понимании это человек, отступивший от своей веры. Но в индустрии антикультизма апостаты — это профессиональные жертвы. Это люди, которых сеть нанимает, обучает и использует для создания эмоционального фона в СМИ и обеспечения свидетельской базы в судах.

Журналистка вывела на экран видеофрагмент из местного телевизионного ток-шоу. В студии сидел молодой парень с бегающим взглядом, одетый в дешевый, плохо сидящий костюм.

— Знакомьтесь, Денис Комаров, — сказала Анна, ставя видео на паузу. — Бывший воспитанник центра «Светлый путь». За полгода до начала медийной его отчислили за систематическое воровство у других детей. Он затаил обиду. Идеальный кандидат для вербовки. По версии защиты, люди из региональной антикультовой группы нашли его, помогли попасть на телевидение и дали готовый набор формулировок.

Анна запустила воспроизведение. С экрана полилась заученная, избыточная специфическими терминами речь. Парень рассказывал о том, как

Холодова якобы подавляла их личность, заставляла отказываться от общения с внешним миром и внушала чувство вины.

— Послушайте его лексику, — Глеб указал ручкой на экран. — Восемнадцатилетний парень из неблагополучной семьи, не окончивший ПТУ, свободно оперирует терминами «депривация сна», «когнитивный диссонанс» и «эмоциональная изоляция». Он читает текст, написанный для него кураторами. Его задача — дать обществу лицо жертвы. Экспертиза с печатями — это для следователя. А плачущий мальчик в телевизоре — это для того, чтобы соседи перестали здороваться с Холодовой, и чтобы никто не вышел на пикет в ее защиту.

Илья вспомнил Дениса, пловца из юниорской сборной, который точно так же сидел в студии федерального канала и рассказывал небылицы о «сектантском программировании» в семье Воронцовых. Технология была абсолютно идентичной. Сеть находила уязвимого, обиженного или просто жадного до денег человека, имевшего хоть какое-то отношение к жертве, и превращала его в живое оружие.

— И что было дальше? — спросил Илья, хотя уже знал ответ.

— Дальше в дело вступила тяжелая артиллерия, — Глеб открыл многостраничный PDF-документ. — Комплексная психолого-лингвистическая экспертиза. Заказана следственным комитетом после выхода телепередачи. Исполнитель — региональная экспертная организация, связанная с тем же кругом консультантов, который фигурировал в деле твоего отца.

Бывший прокурор пролистал документ до раздела с выводами.

— Эксперты, ни разу не посетившие центр и не поговорившие ни с одним действующим воспитанником, на основании статьи в газете и показаний одного обиженного подростка делают категоричный вывод: «Организация обладает всеми признаками тоталитарной секты. Руководитель применяет методы скрытого психологического насилия, наносящие непоправимый вред психическому здоровью несовершеннолетних».

Глеб закрыл файл и посмотрел на Илью.

— Через три дня после подписания этой бумаги к Холодовой пришли с обыском. Двери выпилили болгаркой. Женщину, которая всю жизнь помогала детям, положили лицом в пол на глазах у ее же воспитанников. Ей предъявили обвинение по статье о создании объединения, деятельность которого, по версии следствия, посягала на личность и права граждан. Суд отправил ее в СИЗО.

— А что со зданием? — тихо спросил Илья.

— Договор аренды был расторгнут городской администрацией в одностороннем порядке на основании того, что в помещении велась «противоправная деятельность», — ответила Анна, показывая выписку из Росреестра. — Через два месяца особняк снесли. Сейчас там подземный паркинг того самого элитного жилого комплекса. Холодова провела в изоляторе восемь месяцев. У нее обострился диабет. В итоге она подписала признательные показания в обмен на условный срок. Сейчас она работает уборщицей на окраине города, потому что с клеймом «создателя секты» ее не берут даже вахтером в школу.

В переговорной повисла тяжелая тишина. Илья смотрел на фотографию снесенного особняка. Его личная трагедия, смерть его родителей, разрушение их завода — всё это больше не казалось ему уникальным актом несправедливости. Это был просто один из множества случаев, которые укладывались в один и тот же сценарий.

Антикультовая сеть функционировала как высокорентабельное предприятие по оказанию специфических услуг. Они продавали технологию уничтожения. Если вам мешал конкурент по бизнесу, если вам нужна была чужая недвижимость, если политический оппонент набирал слишком большую популярность — вы могли купить пакет услуг.

В этот пакет входила медийная травля, подбор и инструктаж «апостатов», а также предоставление ложной экспертизы, которая служила основанием для силовиков. Государственная правоохранительная машина в этой схеме использовалась втемную, как бесплатный силовой ресурс, активируемый правильным набором триггерных слов в экспертном заключении.

— Это поставленный на поток бизнес, — произнес Илья, чеканя каждое слово. — Они не фанатики, борющиеся за чистоту веры или психологическое здоровье нации. Они коммерсанты. И их товар — это разрушенные жизни.

— Именно так, — кивнула Анна, открывая новую вкладку. — И чтобы доказать это, я решила копнуть глубже по линии этих самых «апостатов». Если это бизнес, значит, у них должен быть постоянный круг исполнителей. Я прогнала через базы данных судебных решений имена свидетелей обвинения по делам, где фигурировали экспертизы этой сети за последние пять лет.

На экране появилась сложная схема связей, состоящая из десятков фамилий и дат.

— Посмотрите на эту женщину, — Анна увеличила фотографию блондинки средних лет. — Светлана Морозова. В 2018 году она выступает главной потерпевшей по делу студии йоги в Краснодаре. Плачет в суде, рассказывает, как инструкторы заставляли ее медитировать сутками и лишали сна. Студию закрывают, владельца сажают.

Журналистка переключила слайд. Та же самая женщина, но с другой прической, запечатлена на скриншоте из новостного сюжета.

— А это 2021 год. Город Ростов. Светлана Морозова дает интервью федеральному каналу как «бывшая адептка» совершенно другой организации — объединения любителей ведической литературы. И она произносит ровно те же самые фразы: «депривация сна», «контроль питания», «изоляция от родственников».

— Серийный свидетель, — мрачно констатировал Глеб. — В уголовной практике такое встречается, когда оперативным сотрудникам нужны понятия для оформления подброшенных наркотиков. Они используют одних и тех же зависимых людей из раза в раз. Здесь принцип тот же, только уровень выше.

— Я проверила ее финансовые следы, — продолжила Анна, выводя на экран скриншоты платежных документов, полученные через свои старые расследовательские каналы. — Официально Морозова нигде не работает. Но за месяц до суда в Краснодаре и за три недели до интервью в Ростове на ее дебетовую карту поступают переводы. Суммы небольшие, по сто — сто пятьдесят

тысяч рублей. Назначение платежа: «Материальная помощь пострадавшим» или «Оплата консультационных услуг».

— От кого переводы? — Илья подался вперед, впиваясь взглядом в цифры на экране.

— От некоммерческого фонда «Защита семьи», зарегистрированного в Москве, — ответила Анна. — Учредителем этого фонда является один из заместителей того самого профессора, который возглавляет экспертный совет при Минюсте.

Круг доказательств начал обретать плотность. Это были уже не просто догадки или логические умозаключения. Это были задокументированные финансовые следы, связывающие верхушку антикультовой сети с низовыми исполнителями, фабрикующими ложные показания.

Илья отошел от экрана и посмотрел в темное окно. Дождь усилился, капли с силой били по стеклу, оставляя длинные, извилистые дорожки.

Он вспомнил холодный коридор следственного изолятора. Вспомнил пластиковый пакет с вещами отца. Вспомнил хриплый голос матери в телефонной трубке. Они умерли не потому, что совершили ошибку. Они умерли потому, что владелец фармацевтического холдинга перевел нужную сумму на счет правильного фонда, а профессор в Москве дал отмашку своим региональным координаторам найти подходящего «апостата» и напечатать экспертизу.

В спорте высших достижений Илья привык к тому, что противник находится перед тобой, на соседней дорожке. Ты видишь его движения, ты можешь оценить его силу и выстроить тактику. Здесь же противник был размазан по кабинетам, редакциям и банковским счетам. Он прятался за респектабельными вывесками и научными степенями.

Но теперь Илья видел их лица. Он видел их транзакции. Он понимал логику их действий.

— Мы не будем бить по исполнителям вроде этого Дениса или Светланы, — жестко сказал Илья, поворачиваясь к команде. — Они — просто расходный материал. Мы должны доказать системность этого бизнеса. Глеб, мне нужна

полная юридическая раскладка по всем делам, где участвовали серийные свидетели. Анна, продолжай копать фонды. Ищи любые пересечения между датами транзакций от коммерческих структур на счета антикультистов и датами выхода первых заказных статей.

Анна кивнула, быстро делая пометки в блокноте.

— Есть еще кое-что, Илья, — журналистка открыла на своем ноутбуке защищенный мессенджер. — Пока мы анализировали дело Холодовой, я запустила скрипт по поиску упоминаний фонда «Защита семьи» в утечках почтовых баз. Полчаса назад скрипт выдал результат.

Она вывела на большой экран фрагмент электронного письма. Текст был написан небрежно, с опечатками.

— Это письмо отправлено с личного ящика одного из региональных координаторов сети на адрес центрального офиса в Москве, — пояснила Анна. — Дата — три недели назад.

Илья вчитался в строчки на экране: «Коллеги, у нас проблема по объекту в Новосибирске. Заказчик нервничает, сроки горят. Местные СМИ мы подогрели, но экспертное заключение задерживается. Профессор обещал подписать бумагу еще в прошлый вторник. Без документа с синей печатью следователь отказывается выходить в суд за ордером на обыск. Ускорьте процесс, иначе мы потеряем вторую часть транша».

Слова на экране светились холодным, неопровержимым светом. Это было прямое, документальное подтверждение коммерческого сговора. Никакой идеологии. Никакой заботы о духовном здоровье общества. Только «объект», «заказчик», «транш» и требование ускорить выдачу ложной экспертизы для инициации уголовного дела.

Илья смотрел на это письмо, и мёрзлая пустота внутри него окончательно сменилась ледяной, сфокусированной решимостью. Они нашли трещину в броне системы. И теперь оставалось лишь вбить в эту трещину клин.

Глава 19. Цифровой след

Вентиляторы серверной стойки издавали ровный, монотонный гул, который за последние несколько часов стал для присутствующих в кабинете единственным мерилом времени. За окнами московского офиса занимался бледный, холодный рассвет, но внутри помещения царил искусственный полумрак, разрываемый лишь свечением нескольких мониторов.

Кирилл, двадцативосьмилетний IT-специалист команды, сидел в глубоком кресле, подтянув колени к подбородку. Его пальцы с пугающей скоростью летали по клавиатуре, оставляя на черном экране терминала каскады бегущих строк логов, хеш-сумм и поисковых запросов. В отличие от Глеба и Анны, у Кирилла не было личной трагедии, связанной с антикультовой сетью. Он пришел в команду Ильи по другой причине: он ненавидел системы, которые считали себя неуязвимыми, и обожал доказывать, что чужая самоуверенность всегда оставляет следы.

— Они невероятно высокомерны, — произнес Кирилл, не отрывая взгляда от монитора. — Внешние сайты их центров, те самые, где они публикуют свои псевдонаучные статьи и клеймят людей «сектантами», защищены по высшему разряду. Дорогие сертификаты, защита от DDoS-атак, облачные экраны. Они знают, что их ненавидят, и ждут нападения снаружи. Но их внутренняя корпоративная сеть, через которую региональные координаторы обмениваются документами с московским руководством, построена на дырявом протоколе десятилетней давности.

Илья стоял за его спиной, скрестив руки на груди.

— Ты внутри? — коротко спросил он.

— Я прошел через забытый VPN-шлюз саратовского филиала, — Кирилл нажал клавишу ввода, и черный экран сменился графическим интерфейсом файлового менеджера. — Учетная запись какого-то местного системного администратора, который не менял пароль с две тысячи пятнадцатого года. Оттуда я поднял привилегии и перепрыгнул на центральный сервер в Москве. Добро пожаловать в святая святых.

На главном настенном экране переговорной появилась структура каталогов. Названия папок выглядели подчеркнуто скучно и бюрократично: «Отчетность», «Методические материалы», «Взаимодействие с органами государственной власти», «Финансовый контроль».

— Фиксируй всё, — скомандовал Глеб, подходя ближе к экрану. Бывший прокурор инстинктивно поправил очки, словно уже готовился читать материалы уголовного дела. — Нас интересует финансовая документация и переписка руководства.

Полоса загрузки медленно поползла вправо. Терабайты данных, скрывавшие за собой тысячи сломанных судеб, перетекали на защищенные жесткие диски команды.

Когда копирование завершилось, Анна первой открыла директорию с названием «Финансовый контроль». Внутри находились десятки таблиц Excel. Она кликнула на файл за прошлый год, озаглавленный «Реестр_поступлений_и_расходов.xlsx».

То, что появилось на экране, заставило всех в комнате замолчать.

Это была не просто бухгалтерия некоммерческой организации. Это был детализированный, циничный прайс-лист на уничтожение человеческих жизней и бизнесов. В таблице не было ни слова о защите духовного здоровья нации или помощи пострадавшим. Строки пестрели конкретными суммами и наименованиями услуг.

Анна выделила курсором один из блоков.

— Смотрите. Март прошлого года. Город Самара. Сеть частных лингвистических школ «Полиглот». Владелица — Елена Власова.

Журналистка быстро открыла браузер на своем ноутбуке и вбила имя в поисковик.

— Да, вот новости. Власову обвинили в том, что ее школы — это «деструктивный коммерческий культ», где преподаватели используют техники нейролингвистического программирования для подавления воли учеников. Бизнес закрыт, сама она получила условный срок. А теперь смотрим в их внутреннюю таблицу.

В файле антикультавой сети напротив дела «Полиглота» стояла четкая смета: «Организация первичного медийного фона (3 статьи в региональной прессе, посев в социальных сетях) — 450 000 рублей». «Подбор и инструктаж свидетелей-апостатов (2 человека) — 200 000 рублей». «Подготовка комплексного экспертного заключения (подпись Профессора) — 1 500 000 рублей». «Координация действий с местным управлением МВД (представительские расходы) — 800 000 рублей».

— Итого почти три миллиона рублей за полное устранение конкурента с рынка, — тихо произнес Глеб, вчитываясь в цифры. — Они даже не скрывают назначения платежей. «Представительские расходы для МВД» — это прямая взятка должностным лицам за инициацию обысков на основании их же фальшивой экспертизы.

Но таблица содержала не только доходы от заказных атак. Соседняя вкладка называлась «Абонентское обслуживание». Илья перевел взгляд на эти столбцы и увидел совершенно иной механизм обогащения. Здесь фигурировали десятки названий различных религиозных групп, гражданских инициатив и благотворительных фондов. Напротив каждого названия стояли регулярные ежемесячные суммы.

Глеб открыл текстовый документ, прикрепленный к этой папке в качестве инструкции для региональных сборщиков дани. Текст документа гласил: «При регистрации в Минюсте, например, некоего родноверческого культа через пару дней после заявки представителю организации звонят и назначают встречу на определённых условиях. Предлагается заплатить указанную сумму, а взамен получить возможность для комфортной работы, в противном случае организация попадёт в список сектантских. Передав взятку, религиозная организация получает “крышу” от серьёзных ребят. Ну и далее — по 3 тысячи долларов ежегодно “на поддержку крыши”».

— Классический рэкёт, — констатировал бывший прокурор, сжимая кулаки. — Они фактически превратили ярлык «секты» в инструмент вымогательства. Если ты хочешь спокойно молиться, заниматься йогой или вести социальный проект — ты должен платить им налог на безопасность. Десять тысяч долларов за вход, три тысячи ежегодно. Если отказываешься — на тебя спускают медийных собак, пишут экспертизу и отправляют за решетку.

Государство отдало им на откуп целую сферу общественных отношений, и они превратили ее в криминальный синдикат.

Кирилл тем временем продолжал распаковывать архивы.

— Я нашел папку «Методические материалы», — сказал айтишник, выводя на экран серию текстовых файлов. — Это инструкции для их рядовых сотрудников. По сути — руководства по тому, как именно нужно фабриковать доказательства.

Анна пододвинулась ближе к монитору. Один из документов представлял собой расшифровку закрытого внутреннего семинара для региональных миссионеров. Журналистка начала читать вслух выделенный абзац, описывающий методы сбора информации о потенциальных жертвах:

«Насколько я знаю, используется ещё такой приём разведывательного плана — то есть миссионер, беспощадный к “врагам Рейха”, заходит под именем “Вася” и “включает дурака”, что хочу вступить в вашу секту, а как у вас в секте дела идут, а говорят, что у вас пастор такой жадный, а деньги... И так далее. То есть вступает в переписку анонимно. Такие хитрые игры могут вестись. И при этом представители религиозных организаций, так называемых “деструктивных”, могут не знать, что с ними общаются сотрудники соответствующей службы внутренней безопасности».

— Они сами называют это «разведывательной работой под прикрытием», — Анна покачала головой. — Они создают фейковые аккаунты, провоцируют людей на конфликты, задают манипулятивные вопросы, а затем используют вырванные из контекста ответы как доказательства «агрессивности» или «финансовой нечистоплотности» группы. Это чистой воды оперативно-розыскная деятельность, на которую у них нет никаких законных полномочий.

В другом методическом пособии, озаглавленном «Работа со следственными органами», содержались прямые инструкции по давлению на силовиков. Документ предписывал: «В случае, если следователь проявляет нерешительность и отказывается возбуждать уголовное дело на основании нашей экспертизы, необходимо немедленно задействовать ресурс общественных организаций. Организуйте пикеты обеспокоенных родителей у здания прокуратуры. Направьте массовые обращения от имени фиктивных

пострадавших и сочувствующих. Следователь должен почувствовать, что отказ от преследования секты вызовет общественный резонанс и навредит его карьере».

Илья слушал своих коллег, глядя на бесконечные списки файлов. Документальное подтверждение того, что деятельность сети не имеет ни малейшего отношения к науке, религиоведению или защите граждан, теперь находилось на их серверах. Это была индустрия шантажа, коррупции и заказных убийств чужими руками.

Но среди тысяч папок Илья искал одну конкретную. Ту, ради которой он потратил пять лет своей жизни.

— Кирилл, — голос Ильи прозвучал глухо, но в нем чувствовалась стальная натяжка. — Запусти поиск по содержимому почтовых ящиков руководства. Ключевые слова: «БиоТраектория», «Воронцов», «НеоВита Лаб», «Завьялов».

Айтишник кивнул. Его пальцы быстро вбили команду в терминал. Система начала сканировать гигабайты выгруженной переписки Профессора и его ближайших помощников.

Прошло тридцать секунд. Для Ильи они растянулись в вечность. Он вспомнил ледяной ветер на мосту, вспомнил пластиковый пакет с вещами отца, вспомнил хриплый голос матери в телефонной трубке.

На экране высветилось: «Найдено совпадений: 14».

Кирилл открыл первую цепочку писем. Даты отправки совпадали с тем самым месяцем, когда Илья вернулся с Олимпиады с серебряной медалью.

Первое письмо было отправлено с защищенного корпоративного адреса холдинга «НеоВита Лаб». Отправитель — Артур Кротов, советник по безопасности Виктора Завьялова. Адресат — личный помощник Профессора.

Илья шагнул к экрану и начал читать текст, который стал смертным приговором для его семьи.

«Коллеги, подтверждаем заинтересованность в ваших услугах. Объект — ООО «БиоТраектория». Владельцы — супруги Воронцовы. Их продукция забирает у нас восемнадцать процентов регионального рынка. Стандартные методы экономического поглощения не сработали, владельцы категорически

отказываются продавать бизнес. Юридически компания чиста, административный ресурс применять рискованно из-за публичного статуса их сына (олимпийский призер). Нам требуется полное репутационное уничтожение бренда и изоляция владельцев. Бюджет по третьему уровню (50 миллионов рублей) согласован руководством. Ждем ваших предложений по медийной стратегии».

Ответ Профессора последовал через два дня. Текст был написан с той же канцелярской сухостью, с какой люди обсуждают поставку офисной мебели.

«Артур Эдуардович, заказ принят в работу. Авансовый платеж в размере 50% просим перевести на счет нашего благотворительного фонда по договору оказания консультационных услуг. Мы проанализировали публичные выступления сына владельцев. Его слова о “закрытой экосистеме” и “строгой дисциплине” идеально ложатся в концепцию деструктивного коммерческого культа. Завтра наши региональные сетки начнут посев информации в социальных сетях. Экспертное заключение для Следственного комитета будет готово и подписано мной к двенадцатому числу. Передайте вашим юристам, чтобы готовили заявления от подставных потерпевших. Через месяц их фирму будут называть сектой, а их самих — преступниками».

Илья стоял перед светящимся монитором. В этих нескольких абзацах электронного текста заключалась вся анатомия зла, с которым он столкнулся. Никакой ненависти. Никаких идеологических разногласий. Просто один бизнесмен решил увеличить свою долю на рынке, а другой бизнесмен, прикрывающийся научными степенями и заботой о духовности, согласился выполнить грязную работу за пятьдесят миллионов рублей.

Жизнь его отца, ученого, создавшего честное производство. Жизнь его матери, врача, спасавшего людей. Его собственная карьера, его имя, его будущее — всё это было оценено, взвешено и уничтожено в рамках стандартного коммерческого договора на оказание «консультационных услуг».

Глеб подошел к Илье и молча положил руку ему на плечо. Анна отвернулась к окну, не в силах смотреть на лицо бывшего спортсмена.

Илья медленно протянул руку к клавиатуре и нажал комбинацию клавиш для вывода документа на печать.

В углу переговорной ожил лазерный принтер. Он тихо зажужжал, втягивая чистый лист бумаги, и через несколько секунд выплюнул в лоток страницу, покрытую черным текстом. Илья подошел к принтеру, взял теплый лист и посмотрел на напечатанные строки.

Доказательства больше не были абстрактными. Они обрели физическую форму. Черная бухгалтерия, инструкции по фабрикации дел, прямая переписка заказчиков и исполнителей убийства его семьи — всё это теперь находилось в его руках. Система, годами уничтожавшая людей в полной темноте и безнаказанности, совершила фатальную ошибку, оставив цифровые следы своих преступлений. Илья аккуратно сложил лист пополам и убрал его во внутренний карман пиджака.

Глава 20. Глобальная паутина

Рассвет над Москвой выдался серым и тяжелым. Холодный свет медленно заполнял переговорную комнату, выхватывая из полумрака пустые кофейные чашки, разбросанные по столу распечатки и покрасневшие от бессонницы глаза членов команды. Вентиляторы серверов продолжали монотонно гудеть, обрабатывая массив данных, выгруженных из внутренней сети антикультовой организации.

Кирилл сидел перед главным монитором, скрестив руки на груди. Его пальцы, еще час назад с бешеной скоростью летавшие по клавиатуре, теперь неподвижно лежали на подлокотниках кресла. На экране светилась сложная, многоуровневая схема маршрутизации электронной почты.

— Я думал, мы взломали локальную базу данных, — тихо произнес аййтишник, нарушая тишину. — Но структура их переписки выходит далеко за пределы российских серверов. Посмотрите на домены адресатов.

Илья подошел к экрану. Среди привычных адресов в зоне «.ru» плотной сетью выделялись зарубежные контакты: Франция, Бельгия, Италия, Германия.

Письма уходили в адреса европейских ассоциаций, отдельных чиновников, экспертов и в штаб-квартиры международных некоммерческих организаций.

— Профессор ведет переписку не как независимый российский эксперт, — продолжил Кирилл, открывая свойства одного из писем. — В его официальной англоязычной подписи значится совершенно другая должность. Вице-президент FECRIS.

Анна, сидевшая на диване с ноутбуком на коленях, мгновенно подняла голову. Звук быстрых ударов по клавишам наполнил комнату — журналистка начала поиск по открытым международным реестрам.

— FECRIS, — прочитала она вслух спустя минуту. — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве. Штаб-квартира находится в Париже. Зарегистрирована во Франции. Имеет статус участника при Совете Европы с две тысячи пятого года и специальный консультативный статус при Экономическом и социальном совете ООН с 2009 года.

Глеб Тарасов снял очки и устало потер переносицу. Бывший прокурор привык иметь дело с региональной коррупцией, с продажными следователями и местными чиновниками, делящими землю. Но аббревиатуры уровня ООН и Совета Европы переводили расследование в совершенно иную плоскость.

— Специальный консультативный статус при ЭКОСОС означает, что организация может участвовать в определенных механизмах ООН для НПО, подавать материалы и выступать на профильных площадках и в каком-то роде влиять на повестку дня в области прав человека и формировать глобальное общественное мнение, — медленно проговорил Глеб. — Организация, которая на местном уровне фабрикует уголовные дела и доводит людей до инфарктов в СИЗО, на международном уровне получает доступ к площадкам, где обсуждают права человека.

Илья смотрел на светящиеся на экране французские и бельгийские адреса. В его сознании происходил тектонический сдвиг. До этой ночи он считал своего врага локальной, пусть и влиятельной, криминальной группировкой. Группой беспринципных академиков и силовиков, которые нашли способ зарабатывать на уничтожении чужих бизнесов и жизней. Но скачанные архивы безжалостно разрушали эту иллюзию. Профессор был не одиночной фигурой, а частью

международной сети. Российская ячейка оказалась только одним из щупалец транснациональной антикультовой инфраструктуры.

— Давайте посмотрим, как они сами себя позиционируют, — Анна вывела на большой настенный экран отсканированный документ на французском языке с параллельным переводом. — Это их базовый уставной документ. FECRIS была создана 30 июня 1994 года в Париже как некоммерческая ассоциация по французскому праву и заявляет, что является политически, философски и религиозно нейтральной

— Некоммерческой? — усмехнулся Илья, вспоминая прайс-листы на заказные экспертизы, найденные ими несколькими часами ранее. — Если они некоммерческие, то на какие средства существует штаб-квартира в Париже и представительства в тридцати странах Европы?

Кирилл переключился на папку с финансовой отчетностью, которую он вытащил из скрытого раздела сервера. Документы содержали ежегодные аудиторские сводки европейских филиалов, отправленные между участниками сети для координации бюджетов.

Цифры на экране заставили команду замолчать.

— Это не частные пожертвования, — голос Кирилла дрогнул от удивления. — Сама федерация и ее французские ассоциации в отдельные периоды почти полностью зависели от государственного финансирования Франции; по UNADFI, CCMM и GEMPPi приводятся оценки порядка девяноста с лишним процентов публичных субсидий.

Айтишник начал открывать один файл за другим, демонстрируя бюджеты дочерних структур федерации.

— Французская ассоциация UNADFI — фигурируют оценки около девяноста семи процентов публичного финансирования. Организация GEMPPi — около девяноста одного процента. Ассоциация CCMM — около девяноста трех процентов.

Глеб подошел вплотную к экрану, вчитываясь в названия правительственных грантов.

— Они существуют при существенной поддержке французского государства, — констатировал юрист. — Во Франции действует правительственный орган MIVILUDES — межминистерская миссия по борьбе с сектантскими отклонениями. Исторически она была создана как межминистерская структура при премьер-министре, но в последние годы находится в системе Министерства внутренних дел Франции. Судя по этим проводкам, MIVILUDES работает в связке с профильными ассоциациями, а государственные субсидии становятся важным источником существования антикультового сектора. Государство выделяет колоссальные бюджеты, которые затем перетекают на счета частных антикультовых ассоциаций, входящих в FECRIS. А те, в свою очередь, обеспечивают нужный информационный фон и легитимизируют жесткие действия властей против групп, объявленных «сектантскими». Это замкнутая, самоподдерживающаяся экосистема.

Илья почувствовал ледяной холод. Люди, называющие себя независимыми правозащитниками и экспертами, на деле оказались тесно связанными с государственным финансированием и государственными программами. Они получали деньги из национальных бюджетов за то, что находили и стигматизировали внутренних врагов.

— Если у них такие бюджеты и статус в Совете Европы, там должны работать ведущие ученые континента, — предположила Анна, открывая базу данных с биографиями европейских функционеров сети.

Спустя несколько минут поиска на лице журналистки появилось выражение глубокого недоумения. Она вывела на экран две фотографии. На первой была изображена пожилая женщина в скромной домашней обстановке, на второй — мужчина средних лет на фоне марсельской ассоциации GEMPRI.

— Знакомьтесь, — произнесла Анна. — Слева — Мирей Деген. Генеральный секретарь FECRIS и представитель бельгийского направления. По профессии — пенсионерка, бывшая школьная учительница. Зарегистрированная штаб-квартира бельгийского отделения FECRIS находится прямо в гостиной её квартиры. А справа — Дидье Пашу. Корреспондент и казначей марсельского отделения. Он работает водителем трамвая. Штаб-квартира его ассоциации расположена в гостевой комнате его дома.

— То есть не международный институт с сотнями штатных исследователей?
— переспросил Илья, глядя на фотографии. — И эти люди формируют экспертные доклады для ООН?

— В этом и заключается главная фикция, — ответил Глеб, просматривая списки членов федерации. — Внешний вид разветвлённой и мощной международной организации — это лишь декорация. Большинство их европейских ассоциаций — это крошечные группы из трех-пяти человек, не имеющих никаких академических званий в области религиоведения, социологии или права. Но благодаря французским государственным деньгам они регулярно ездят на международные конференции, создавая иллюзию глобального консенсуса. Статус эксперта здесь не вытекает из академической научной репутации; иногда он рождается из самой принадлежности к сети.

Однако за скромным фасадом небольших ассоциаций скрывалась абсолютно реальная, разрушительная политическая сила. Кирилл открыл директорию с названием «Законодательные инициативы», и то, что обнаружила команда, навсегда стерло любые сомнения в опасности этой структуры.

Антикультовая сеть не просто писала статьи в газеты. Она лоббировала изменение уголовных кодексов суверенных государств.

Глеб вывел на экран текст закона, принятого в Бельгии в начале 2010-х годов.

— Закон «О злоупотреблении слабостью», — прочитал бывший прокурор, и его профессиональный тон стал жестким. — Посмотрите на формулировки. Этот закон позволяет привлекать к уголовной ответственности за злоупотребление уязвимым состоянием человека, в том числе в контексте «сектантского влияния». Но в руках антикультовых экспертов подобные расплывчатые категории превращаются в инструмент преследования.

Глеб повернулся к Илье.

— С юридической точки зрения это опасная зона для правовой системы. Понятие «психологическое влияние» невозможно измерить объективно. Единственным критерием виновности становится заключение эксперта. Того самого эксперта из FECRIS. Они поддерживали законодательную рамку, в которой их собственные экспертные оценки получают чрезмерный вес.

— Кто именно продвигал этот закон? — спросил Илья.

Анна быстро сверила даты и имена в парламентских архивах Бельгии.

— Андре Фредерик. Член Федерального парламента Бельгии. И по совместительству — нынешний президент FECRIS. Его называют одним из промоутеров бельгийского закона о злоупотреблении слабостью. Он одновременно действует в политическом поле и в антикультовой сети — это очевидный конфликт ролей, даже если формально закон принимает парламент, а не частная организация.

Журналистка открыла следующий документ из архива.

— Это не единичный случай. Вот отчеты за 2013–2014 годы. Французские антикультовые организации активно работали с Жоржем Фенеком и Руди Саллем вокруг темы контроля над «сектантскими отклонениями» на европейском уровне, включая площадки ПАСЕ. Они используют мандаты демократических институтов для продвижения жестких антикультовых подходов.

Илья подошел к окну. Город внизу уже проснулся, по мокрому асфальту двигались плотные потоки машин. Миллионы людей спешили по своим делам, уверенные, что живут в правовом государстве, где их защищают законы и конституция. Они не подозревали, что в тихих кабинетах Брюсселя, Парижа и Москвы небольшая группа людей, объединенная общими институциональными интересами, финансированием и идеологией контроля, методично пытается переписывать эти законы под себя.

— Если они так тесно интегрированы в европейские структуры, — произнес Илья, не оборачиваясь, — то на чем строится их идеологический союз с российской ячейкой? Европа и Россия сейчас находятся по разные стороны баррикад. Как Профессор умудряется быть вице-президентом организации, финансируемой правительством Франции?

Анна открыла файл с материалами международной конференции, прошедшей в Мадриде.

— У них есть общий враг, который цементирует этот союз, — объяснила она, выводя на экран текст выступления одного из европейских лидеров сети. —

Послушайте их официальную позицию: «Широкое развитие нашей сети обусловлено миграцией культов/сект из США и Западной Европы в Восточную Европу, что привело к постепенному созданию восточноевропейских ассоциаций, которые затем стали членами и корреспондентами FECRIS».

Журналистка открыла обложку книги французского автора Бруно Фушера «Мафия сект» и его статью «Секты: троянский конь США в Европе».

— Один из устойчивых мотивов их идеологии — антиамериканская конспирология, — продолжила Анна. — Европейские функционеры FECRIS убеждают свои правительства, что новые религиозные движения и гражданские инициативы — это инструмент влияния США, направленный на разрушение европейской идентичности. Российская ячейка берет эту же самую методичку, переводит ее на русский язык и продает силовикам под соусом защиты «духовной безопасности Русского мира». Текст один и тот же. Меняются только флаги на трибунах.

Глеб кивнул, подтверждая слова коллеги.

— Это идеальная франшиза. Они торгуют страхом. В Европе они пугают чиновников американским влиянием, в России — западной экспансией. А в Китае, судя по этим документам, контактируют с китайскими антикультовыми структурами и в ряде публикаций используют риторику, совпадающую с официальной китайской линией против Фалуньгун. Им не принципиален политический режим. Демократия, авторитаризм, коммунистическая диктатура — для них это просто разные рынки сбыта своих услуг.

Илья вернулся к столу. Масштаб открывшейся картины подавлял, но одновременно с этим приносил странную, холодную ясность.

Антикультовая сеть не была сборищем фанатиков, искренне заблуждающихся в своей вере. Это была высокоорганизованная, транснациональная экстремистская структура. Под прикрытием защиты прав человека они создали механизм легального террора. Они проникали в парламенты, получали государственное финансирование, лоббировали жесткие законы и использовали статус при ООН для легитимизации своих преступлений.

Они убили его родителей не из личной ненависти. Семья Воронцовых была просто строчкой в их глобальном финансовом отчете, мелким коммерческим заказом, выполненным по отработанной международной технологии.

Кирилл молча вывел на центральный экран последнюю найденную фотографию.

Снимок был сделан в светлом, просторном холле бельгийского парламента. На фоне мраморных колонн и европейских флагов стояли несколько человек в дорогих костюмах. Среди них Илья узнал хорватскую антикультовую активистку Бранку Дуймич и итальянского функционера Луиджи Корвалью, входившего в структуры FECRIS. Они улыбались в камеру, держа в руках папки с документами. Лица людей, которые претендовали на право объяснять государствам, какие группы считать опасными, а какие — допустимыми.

Илья смотрел на эти улыбающиеся лица, запечатленные в самом сердце европейской демократии. В этот момент он окончательно понял: чтобы остановить машину, перемалывающую человеческие судьбы в России, недостаточно разоблачить одного Профессора. Нужно нанести удар по самому центру этой глобальной паутины, вытащив их финансовые отчеты, их ложные экспертизы и их переписку на свет международной прессы, правозащитных площадок и судов.

Глава 21. Цена «спасения»

Свет в офисе казался неестественно резким после бессонной ночи. Настенные часы показывали половину седьмого утра. Массив данных, выгруженный Кириллом из внутренней сети антикультовой организации, оказался настолько объемным, что команда разбила его на тематические блоки. Финансовые отчеты и международная переписка уже лежали в распечатанном виде на столе, но один из зашифрованных архивов, озаглавленный сухой аббревиатурой «ЦСПЭД», потребовал дополнительного времени на расшифровку.

Кирилл откинулся в кресле и потер воспаленные глаза. Программа-дешифратор наконец выдала сообщение об успешном завершении процесса.

— Готово, — хрипло произнес айтишник. — Это дампы старых сайтов и внутренние методички региональных ячеек. В частности, полная копия веб-ресурса «Центра содействия государству в противодействии экстремистской деятельности». Руководитель — некий Валерий Приходько. Сейчас этот сайт выглядит как обычная визитка общественной организации, но в скрытых директориях сохранилась его архивная версия.

Анна пододвинула свой стул ближе к главному монитору. Журналистка привыкла работать с грязной изнанкой социальных конфликтов, но то, что начало появляться на экране, заставило ее побледнеть.

В архивной версии сайта, в разделе навигационного меню, находилась вкладка «Оказываемые услуги». Под третьим номером в прейскуранте значилось: «Депрограммирование, освобождение от влияния религиозной или другой психологической зависимости».

— Они открыто публиковали это в сети? — Глеб Тарасов, бывший прокурор, подошел к экрану, вглядываясь в текст. — Открывай полное описание услуги.

Кирилл кликнул на ссылку. На экране появился объемный текст, написанный канцелярским, отстраненным языком. Анна начала читать вслух, и с каждым словом тишина в переговорной становилась все более гнетущей:

«Суть депрограммирования заключена в физико-психологическом и эмоциональном воздействии на человека, находящегося в религиозной или другой психологической зависимости с тем, чтобы заставить его отказаться от новоприобретённой системы ценностей».

Журналистка сглотнула подступивший к горлу ком и перевела взгляд на следующий абзац, описывающий сам процесс:

«Депрограммирование может длиться днями, а иногда и неделями, до тех пор, пока человек, находящийся в религиозной или другой психологической зависимости, не проявит признаки резкого психологического перелома и освобождения от контроля сознания. В процессе депрограммирования он может вести себя по-разному: приходить в ярость, проклинать и оскорблять

специалистов по депрограммированию и своих родителей, угрожать мстью, пытаться совершить суицид или нанести себе физический вред, чтобы попасть в больницу, откуда он мог бы позвонить своим единомышленникам, руководителям или каким-то образом связаться с ними, так как потребность в общении с единомышленниками очень велика».

Глеб оперся обеими руками о край стола. Его профессиональная выдержка дала трещину.

— Физико-психологическое воздействие до наступления резкого перелома, — медленно, чеканя слоги, повторил юрист. — Попытки совершить суицид или нанести себе увечья, чтобы попасть в больницу. Илья, ты понимаешь, что мы сейчас читаем? Это не психологическая помощь. При таких обстоятельствах могут усматриваться признаки сразу нескольких составов: похищение человека по статье 126 УК РФ, незаконное лишение свободы, а при систематическом причинении физических или психических страданий — признаки истязания по статье 117 УК РФ. И они рекламировали это как платную услугу.

Илья смотрел на экран. В его памяти всплыли ледяные стены следственного изолятора, где умирал его отец. Тогда он думал, что система просто равнодушна. Что бюрократия убивает походя, не глядя на жертву. Но текст на мониторе доказывал иное. Внутри этой структуры существовали люди, которые методично описывали разрушение человеческой психики как рабочую процедуру.

— Как такое вообще возможно легализовать? — спросил Илья, чувствуя, как внутри сжимается тугая, холодная пружина. — Если человека похищают и пытаются, почему не вмешивается полиция?

— Потому что заказчиками выступают родственники, — ответила Анна, открывая соседний файл с внутренней перепиской. — Посмотри на эти отчеты. Международные правозащитные организации годами фиксируют существование так называемых «реабилитационных центров», тесно связанных с антикультовой сетью. Схема работает как часы. Родственников накачивают пропагандой, убеждают, что их близкий человек превратился в «зомби» и находится под контролем деструктивного культа. Испуганная семья платит огромные деньги за «спасение».

Анна вывела на экран выдержки из финансовых документов.

— В России расценки варьируются, но если посмотреть на международную практику этой же сети, цифры поражают. В отдельных делах суммы доходили до десятков тысяч долларов. В истории Сьюзен Вирт, например, родители заплатили Теду Патрику двадцать семь тысяч долларов. Родственники берут кредиты, влезают в долги, чтобы оплатить услуги боевиков, которые заталкивают их детей в фургоны. А когда жертва оказывается в закрытом помещении, любое ее сопротивление, любые крики о помощи интерпретируются нанятыми психиатрами как «симптом измененного сознания».

Кирилл, не переставая стучать по клавиатуре, открыл директорию с историческими материалами.

— Эта методология придумана не здесь, — произнес айтишник. — В их закрытой библиотеке лежат переведенные американские мануалы семидесятых и восьмидесятых годов. Вся эта индустрия выросла из одной конкретной организации в США — Cult Awareness Network, или CAN. И у этой практики есть конкретный создатель. Его зовут Тед Патрик. В прессе его называли «отцом депрограммирования».

На экране появилась черно-белая фотография грузного мужчины с жестким, бескомпромиссным взглядом.

— Человек с неоконченным школьным образованием, бывший водитель грузовика, — зачитал Кирилл биографическую справку. — Он сам хвастался, что провел более двух тысяч похищений. В тысячу девятьсот семьдесят девятом году его такса составляла десять тысяч долларов за сеанс. Но аппетиты росли стремительно.

Кирилл открыл отсканированную копию полицейского протокола.

— Вот дело Сьюзен Вирт. Тысяча девятьсот восьмидесятый год. Ей было тридцать пять лет, она работала учительницей в Сан-Франциско. Ее вина заключалась лишь в том, что она состояла в «Коалиции по борьбе со смертной казнью» и «Комитете солидарности африканского народа». Никакой религии, просто гражданский активизм. Родители заплатили Патрику двадцать семь тысяч долларов. Четверо исполнителей затолкали женщину в фургон, заткнули

рот, а затем около двух недель удерживали, приковывая наручниками к кровати, ограничивая еду и воду и угрожая ей.

— Двадцать семь тысяч долларов за право держать человека на цепи, — глухо произнес Глеб. — И суд его не остановил?

— В тысячу девятьсот семьдесят четвертом году судья дал ему целых семь дней тюрьмы, — саркастично ответил Кирилл. — Суды часто оправдывали его, потому что верили в легенду о «спасении». Патрик выстроил идеальную юридическую защиту: он заявлял, что человек в культе лишен свободы воли, а значит, на него не распространяются гражданские права.

Илья подошел вплотную к монитору. Концепция дегуманизации, с которой столкнулась его семья, обретала свои исторические, кровавые корни. Если ты объявляешь человека неспособным мыслить самостоятельно, ты получаешь индульгенцию на любое насилие по отношению к нему.

— Но цепи и голод — это не самое страшное, что скрывалось за дверями этих хижин, — голос Анны дрогнул. Она нашла в архиве папку с судебными прецедентами, которые антикультовая сеть тщательно изучала, чтобы избежать юридических ошибок своих предшественников. — Октябрь тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Дело Стефани Риетмиллер.

Журналистка вывела на экран текст показаний потерпевшей.

— Стефани Риетмиллер была похищена во время возвращения домой со своей партнершей. Ее спутнице брызнули в лицо аэрозолем, а саму Стефани силой затащили в машину. Заказчиками выступили родители, которые хотели «депрограммировать» дочь от лесбийских отношений. Ее привезли в изолированную хижину в Алабаме. Семь дней непрерывного психологического прессинга и оскорблений. Согласно показаниям Стефани под присягой, один из участников удержания совершал над ней сексуальное насилие несколько ночей подряд. При этом по итогам процесса часть обвиняемых была оправдана, а часть получила сравнительно мягкие наказания.

В переговорной повисла тяжелая, вязкая тишина. Слышно было только гудение серверов и шум утреннего московского трафика за окном.

— Они коммерциализировали садизм, — Илья нарушил молчание, и его голос звучал как натянутая струна. — Они поняли, что если назвать изнасилование и пытки медицинским термином «депрограммирование», то испуганные родственники сами принесут им деньги. Это не ошибка системы. Это бизнес-модель, построенная на абсолютном расчеловечивании.

— И эта модель никуда не исчезла, — подтвердил Глеб, просматривая списки современных функционеров сети. — Посмотрите на людей, которых российские антикультисты сегодня цитируют как непререкаемых авторитетов. Стивен Хассен. Его книги переводятся, на него ссылаются в экспертизах.

Бывший прокурор открыл документ, содержащий собственные признания Хассена о методах его работы.

— Вот как в критических материалах описывается сама логика таких операций: депрограммирование начинается тогда, когда появляется возможность изолировать члена группы; человека вывозят в секретное место, охраняют круглосуточно, ограничивают связь с внешним миром; процесс длится днями или неделями, пока он либо не откажется от прежних убеждений, либо не убедит окружающих, что отказался.

— Он пишет об этом как о стандартной процедуре, — с отвращением заметила Анна. — Без тени раскаяния.

— Потому что для него это норма, — Глеб перелистнул страницу на материалы судебного иска. — В ноябре тысяча девятьсот семьдесят шестого года этот самый Хассен лично участвовал в похищении человека в штате Мичиган. Жертву сбросили на пол, связали по рукам и ногам и лишили сна на три дня. В течение семидесяти двух часов Хассен и его сообщник оскорбляли похищенного, угрожая ввести ему серию инъекций, если он не отречется от своих убеждений. А когда жертва подала иск на двенадцать миллионов долларов, Хассен попытался подкупить свидетеля, прося его солгать под присягой.

Кирилл добавил последний штрих к этой галерее портретов:

— Бывший президент CAN Майкл Рокос ушел в отставку после того, как был признан виновным в попытке склонения к сексу полицейского под прикрытием, выдававшего себя за несовершеннолетнего. А Антон Хайн, чьи ресурсы годами рекламировал Хассен, оказался осужденным сексуальным преступником,

совершившим насилие над собственной племянницей и сбежавшим от правосудия в Амстердам.

Илья отошел от столов, заваленных документами, и остановился у панорамного окна. Холодное стекло слегка холодило лоб.

Картина, которую они собирали по крупицам все эти месяцы, наконец обрела пугающую, монолитную целостность. В начале своего пути Илья думал, что сражается с коррумпированными чиновниками и беспринципными бизнесменами, которые ради устранения конкурентов на рынке БАДов готовы использовать грязные пиар-технологии. Он считал смерть своих родителей трагическим, чудовищным побочным эффектом этой жадности.

Но архивы, лежащие сейчас на серверах его команды, доказывали совершенно иное. Коррупция, заказные статьи и сфабрикованные экспертизы были лишь верхушкой айсберга. Фундаментом этой международной структуры являлся садизм.

Люди, стоявшие у истоков антикультового движения, были преступниками, похитителями и насильниками. Они создали идеологию, которая позволяла им безнаказанно мучить других людей, прикрываясь маской спасителей. Они убедили общество в том, что существуют некие «деструктивные секты», члены которых теряют право называться людьми. А затем эта логика стала передаваться дальше — через книги, методички, экспертные заключения и закрытые семинары.

Современные последователи Теда Патрика и Стивена Хассена надели дорогие костюмы, получили консультативные статусы при международных организациях и научились использовать государственную правоохранительную машину вместо наемных бандитов с перцовыми баллончиками. Зачем самим затапливать жертву в фургон, если можно написать ложную экспертизу, и спецназ выломает двери абсолютно легально? Зачем держать человека на цепи в лесной хижине, если можно отправить его в ледяную камеру следственного изолятора, где тюремный врач просто не передаст ему жизненно необходимые таблетки от сердца?

Методы стали чище, юридически безупречнее, но суть осталась прежней. Это был конвейер по уничтожению человеческой личности, работающий за солидное вознаграждение.

Илья повернулся к своей команде. Глеб молча смотрел на распечатанный прайс-лист услуг по депрограммированию. Анна сидела, обхватив плечи руками, словно пытаясь согреться в холодном свете мониторов. Кирилл замер над клавиатурой.

На столе, среди сотен страниц юридических текстов и финансовых проводок, лежал документ с архивного сайта российского центра. Черные буквы на белой бумаге бесстрастно фиксировали готовность ломать психику, доводить до суицида и удерживать силой любого, на кого укажет заказчик. Документ, который годами находился в открытом доступе, ожидая тех, кто готов был заплатить цену за такое «спасение».

Глава 22. Слова, лишаящие человечности

Тяжелый том в твердой обложке лежал на столе Анны, словно физическое воплощение той тьмы, с которой они боролись. На обложке крупным шрифтом значилось название: «Сектоведение». Книга, выдержавшая множество переизданий, использовавшаяся в образовательной и экспертной среде и ставшая одним из ключевых справочных текстов для следователей, прокуроров и оперативников по всей стране.

Журналистка сидела перед раскрытой книгой уже четырнадцать часов. Вокруг нее громоздились распечатки лингвистических экспертиз, словари, таблицы частотности употребления слов и графики семантического анализа. Ее пальцы были испачканы желтым и красным маркерами, которыми она выделяла ключевые паттерны в тексте Профессора.

Илья вошел в переговорную бесшумно, держа в руках два бумажных стаканчика с остывшим кофе. Он поставил один из них рядом с клавиатурой Анны. Девушка вздрогнула, отрываясь от монитора, и благодарно кивнула. Ее глаза покраснели от напряжения, но во взгляде читалась пугающая, кристальная ясность.

— Я закончила разбор базовой методологии, — хрипло произнесла Анна, отодвигая от себя тяжелую книгу. — Мы всё это время искали финансовые проводки, взламывали серверы, отслеживали связи с силовиками. Но мы упускали самое главное. Фундамент. То, без чего ни один следователь не смог бы выломать дверь в дом твоих родителей, а ни один врач не посмел бы отказать твоему отцу в таблетках.

Глеб Тарасов, работавший за соседним столом над архивами судебных решений, поднял голову и внимательно посмотрел на журналистку.

— Ты о юридическом обосновании? — спросил бывший прокурор.

— Я о словах, — Анна вывела на большой настенный экран отсканированные страницы книги, испещренные ее пометками. — О словах, которые лишают человека права называться человеком. Я прогнала текст этой книги и сотен их публикаций через программы психолого-лингвистического анализа. Формально это подается как научно-популярный или учебный труд, но по структуре воздействия текст работает иначе: он не столько объясняет религиозные явления, сколько формирует у читателя устойчивый образ врага. Это высокотехнологичное, тщательно сконструированное руководство по расчеловечиванию.

Она открыла первый слайд, на котором красным цветом была выделена одна-единственная цитата из книги Профессора.

— Послушайте внимательно, — Анна начала читать вслух, чеканя каждый слог: — «...никаких нравственных препятствий для геноцида у иеговистов нет».

В комнате повисла тяжелая тишина. Илья смотрел на эти слова, чувствуя, как по спине пробегает холод.

— Это не пересказ чьей-то доктрины и не цитирование спорного текста, — продолжила Анна, опираясь руками о стол. — Это прямое, категоричное

умозаключение самого автора. Он берет группу людей, которые известны своим пацифизмом и отказом брать в руки оружие, и публично обвиняет их в готовности к тягчайшему преступлению против человечества. Лексема «геноцид» имеет колоссальный отрицательный заряд. Обвиняя группу в отсутствии препятствий к массовым убийствам, автор ставит ее в один ряд с самыми кровавыми режимами в истории.

— Прагматический эффект, — задумчиво произнес Глеб, профессионально оценивая текст. — Он создает образ экзистенциальной угрозы.

— Именно, — подтвердила журналистка. — Это кульминация стратегии устрашения. Читателю, будь то обыватель у телевизора или следователь в кабинете, внушается мысль: перед вами не просто люди с другими взглядами. Перед вами смертельная угроза. Потенциальные убийцы. А с экзистенциальной угрозой нельзя вести диалог. Ее необходимо уничтожить. Такой текст может не содержать прямого призыва к насилию, но способен подвести читателя к выводу о допустимости самых жестких «защитных» действий. Он дает индульгенцию на любую жестокость, представляя ее как акт необходимой самообороны.

Анна переключила слайд. На экране появился список терминов, которые Профессор и его последователи систематически применяли к своим жертвам.

— Чтобы общество согласилось на репрессии, жертву нужно лишить человеческого облика, — журналистка указала на экран. — Посмотрите на эту лексику. Автор использует уничижительные неологизмы вроде «*homo jehovisticum*». Он называет язык верующих «уродливо-усредненным», а их литературу — «жвачной продукцией». В связанных публикациях и выступлениях антикультовой среды регулярно встречаются образы «зомбирования», «рабства», «мусора», «социальной опухоли». Это классическая стратегия дегуманизации. Лишение других групп идентичности и утверждение об отсутствии у их последователей «свободы личности» являются прямым заявлением об их социальной и духовной неполноценности.

Илья подошел ближе к экрану. Слова, написанные черным по белому, казались ему физически осязаемыми. Он вспомнил, как журналисты федеральных каналов с легкой усмешкой обсуждали его спортивную дисциплину, называя ее «результатом сектантского программирования». Они

не видели в нем человека, добившегося успеха тяжелым трудом. Они видели в нем механизм, лишенный собственной воли.

— Этот метод придуман не ими, — голос Анны стал тише, но приобрел жесткую, документальную интонацию. — В истории есть точные прецеденты того, как стигматизирующие ярлыки подготавливали почву для физического уничтожения. В гитлеровской Германии апологеты во главе с Вальтером Кюннетом использовали метод маркировки нежелательных элементов. Нацисты прикрепляли символ «желтой звезды» к одежде евреев, а Свидетели Иеговы носили в концлагерях лиловые треугольники. Это был визуальный маркер, означавший, что носитель знака находится за пределами социальных границ, в которых действуют моральные рамки, понятия справедливости и уважения.

Журналистка открыла архивную папку на своем ноутбуке и вывела на экран копию документа на немецком языке с официальным переводом.

— Вы думаете, практика «желтых звезд» осталась в сороковых годах прошлого века? — Анна горько усмехнулась. — Посмотрите на этот документ. В некоторых странах антикультовые организации настолько успешно внедрили свою риторику в государственные аппараты, что стигматизация стала официальной нормой. В марте 1997 года был раскрыт секретный приказ Федерального агентства по труду Германии. Этот документ обязывал все государственные центры занятости отмечать бизнесы, подозреваемые в принадлежности саентологам, литерой «S».

Глеб снял очки и протер стекла краем рубашки. — Государственный орган официально маркирует коммерческие предприятия специальной буквой на основании их убеждений, — констатировал юрист. — С правовой точки зрения это выглядит как риск дискриминационного ограничения экономических и гражданских возможностей без индивидуального судебного решения. Просто на основании ярлыка.

— И российская антикультовая сеть пошла по этому же пути, только расширила масштаб, — Анна открыла следующий массив данных. Это были скриншоты с сайтов региональных отделений организации Профессора. — Они поняли, что ярлык «секта» работает безотказно, и начали применять его к кому

удовно. В публичном обороте А. Л. Дворкин активно продвигал термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ», а затем эта лексика стала использоваться не только применительно к религиозным движениям, но и к самым разным нерелигиозным группам, проектам, организациям и политическим режимам.

На экране замелькали списки.

— Посмотрите, кого они клеймят, — журналистка быстро пролистывала страницы. — Бизнес-структуры, строительные фирмы, кафе, гостиницы, центры йоги, курсы иностранных языков. В отдельных публикациях подобные группы сравниваются с раковыми опухолями общества. В этих списках миллионы людей. Любая успешная гражданская инициатива, любой независимый бизнес может оказаться в этом перечне, если кому-то понадобится устранить конкурента.

Илья стоял неподвижно, глядя на бесконечные списки организаций, объявленных «деструктивными». В его сознании разрозненные фрагменты прошлого окончательно сложились в единую, пугающую картину.

Он всегда задавал себе один и тот же вопрос: как люди, соседи, бывшие коллеги, спортивные чиновники могли так легко поверить в чудовищную ложь о его семье? Как следователь мог спокойно смотреть на задыхающуюся в камере женщину? Как тюремный врач мог игнорировать жалобы пожилого человека на боли в сердце?

Теперь он знал ответ.

Убийство его родителей началось не в то утро, когда спецназ выпилил болгаркой дверь их загородного дома. Оно началось не в кабинете следователя и не в ледяной камере изолятора.

Убийство началось в тот момент, когда в анонимном Telegram-канале, а затем в заказной статье и в экспертизе с синей печатью компанию «БиоТраектория» назвали «коммерческим культом», а его родителей — «лидерами секты».

Эти слова сработали как химический реагент, растворяющий эмпатию. Когда общество принимает ярлык, оно перестает видеть перед собой людей. Для

следователя Денисова Андрей Воронцов больше не был ученым-биохимиком, отцом и мужем. Он стал «лидером деструктивной группы», носителем социальной инфекции, «раковой опухолью». А раковую опухоль не лечат таблетками от давления. Ее вырезают.

Тюремный врач, отказывая в помощи, не нарушал клятву Гиппократов в своей собственной системе координат, потому что антикультовая пропаганда убедила его: перед ним не пациент, а манипулятор, симулирующий болезнь ради связи с внешним миром. Соседи отворачивались не из природной злобы, а из животного страха заразиться этой искусственно сконструированной проказой.

— Они конструируют реальность, — тихо, но твердо произнес Илья, не отрывая взгляда от экрана. — Реальность, в которой насилие становится моральным долгом.

— Совершенно верно, — кивнула Анна. — Коммуникативная цель всех этих текстов — убедить читателя в абсолютной опасности описываемых групп, сформировать к ним стойкое чувство ненависти и презрения. Одновременно текст направлен на формирование у читателя чувства собственного превосходства как «полноценного и развитого гражданина» по контрасту с теми, кого описывают как «неполноценных». С точки зрения психолого-лингвистического анализа такая риторика воспроизводит элементы дискриминационной идеологии: утверждение превосходства одной группы, унижение другой и представление этой другой группы как угрозы.

Глеб подошел к столу и взял в руки распечатку одной из лингвистических экспертиз, которую Анна нашла в закрытых базах.

— С юридической точки зрения это чистый состав преступления, — сказал бывший прокурор, пробегаая глазами по строкам. — Выявленные системные признаки возбуждения ненависти, унижения достоинства и пропаганды неполноценности полностью соответствуют определениям экстремистской деятельности. По международным стандартам это нужно оценивать через высокий порог: контекст, статус говорящего, намерение, содержание, масштаб распространения и вероятность вредных последствий — именно такую логику предлагает План действий Рабата. Но проблема в том, что авторы этих текстов

сами сидят в экспертных советах при министерствах. Они сами оценивают свои собственные слова.

Илья подошел к столу Анны. Он протянул руку и коснулся плотной обложки книги «Сектоведение». Под его пальцами скрывались сотни страниц текста, который годами отравлял общество, превращая законопослушных граждан в изгоев, а государственную правоохранительную систему — в слепое орудие инквизиции.

Он открыл книгу наугад. Страница двести четырнадцать. Текст пестрел словами «вербовка», «контроль сознания», «псевдорелигия». Каждое из этих слов было тщательно откалиброванным инструментом, предназначенным для взлома социальных защитных механизмов. Каждое слово было пулей, выпущенной в репутацию, свободу и жизнь невинных людей.

Антикультовая сеть продавала не просто черный пиар. Она продавала технологию легального расчеловечивания. Заказчик платил пятьдесят миллионов рублей не за статьи в газетах. Он платил за то, чтобы его конкурента перестали считать человеком, на которого распространяются права, прописанные в Конституции.

Илья закрыл книгу. Звук захлопнувшихся страниц прозвучал в тишине переговорной как сухой ружейный щелчок. Он посмотрел на свои руки — руки пловца, привыкшие к честному сопротивлению воды. В воде не было ярлыков. Там действовали законы физики. Здесь же, на суше, действовали законы лингвистического террора, где абзац печатного текста мог убить вернее, чем пуля, потому что пуля оставляет улики, а текст оставляет лишь равнодушное общество, уверенное в том, что смерть жертвы была оправданной санитарной мерой.

Глава 23. Утечка

Глухой, вибрирующий звук телефона разорвал напряженную тишину офиса в начале четвертого утра. Глеб Тарасов, сидевший над стопкой распечатанных финансовых отчетов, вздрогнул и посмотрел на светящийся экран. Номер не определялся, но бывший прокурор знал, кто использует этот зашифрованный канал связи. Это был Валерий — действующий сотрудник надзорного ведомства, который последние два месяца помогал команде получать из закрытых служебных контуров архивные материалы по сомнительным заказным делам.

Глеб принял вызов и поднес аппарат к уху. Илья, стоявший у панорамного окна, обернулся. Он сразу понял, что произошло нечто непоправимое. Лицо Глеба, обычно сохранявшее профессиональную, непроницаемую маску, на глазах начало терять краски, становясь пепельно-серым.

Разговор длился не больше минуты. Глеб не задал ни одного вопроса. Он просто слушал, тяжело дыша, а затем медленно опустил телефон на стол. Экран погас, погрузив эту часть комнаты в полумрак.

— Нас сдали, — голос бывшего прокурора прозвучал сухо и надтреснуто. Он снял очки и с силой потер переносицу. — Валерий сломался.

Анна замерла над клавиатурой. Кирилл, не отрывая взгляда от мониторов, остановил запущенный скрипт сканирования.

— Что именно он им передал? — Илья подошел к столу. В его голосе не было паники, только холодная, расчетливая концентрация человека, который готовится к удару.

— Всё, — Глеб поднял глаза. В них читалась смесь ярости и глубокого, выматывающего бессилия. — Имена каждого из нас. Физический адрес этого офиса. Сетевые идентификаторы, через которые можно выйти на нашу инфраструктуру. И самое главное — он сообщил службе безопасности Профессора о том, что мы скачали их внутренний архив. Они знают, что у нас на руках их черная бухгалтерия и международная переписка.

— Как они на него вышли? — тихо спросила Анна.

— Банально и грязно, — Глеб криво усмехнулся. — Никаких паяльников или подвалов. Вчера вечером Валерий вышел с работы, сел в машину, а на

пассажирском сиденье лежал плотный пластиковый конверт. Внутри — подробное расписание тренировок его младшей дочери по художественной гимнастике. С точностью до минуты. И фотографии девочки, сделанные с большого расстояния, так, чтобы он понял: за ребенком наблюдали не случайно. К фотографиям прилагалась записка с предложением встретиться. На встрече ему популярно объяснили, что если он не сольет информацию о том, кто запрашивает архивы, его дочь могут сделать фигуранткой сфабрикованного дела, а жена попадет в реанимацию. Он выбрал семью. Я не могу его винить.

Илья почувствовал, как внутри начинает разрастаться знакомый, удушливый вакуум. Тот самый, который он испытал несколько лет назад, когда от него отвернулись спонсоры, тренеры и друзья. Предательство всегда бьет в одну и ту же точку — оно разрушает базовое чувство безопасности. На долю секунды его взгляд скользнул по лицам команды. Глеб. Анна. Кирилл. Кто из них может стать следующим? У кого еще есть уязвимые места, на которые система надавит с той же безжалостной эффективностью?

Он усилием воли подавил этот приступ паранойи. Сомнения сейчас означали верную смерть.

— Если они знают наш адрес, почему здесь до сих пор нет спецназа? — спросил Кирилл, быстро переключая вкладки на своих мониторах и проверяя логи внешних подключений.

— Потому что мы для них — нестандартная угроза, — ответила Анна, нервно покусывая губы. — Мы не просто бизнес, который можно закрыть, пришив ярлык. У нас на руках их цифровые следы. Если они просто ворвутся сюда с обыском, они рискуют тем, что мы успеем нажать кнопку и отправить весь архив в открытый доступ. Им нужно сначала дискредитировать сам источник информации. Им нужно сделать так, чтобы, даже если мы опубликуем документы, нам никто не поверил.

Журналистка открыла свой защищенный мессенджер.

— Я должна связаться с Дмитрием. Это мой бывший главный редактор. У него одно из немногих оставшихся независимых изданий. Если мы передадим ему часть документов прямо сейчас, мы создадим публичный щит. Они не

посмеют тронуть нас, если расследование уже будет в работе у редакции и подтверждено внешними копиями.

Анна быстро набрала сообщение, прикрепив несколько зашифрованных файлов с финансовыми проводками сети, и нажала «Отправить». Ответ пришел пугающе быстро. Но это было не согласие на публикацию. Это было предложение о срочной встрече в неприметном кафе на окраине города.

Спустя два часа Анна вернулась в офис. Ее куртка была насквозь пропитана мелким, колючим дождем, но дрожала она не от холода. Она бросила сумку на кресло и подошла к главному экрану.

— Публичного щита не будет, — сказала она, глядя на Илью. — Дмитрий отказался брать материал. И дело не в том, что он боится обысков. Дело в том, что независимой прессы в том виде, в котором мы ее себе представляли, для этой темы почти не осталось.

Анна подключила свой телефон к проектору. На экране появилось письмо с пометкой «Конфиденциально», отправленное с неизвестного адреса на личную почту ее бывшего редактора.

— Дмитрий показал мне это при встрече, — голос Анны дрожал от сдерживаемого гнева. — Это «темник». Готовая редакционная инструкция. Такие письма приходят руководителям десятков изданий каждый понедельник. В них четко прописано, какие гражданские инициативы или бизнесы на этой неделе следует называть «деструктивными», какие термины использовать в заголовках, а кого вообще нельзя упоминать.

Журналистка пролистала текст письма вниз.

— Сеть Профессора годами выстраивала эту систему. Они не просто покупают разовые статьи. Они держат редакции на коротком поводке. Дмитрий признался, что если он опубликует наше расследование, его издание не просто закроют. Его журналистов внесут в черные списки, лишат аккредитаций, а спонсоры разорвут контракты в течение суток. Антикультовая сеть контролирует информационное поле через страх потери профессии. Журналисты получают готовые пазлы ненависти и просто вставляют их в свои тексты, убеждая себя, что это редакционная политика.

— Они формируют реальность, — мрачно констатировал Глеб. — И теперь они будут формировать ее против нас.

Словно в подтверждение его слов, один из мониторов Кирилла издал резкий, пронзительный звуковой сигнал. Айтишник настроил систему автоматического мониторинга упоминаний имени Ильи в сети, и сейчас алгоритм начал фиксировать аномальный всплеск активности.

— Началось, — Кирилл вывел данные на центральный экран. — Массированный посев. Сразу двенадцать крупных новостных порталов и около полусотни анонимных каналов одновременно выпустили материалы.

Илья подошел вплотную к экрану. Заголовки били наотмашь, сконструированные с безупречной, ледяной точностью: «Сын лидеров культа готовит месть: бывший олимпиец формирует радикальную ячейку». «Посттравматический экстремизм: как спортивная дисциплина превратилась в фанатизм». «Теневые спонсоры: на чьи деньги существует мститель-одиночка?».

Тексты статей были написаны по тем же самым лекалам, которые команда изучала последние месяцы. Авторы не приводили ни одного факта нарушения закона со стороны Ильи. Вместо этого они использовали манипулятивную подмену причинно-следственных связей. Они брали его спортивное прошлое — многочасовые тренировки в изоляции, жесткий режим, отказ от светской жизни — и интерпретировали это как «признаки глубокой психологической деформации» и «склонность к радикальным действиям».

В одной из статей прямо утверждалось, что Илья, не сумев смириться с законным арестом родителей, якобы планирует серию насильственных акций против представителей власти и экспертного сообщества.

— Они используют превентивный удар, — Глеб быстро пробежал глазами по строкам. — Это классическая подготовка общественного мнения к силовому захвату. Они лепят из тебя нестабильного, опасного радикала. Завтра утром любой следователь с чистой совестью сможет обосновать неотложные следственные действия, потому что в его картине мира он будет обезвреживать не аналитика с документами, а вооруженного фанатика.

Илья смотрел на свою фотографию, прикрепленную к одной из статей. Это был снимок с Олимпиады, где он стоял на пьедестале. Но фотографию пропустили через фильтры, затемнили фон, сделали черты лица более резкими и угрожающими. Из гордости страны его превратили в социальную угрозу.

В этот момент Илья осознал всю хрупкость их положения. Цифровые данные, хранящиеся на серверах, могли быть уничтожены дистанционно. Облачные хранилища могли быть заблокированы по первому требованию силовых структур, если те примут сфабрикованную информационную картину за реальность. Если сюда ворвется спецназ, они изымут жесткие диски, и годы работы превратятся в пыль. Никто никогда не увидит прайс-листов на похищения людей и переписку Профессора с европейскими кураторами.

— Отключай серверы от внешней сети, — резко скомандовал Илья, поворачиваясь к Кириллу. — Полная физическая изоляция. Прямо сейчас.

Айтишник, не задавая вопросов, выдернул магистральный кабель из маршрутизатора. Гул вентиляторов изменил тональность.

— Что ты задумал? — спросила Анна, с тревогой глядя на Илью.

— Цифровой след можно стереть. Бумагу — сложнее, — Илья указал на два мощных офисных принтера, стоящих в углу. — Мы не будем ждать, пока они выломают наши двери. Мы переводим всё в физический формат. Каждую финансовую проводку, каждый темник, каждую инструкцию по депрограммированию.

Следующие несколько часов офис превратился в лихорадочно работающий механизм. Принтеры гудели непрерывно, выплевывая сотни страниц текста. Воздух наполнился едким запахом разогретого тонера и озона. Спины ныли от постоянного напряжения, суставы затекли, но никто не останавливался.

Илья методично сортировал горячие листы, раскладывая их по плотным пластиковым папкам. Он физически ощущал вес этих доказательств. Это были не просто байты информации. Это были задокументированные жизни людей, разрушенные ради коммерческой выгоды.

Когда запасы бумаги подошли к концу, на столе возвышались четыре массивные коробки, доверху набитые документами. Кирилл закончил

шифрование резервных копий на портативных жестких дисках, которые не имели модулей беспроводной связи.

— У нас есть максимум сутки до того, как они перейдут от статей к реальным действиям, — произнес Глеб, заклеивая последнюю коробку армированным скотчем. — Если мы останемся здесь, нас возьмут.

Илья подошел к окну. Утренний город был затянут плотной, серой пеленой смога. Где-то там, в уютных кабинетах, люди с научными степенями уже праздновали победу, уверенные, что их система контроля дала нужный результат. Они думали, что загнали его в угол, заставили оправдываться и прятаться.

Но они ошиблись в главном. Они оценивали его по своим собственным меркам, считая, что страх заставит его отступить.

— Мы не будем прятаться, — Илья повернулся к команде. Его голос звучал ровно, без малейших колебаний. — Они хотят выставить меня радикалом-одиночкой? Отлично. Значит, мы ударим оттуда, откуда они не ждут. Глеб, связывайся со своими контактами в международных правозащитных структурах. Анна, бери жесткие диски и выезжай к тем иностранным корреспондентам, которых сеть Профессора не может достать своими темниками.

Илья взял со стола одну из зашифрованных флешек и крепко сжал ее в ладони. Пластик врезался в кожу, напоминая о реальности происходящего.

— Мы выносим это за пределы их юрисдикции. Мы инициируем процесс, который они не смогут закрыть звонком сверху. Охота в тени закончена. Мы вытаскиваем их на свет.

Глава 24. Сборка доказательств

Бумажная пыль тонким слоем оседала на полированных поверхностях столов, экранах отключенных мониторов и спинках кожаных кресел. После того

как серверы были физически отсоединены от сети, офис превратился в изолированный бункер. Воздух здесь пах типографской краской, озоном от перегретых принтеров и остывшим кофе. Эмоции, паника и страх перед возможным штурмом остались во вчерашнем дне. На их место пришла безжалостная работа с фактами.

Илья стоял перед длинной пробковой доской, занимавшей всю стену переговорной комнаты. В его руках была стопка канцелярских кнопок и моток красной нити. Он больше не был тем растерянным спортсменом, который пытался докричаться до глухой системы, и не был отчаявшимся сыном, стоящим на краю моста. Сейчас он превратился в стратега, собирающего воедино разрозненные фрагменты глобальной масштабной преступной схемы.

Его взгляд скользил по документам, выстраивая непрерывную хронологическую цепь. Фокус окончательно сместился с идеологических споров на сухую криминалистику: кто заказал, кто оплатил, кто исполнил.

Илья прикрепил к доске первый лист. Это была копия банковской выписки со скрытого счета холдинга «НеоВита Лаб».

— Двенадцатое августа, — произнес он вслух, фиксируя дату. — Транзакция на сумму двадцать пять миллионов рублей. Назначение платежа: «Аванс по договору оказания консультационных услуг». Получатель — некоммерческий фонд «Защита семьи», аффилированный с Профессором.

Он протянул красную нить к следующему документу. Это была распечатка электронного письма от советника по безопасности Артура Кротова.

— Четырнадцатое августа. Кротов подтверждает перевод и передает в центральный офис антикультовой сети базовую информацию о компании «БиоТраектория».

Следующая кнопка вонзилась в скриншот первой анонимной публикации в региональном блоге.

— Восемнадцатое августа. Старт медийной кампании. В тексте впервые появляется слово «секта».

Нить потянулась дальше, к массивному, скрепленному степлером документу.

— Пятое сентября. Профессор ставит свою подпись под сорокадвухстраничным экспертным заключением, в котором полностью игнорируются финансовые и производственные реалии завода, а выводы строятся на вырванных из контекста фразах из корпоративного буклета.

Илья закрепил последний документ в этой цепочке — копию постановления об обыске и аресте, подписанную следователем Денисовым.

— Восьмое сентября. Силовая фаза.

Он отступил на шаг. Перед ним висела не просто схема рейдерского захвата. Это была задокументированная анатомия преследования, завершившегося гибелью людей. От первого переведенного рубля до смерти его родителей в тюремных стенах прошел ровно один месяц и двадцать четыре дня. Каждый этап был оплачен, зафиксирован в черной бухгалтерии и подкреплён фальшивыми печатями.

Глеб Тарасов сидел за столом, обложившись томами международных конвенций и распечатками прецедентных судебных решений. Бывший прокурор готовил фундамент для международного обращения, который должен был обойти коррумпированную национальную юрисдикцию.

— Мы не можем подавать иск о клевете или защите деловой репутации в местный суд, — не поднимая головы, сказал Глеб. — Они раздавят нас на первом же заседании, опираясь на свои же собственные экспертные советы. Их влияние на судебную систему формировалось десятилетиями. Я поднял архивы за тысяча девятьсот девяносто седьмой год. Тогда бывший священник Глеб Якунин попытался защитить через суд организации, которые Профессор публично представил в уничижительном и опасном свете. Иск был предсказуемо проигран. И этот проигрыш стал для них прецедентом, фундаментом, на котором они выстроили всю дальнейшую практику легализации своей лжи. Суды привыкли им верить.

Глеб перевернул страницу объемного доклада, логотип на обложке которого принадлежал Организации Объединенных Наций.

— Поэтому мы бьем по верх их голов, — продолжил юрист. — Мы готовим обращение в профильные международные механизмы по правам человека и к иностранным правоохранительным структурам, если подтвердится

трансграничный финансовый след. Наша правовая позиция будет строиться не на частном коммерческом споре, а на доказательстве существования организованной системы террора. Послушайте, как точно текущую ситуацию описывает недавний доклад Специального докладчика ООН Марианы Кацаровой.

Глеб зачитал выделенный желтым маркером абзац:

«В Российской Федерации, по оценке Специального докладчика, сформировалась структурная, поддерживаемая государством система нарушений прав человека, легализованная новым или пересмотренным законодательством и используемая для подавления гражданского общества, инакомыслия и политической оппозиции. Создана атмосфера абсолютной безнаказанности при отсутствии независимых институтов, способных защищать верховенство права и доступ к правосудию».

— Это наш юридический зонтик, — Глеб закрыл папку. — Мы докажем, что антикультовая сеть Профессора является одним из главных архитекторов этой атмосферы безнаказанности. Они создали квазиправовую структуру, которая подменяет собой закон. Но для того, чтобы международный суд принял дело к производству, одних финансовых проводок мало. Нам нужны живые свидетели. Люди, которые прошли через их систему физического подавления и готовы говорить.

Илья молча кивнул. Он знал, что это самая сложная часть их плана. Найти документы в скрытых базах данных — это вопрос технических навыков. Убедить сломленного человека заново пережить свой личный ад перед юристами, журналистами и международными экспертами — это вопрос совершенно иного порядка.

Через два часа Илья сидел в неприметном кафе на окраине спального района. За окном моросил мелкий, колючий дождь. Напротив него за пластиковым столиком нервно сжимала бумажный стаканчик с чаем Ксения Лихачева. Ей было тридцать четыре года, но глубокие тени под глазами и преждевременная седина в темных волосах прибавляли ей десяток лет.

В ноябре две тысячи девятнадцатого года Ксения была участницей мирного объединения, практиковавшего восточные медитации и йогу. Ее бывший муж,

влиятельный чиновник регионального уровня, решил использовать этот факт, чтобы лишить ее родительских прав и забрать себе их общего сына. Он не стал обращаться в органы опеки. Он обратился к специалистам по «депрограммированию».

— Они ждали меня возле подъезда, — голос Ксении был тихим, почти шелестящим. Она постоянно оглядывалась на входную дверь кафе. — Трое мужчин. Они не представились полицией. Просто затолкали в минивэн, забрали телефон и надели на голову плотный тканевый мешок.

Илья слушал, не перебивая. Он включил диктофон, предварительно получив ее согласие на запись.

— Меня привезли в какой-то загородный дом в Тульской области, — продолжала женщина, глядя на свои дрожащие пальцы. — Окна были заколочены фанерой. В комнате стояла только кровать и ведро. Четырнадцать дней. Они не били меня в прямом смысле слова, чтобы не оставлять синяков. Они использовали другие методы. Лишали сна. Как только я закрывала глаза, в комнату заходил человек и начинал кричать, что я сумасшедшая, что я разрушила жизнь своего ребенка, что моя вера — это болезнь. Они включали записи лекций Профессора на максимальной громкости. Часами. Днями. Они требовали, чтобы я подписала бумагу об отказе от сына и признании своей группы экстремистской.

Ксения подняла на Илью полные слез глаза.

— Я сломалась на десятый день. Я подписала всё. Я поверила, что действительно сошла с ума. Когда меня выпустили, я полгода не могла выходить на улицу. Я вздрагивала от звука тормозящей машины. Мой бывший муж получил преимущество в споре об опеке, а в суде лежала справка от этих «экспертов», что я находилась под деструктивным контролем сознания.

Илья достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вдвое лист бумаги и положил его на стол перед Ксенией.

— Это копия внутренней бухгалтерской ведомости регионального отделения антикультовой сети, — ровным, спокойным тоном произнес он. — Посмотрите на третью строчку сверху.

Ксения неуверенно опустила взгляд на документ. Там, напротив ее фамилии и даты похищения, стояла сумма: один миллион двести тысяч рублей. В графе «Заказчик» значилась фамилия ее бывшего мужа. В графе «Исполнитель» — инициалы куратора силового блока сети.

— Ваша вера не была болезнью, Ксения, — сказал Илья, глядя ей прямо в глаза. — Вы не сошли с ума. И вас похитили не ради спасения вашей души. Вас похитили за один миллион двести тысяч рублей. Это был коммерческий заказ. Сухая, циничная сделка. Ваш бывший муж купил услугу по устранению вас из жизни ребенка. А эти люди просто выполнили работу по прайс-листу.

Женщина смотрела на цифры. В ее глазах слезы отчаяния медленно сменялись чем-то другим. Осознание того, что ее страдания были не результатом некой высшей идеологической борьбы, а банальным криминальным заработком, меняло всё. Мистика рассеялась, оставив после себя грязную уголовщину.

— Я хочу, чтобы вы выступили свидетелем в международном расследовании и, если дело дойдет до процесса, в суде, — твердо сказал Илья. — Мы обеспечим вам адвоката, безопасный канал связи и сопровождение правозащитников. Ваши показания, подкрепленные этой финансовой выпиской, докажут, что они занимаются похищениями, незаконным удержанием и психологическим насилием за деньги.

Ксения долго молчала. Затем она медленно кивнула и придвинула к себе диктофон.

— Что я должна сказать?

Пока Илья собирал свидетельские показания, в офисе Анна готовила информационный удар. Журналистка понимала, что локальные СМИ полностью парализованы страхом и редакционными инструкциями. Поэтому она формировала пакеты данных для одновременного слива в десять крупнейших независимых международных изданий.

Она сортировала переведенные на английский язык документы, когда наткнулась на историческую справку, объясняющую корни той жестокости, о которой рассказывала Ксения. Анна вывела на экран цитату Стивена Хассена, одного из идеологов депрограммирования, произнесенную им в эфире

американского телевидения еще в тысяча девятьсот девяносто третьем году. В споре о методах воздействия на членов религиозных групп он описывал обвинения в адрес их лидеров так:

«...он брал людей на долгие часы и гипнотизировал их, используя методы модификации поведения и тому подобное, и разрушал их способность мыслить».

— Они всегда проецировали свои собственные преступления на жертв, — произнесла Анна, обращаясь к вернувшемуся в офис Илье. — Хассен обвинял лидеров общин в разрушении способности мыслить, в то время как сам запирал людей в комнатах и ломал их психику. Российская сеть полностью скопировала эту тактику. Они кричат о психологическом насилии в сектах, чтобы отвлечь внимание от того факта, что единственные, кто реально применяет пытки, лишение сна и похищения — это они сами.

Глеб подошел к столу Анны, держа в руках еще одну папку с документами.

— Я нашел еще одно звено, которое делает их систему неуязвимой на внутреннем уровне, — сказал юрист, раскладывая перед коллегами распечатки из закрытых баз данных. — Идеальный симбиоз. Посмотрите на эти фамилии. Это адвокаты, позиционирующие себя как независимые правозащитники. Когда антикультовая сеть нападает на очередную организацию, эти юристы тут же предлагают жертвам свои услуги за огромные гонорары.

Глеб указал на фотографии, сделанные скрытой камерой в кулуарах профильных конференций. На снимках эти самые «независимые защитники» мило общались, пили кофе и сидели за одними столиками с лидерами антикультовой сети.

— Они работают в связке, — пояснил Глеб. — Одни создают проблему. Другие приходят к жертве и продают ей защиту. Но самое страшное в том, что если подтвердится слив адвокатской стратегии обратно в сеть Профессора, это уже будет не просто конфликт интересов, а системное разрушение права на защиту. Жертва платит деньги человеку, который гарантирует ее проигрыш в суде. У человека не остается ни единого шанса на справедливое разбирательство внутри страны.

Илья подошел к столу, на котором лежали готовые к отправке зашифрованные жесткие диски. На каждом из них была наклеена бирка с названием международного издания: от Лондона до Нью-Йорка. Внутри этих пластиковых коробочек находились терабайты доказательств. Финансовые проводки. Прайс-листы на похищения. Переписка с заказчиками. Показания Ксении Лихачевой и еще десятка таких же жертв, которых Илье удалось разыскать за последние недели. Доказательства сговора с псевдозащитниками.

Вся эта колоссальная, многолетняя ложь, уничтожившая тысячи жизней, теперь была детально разобрана, оцифрована и переведена на язык сухих юридических фактов.

Илья взял в руки один из дисков. Он был легким, почти невесомым. Но в этой легкости заключалась сила, способная обрушить империю, построенную на страхе и поддельных экспертизах. Подготовка была завершена. Оставалось только нажать кнопку отправки и позволить правде выйти из тени.

Глава 25. Информационный взрыв

Стрелка настенных часов в офисе приблизилась к отметке 10:00 по центральноевропейскому времени. В помещении, пропахшем остывшим кофе и нагретым пластиком работающей техники, стояла звенящая тишина. Анна сидела перед тремя мониторами, ее пальцы замерли над клавиатурой. Глеб стоял у окна, глядя на утренние московские пробки, но его внимание было полностью приковано к экранам на столе журналистки. Илья находился в центре комнаты, скрестив руки на груди.

Эмбарго на публикацию истекало прямо сейчас.

В 10:01 первый индикатор на мониторе Анны мигнул зеленым. Крупнейший немецкий расследовательский портал выпустил лонгрид. Через

тридцать секунд к нему присоединилось ведущее французское издание. Спустя еще минуту материалы появились на главных страницах двух американских газет и на пяти независимых русскоязычных платформах, базирующихся за пределами страны.

Информационный вакуум, который антикультовая сеть выстраивала десятилетиями, начал давать сбои в режиме реального времени.

— Пошло, — выдохнула Анна, быстро прокручивая ленты новостей. — Они Они дали всё. Почти без купюр. С юридическими оговорками, но без попытки сгладить главное.

Илья подошел ближе к экранам. Заголовки мировых изданий били с безжалостной точностью, превращая абстрактные философские споры о религии в сухую криминальную хронику. Журналисты не стали вдаваться в теологические дискуссии. Они ударили по самому уязвимому месту системы — по ее бухгалтерии.

На страницах сайтов появились интерактивные графики, демонстрирующие финансовые потоки. Читатели по всему миру впервые увидели, как государственные гранты, выделяемые на «изучение религий и противодействие экстремизму», смешивались с теневыми траншами от частных корпораций. В центре этих схем находились счета некоммерческих фондов, аффилированных с Профессором и его европейскими коллегами.

Но настоящий шок вызвало не само наличие денег, а то, за что именно они платились.

Одно из изданий опубликовало отсканированные внутренние прайс-листы сети. Общество, годами верившее в благородную миссию «борцов с сектами», внезапно столкнулось с леденящей душу реальностью. В таблицах Excel, выведенных на всеобщее обозрение, черным по белому значились расценки на сломанные судьбы. Строка «Организация медийной кампании» соседствовала со строкой «Подготовка комплексного экспертного заключения для следственных органов».

Отдельным блоком шли документы, касающиеся физического насилия. Журналисты предали огласке тарифы на услуги по так называемому «депрограммированию». Люди читали о том, что похищение

совершеннолетнего гражданина, его изоляция в заключенном доме и многодневное психологическое давление стоили заказчикам десятки тысяч долларов. Это больше не было слухами или жалобами маргинальных групп. Это были внутренние сметы, сопоставленные журналистами с банковскими выписками и показаниями свидетелей.

— Они выложили аудио, — голос Анны дрогнул от напряжения. Она кликнула на встроенный в статью плеер.

Из динамиков раздался глухой, слегка искаженный записью голос. Это был перехват телефонного разговора, датированный маем прошлого года. На записи региональный координатор антикультавой сети, некий Степан Рогов, обсуждал детали заказа с представителем крупной строительной компании. Конфликт развернулся вокруг частного образовательного центра «Эрудит», занимавшего историческое здание в центре города.

«Нам нужно это здание до конца квартала, — говорил голос заказчика, сопровождаемый шумом автомобильного мотора на заднем фоне. — Вы можете ускорить процесс? Собственница уперлась, суды по аренде мы проигрываем».

«Стандартный пакет займет три недели, — спокойно, с деловой интонацией отвечал Рогов. — Восемьсот тысяч рублей за посев в региональных медиа. Мы найдем пару бывших учеников, они дадут интервью о жесткой дисциплине и подавлении личности. Полтора миллиона — за подпись Профессора под экспертизой. Как только бумага с синей печатью ляжет на стол следователю, к ним придут с обыском. Здание могут опечатать как вещественное доказательство по делу об экстремизме. При правильном сопровождении к пятнице полиция будет там».

Запись обрывалась короткими гудками.

Глеб снял очки и покачал головой.

— Здесь могут усматриваться признаки сразу нескольких составов: мошенничество, коммерческий подкуп, фальсификация доказательств, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, а при устойчивой структуре и распределении ролей — организация преступного сообщества. Они обсуждают фабрикацию уголовного дела с той же обыденностью, с какой люди заказывают доставку еды.

К середине дня государственные ведомства, годами сотрудничавшие с антикультистами, погрузились в режим глухой обороны. Телефоны пресс-служб молчали. Никто из чиновников не хотел комментировать аудиозаписи, на которых обсуждалась возможная покупка экспертных заключений и запуск заказных уголовных дел.

Профессор понял, что молчание равносильно признанию вины. Ему нужно было срочно перехватить повестку, вернуть себе статус непререкаемого авторитета, чье слово не требует доказательств.

В 19:00 он появился в прямом эфире одного из лояльных федеральных телеканалов. Илья, Анна и Глеб смотрели трансляцию на большом экране в офисе.

Студия была оформлена в тревожных, красно-черных тонах. Профессор сидел в кресле, одетый в строгий костюм. Однако его привычная вальяжность исчезла.

— То, что мы наблюдаем сегодня, — начал Профессор, пытаясь придать голосу привычную академическую тяжесть, — это беспрецедентная, хорошо спланированная информационная атака. Деструктивные культы, обладающие колоссальными финансовыми ресурсами, объединились, чтобы отомстить нам за годы честной работы по защите духовной безопасности общества. Эти так называемые расследования — не более чем фальшивка, сфабрикованная западными спецслужбами.

Он попытался использовать свой излюбленный метод — замкнутую объяснительную схему, при которой любые обвинения в адрес его организации автоматически объявлялись происками «сектантов». Раньше это работало безотказно. Но сегодня правила игры изменились.

— Профессор, — ведущий прервал его монолог, глядя в планшет, на котором были открыты свежие публикации. — Зрители задают вопросы не об идеологии. Они спрашивают о конкретных документах. Издания опубликовали банковские проводки.

Профессор моргнул. Его дыхание на секунду сбилось. Он не привык оправдываться. Он привык обвинять.

— Это... это пожертвования, — голос эксперта дрогнул, потеряв бархатистый тембр. — Наш фонд ведет масштабную исследовательскую работу. Коммерческие структуры часто поддерживают науку. Это абсолютно легальная практика. Вырванные из контекста цифры ничего не доказывают.

— Хорошо, допустим, это грант на исследования, — ведущий, почувствовав слабость собеседника, начал давить, спасая собственные рейтинги. Режиссеры вывели на экран позади Профессора расшифровку утренней аудиозаписи. — Но как быть с аудиоперехватом? Ваш региональный координатор прямым текстом называет сумму в полтора миллиона рублей за вашу личную подпись под экспертизой, которая гарантирует обыск. Это тоже исследовательская работа?

На лице Профессора проступила испарина. Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкой, похожей на гримасу боли.

— Я не могу нести ответственность за слова каждого человека, который называет себя нашим сторонником, — начал путаться он, противореча собственным заявлениям о строгой иерархии внутри сети. — Этот голос мог быть сгенерирован нейросетью. Это провокация! Вы понимаете, что они используют методы психологического террора против меня? Они пытаются заставить замолчать голос разума!

Илья смотрел на экран, не отрывая взгляда. Человек, который годами ломал чужие жизни росчерком пера, который хладнокровно помогал запускать уголовные преследования и разрушать семьи, сейчас рассыпался в прямом эфире. Лишенный административного щита и столкнувшийся с неопровержимыми фактами, он оказался не всемогущим архитектором судеб, а обычным, загнанным в угол функционером, пойманным на финансовых махинациях.

— Вы утверждаете, что не берете денег за экспертизы, — продолжал наседавать ведущий. — Но в опубликованных прайс-листах есть услуга «депрограммирования». Там указаны суммы в десятки тысяч долларов за насильственное удержание людей. Вы отрицаете подлинность этих документов?

— Мы оказываем только консультационную помощь родственникам! — голос Профессора сорвался на крик. Он подался вперед, его руки заметно

тряслись. — Если кто-то на местах превышает полномочия, это дело полиции! Мы лишь даем научную оценку! Мы спасаем людей от контроля сознания!

— Спасаете за полтора миллиона рублей за подпись? — холодно уточнил ведущий.

В студии повисла мертвая тишина. Профессор открыл рот, чтобы ответить, но не нашел слов. Его взгляд заметался по студии, ища поддержки, которой больше не было. Камера взяла его лицо крупным планом, зафиксировав капли пота на лбу и абсолютно пустые, паникующие глаза.

Илья молча потянулся к пульту и нажал кнопку выключения. Экран погас, погрузив переговорную в полумрак. Информационный взрыв состоялся, и ударная волна уже дала трещину по фундаменту системы, казавшейся нескрушимой.

Глава 26. Эпилог. Светлая грусть

Ветер гнал по узким асфальтированным дорожкам сухие, потемневшие листья, с тихим шорохом разбивая их о гранитные цоколи оград. Старое кладбище на окраине города встретило Илью промозглой ноябрьской тишиной, в которой звуки шагов казались неестественно громкими. Воздух был пропитан запахом влажной земли, увядающей хвои и того холодного покоя, который всегда опускается на землю перед первым настоящим снегом.

Илья шел по центральной аллее, засунув руки глубоко в карманы темного драпового пальто. Его лицо, осунувшееся и заострившееся за последние недели, хранило выражение усталой сосредоточенности. Он безошибочно находил дорогу в лабиринте оград и памятников, сворачивая на знакомых перекрестках. Мышечная память вела его туда, где под тяжелой плитой из черного габбро-диабазы покоились два человека, чья вера в честный труд и справедливость обошлась им слишком дорого.

Он остановился у невысокой кованой калитки. На полированном камне золотой краской были выбиты два имени: Андрей Николаевич Воронцов и Елена Викторовна Воронцова. Даты рождения. И одна на двоих дата смерти, разделенная лишь несколькими неделями тюремного ада.

Илья медленно открыл калитку, которая отозвалась коротким металлическим скрипом, и шагнул внутрь ограды. Он не принес цветов. В его нынешнем состоянии любые ритуальные жесты казались слишком легкими, почти декоративными, не способными заполнить ту пустоту, которая образовалась внутри.

Прошло десять дней с момента информационного взрыва.

Десять дней с того утра, когда крупнейшие мировые издания одновременно опубликовали документы, банковские проводки, внутренние прайс-листы, аудиозаписи и свидетельства людей, прошедших через депрограммирование. Десять дней с того вечера, когда Профессор в прямом эфире впервые потерял привычную непогрешимость и оказался не судьей чужих душ, а человеком, вынужденным отвечать на простые вопросы о деньгах, подписях и заказных экспертизах.

Система не рухнула. Это было первое, что Илья понял уже на следующее утро. Офисы антикультовых центров не опечатали. Экспертные советы не распустили. Следователи, подписывавшие постановления на основании сомнительных заключений, не выстроились в очередь с явками с повинной. Те, кто годами кормился страхом, не исчезли. Они притихли, сменили лексику, закрыли часть старых страниц, начали говорить о «провокации», «внешнем вмешательстве» и «атаках на традиционные ценности».

Но что-то все же изменилось. И это изменение оказалось важнее мгновенной победы. Люди начали задавать вопросы. Не все. Не сразу. Не громко. Но начали. В комментариях под статьями бывшие сотрудники разрушенных компаний впервые называли свои имена. Родители, когда-то заплатившие за «спасение» детей, писали журналистам, спрашивая, не стали ли они соучастниками чужого преступления. Судьи на региональных конференциях осторожно спорили о том, можно ли принимать слово «секта» как юридический термин. Молодые адвокаты пересылали друг другу

опубликованные материалы и искали старые дела, где экспертизы были построены на одних и тех же книгах, одних и тех же формулировках, одних и тех же страхах. Вчерашняя магия ярлыка начала давать сбой.

Илья опустился на небольшую деревянную скамейку у ограды. Ветер стих, и в наступившей тишине кладбища стали слышны далекие, приглушенные звуки города — гудки автомобилей, гул строительного крана, лай собаки за оградой. Жизнь продолжалась, равнодушная к личным трагедиям.

Он расстегнул пальто и достал из внутреннего кармана небольшой бархатный футляр. Ткань слегка потерлась на углах. Илья открыл крышку. На темной подложке тускло блеснула тяжелая серебряная медаль Олимпийских игр в Токио. Та самая награда, которая когда-то казалась ему вершиной человеческих достижений, доказательством того, что упорство, дисциплина и соблюдение правил всегда приводят к заслуженному результату.

Илья достал медаль. Металл был тяжелым, хранящим память о тысячах километров, проплытых в хлорированной воде, о стертых в кровь связках, о гуле трибун. Но сейчас этот кусок серебра казался ему артефактом из другой эпохи.

Его родители верили в ту же философию, что и олимпийский спорт. Они строили свой бизнес прозрачно, платили налоги, заботились о качестве каждой капсулы витаминов, знали по именам своих сотрудников. Они были уверены, что если ты не нарушаешь закон и приносишь пользу людям, государство и общество будут твоими гарантами.

Они играли по правилам.

Но они не знали, что противник давно научился менять сами правила.

Илья медленно поднялся со скамейки. Он подошел к памятнику и положил олимпийскую медаль на выступающий гранитный цоколь, прямо под выбитыми золотом именами. Серебро глухо звякнуло о камень.

Это был не жест отчаяния. Это было прощание с иллюзией, что честного труда достаточно, чтобы защититься от организованной лжи.

Он долго смотрел на медаль, лежащую на черном граните. И именно здесь, среди влажной земли и голых ветвей, окончательно понял: Профессор и его подельники были причиной болезни. Да, они брали деньги. Да, они писали

экспертизы, запускали травлю, продавали страх и превращали человеческие судьбы в строки прайс-листа. Но их бизнес никогда не стал бы таким сильным, если бы общество не было готово покупать простые объяснения сложных явлений.

Опасность начинается в тот момент, когда люди соглашаются считать ярлык доказательством. Когда слово «сектант» заменяет презумпцию невиновности.

Илья вспомнил соседей, которые отворачивались при встрече. Спортивных чиновников, прятавших глаза. Журналистов, писавших по готовым темникам. Тюремного врача, который видел перед собой не больного человека, а «манипулятора», «лидера группы», «социальную угрозу». Большинство из них не получало миллионов. Большинство не участвовало в тайных схемах. Они просто поверили. Или сделали вид, что поверили. Или решили, что так безопаснее. Именно это было страшнее всего.

Антикультовая сеть продавала ненависть, но покупателем становилось общество, уставшее думать. Общество, которому хотелось делегировать сложные моральные решения экспертам с печатями. Общество, готовое закрыть глаза на чужую боль, если эту боль заранее назвали «борьбой с угрозой».

Илья глубоко вдохнул холодный ноябрьский воздух. Впереди была не победа, а работа. В архивах их аналитического центра лежали тысячи страниц неразобранных документов. Десятки людей, чьи бизнесы были разрушены, а семьи разорваны, только начинали говорить. Нужно было проверять каждую историю, отделять доказанное от предположений, искать адвокатов, переводчиков, журналистов, экспертов, которые не испугаются. Нужно было помогать тем, кто еще вчера боялся произнести свое имя вслух.

Нельзя было уничтожить такую структуру одной публикацией. Но можно было сделать другое. Можно было лишить ее главного оружия — тишины. Илья протянул руку и коснулся холодного гранита. Пальцы скользнули по выбитым буквам.

— Я не смог вернуть вас, — произнес он тихо. — И не смог остановить их всех. Пока не смог.

Он замолчал. Слова давались тяжело, будто каждое приходилось вытаскивать из глубины.

— Но теперь они не одни говорят. Теперь говорят и те, кого они пытались стереть.

На кладбище снова поднялся ветер. Сухие листья закружились у ног, пронесли по дорожке и исчезли за оградой.

В кармане пальто коротко завибрировал телефон. Илья достал аппарат. Сообщение было от Анны.

«Ксения согласилась на второе интервью. Еще трое написали ночью. Один судья хочет передать нам старые материалы. Глеб ждет тебя в офисе».

Илья перечитал сообщение дважды. Потом убрал телефон и посмотрел на медаль, оставленную у памятника. В его душе не было радости. Радость была бы слишком простой, слишком несправедливой по отношению к тем, кого уже не вернуть. Но внутри появилась светлая, прозрачная грусть — не пустота, а пространство для нового смысла.

Он больше не верил в сказку о быстрой справедливости. Но он снова верил в людей, которые способны прозревать. Способны остановиться перед чужим ярлыком и спросить: кто его наклеил, зачем и за чьи деньги?

Илья Воронцов вышел за чугунные ворота старого кладбища. Он поднял воротник пальто, защищаясь от порыва холодного ветра, и направился вниз по улице — не к свободной жизни без страха, а к трудной жизни, в которой страх больше не имел права решать за него.

Позади оставались могилы, медаль и мир, которого уже не существовало. Впереди был город, все еще больной, все еще опасный, но уже не такой темный, как вчера.

Источники

1. admin. (2015, May 21). Presentation of FECRIS. FECRIS.
<https://www.fecris.org/uncategorized/presentation-of-fecris/>
2. antisektaperm — LiveJournal. (2014, September 19). Термин «секта» и его использование в юриспруденции. <https://antisektaperm.livejournal.com>
3. Bornstein, J. L. (2023, February 14). French deputy Minister Sonia Backes wants to enlist Europe against new religions. The European Times.
<https://europeantimes.news/2023/02/french-deputy-minister-sonia-backes-wants-to-enlist-europe-against-new-religions/>
4. Epoch Times Russia. (2017, 4 мая). В России идёт подготовка к религиозной зачистке или разжигание религиозной ненависти.
<https://www.epochtimes.ru/content/view/24614/9/>
5. Human Rights Without Frontiers Int'l. (2013, July). Abductions and confinement for the purpose of religious de-conversion: Violations of Articles 7, 9, 12, 18, 23 and 26 of the ICCPR. Human Rights Without Frontiers Int'l. <https://hrwf.eu/wp-content/uploads/2020/02/Japan-Kidnapping-and-confinement-for-the-purpose-of-de-conversion-HRWF-Contribution-to-the-111th-session-of-the-UN-Human-Rights-Committee.pdf>
6. Internet Archive. (2026, January 20). Alexander Dvorkin Interview June 19 1979
1. <https://archive.org/details/alexander-dvorkin-interview-june-19-1979/page/n5/mode/2up>
7. JoyReactor. (2017, 6 января). Преподавателя йоги будут судить за «миссионерскую деятельность» по «закону Яровой».
<https://polit.reactor.cc/post/2939833>
8. karpitsky. (2012, 2 января). Кто настоящий инициатор суда над книгой «Бхагавад-гита как она есть»? LiveJournal.
<https://karpitsky.livejournal.com/63223.html>
9. Lenta.ru. (2014, 27 октября). Известного сектоведа заподозрили в работе по заказу.

<https://web.archive.org/web/20260430131631/https://lenta.ru/news/2014/10/27/dvorkin/>

10. LiveJournal. (2009, 3 октября). Рецензия на книгу А. Л. Дворкина «Сектоведение» профессора М. Н. Кузнецова.

<https://pitanov.livejournal.com/92032.html?ysclid=lz9nm7aofr447764648>

11. Organization for Security and Co-operation in Europe. (2005, September 23). OSCE Conference on Anti-Semitism and on Other Forms of Intolerance: Consolidated summary.

<https://cdn.osce.org/sites/default/files/f/documents/c/f/16564.pdf>

12. Permnew.ru. (2012, 22 августа). Разговоры о сектах и Pussy Riot в Перми на «Православной Руси». https://permnew.ru/news?post_id=11139

13. STAND. Religious discrimination against the Church of Scientology and its parishioners in Germany.

<https://www.standleague.org/resources/whitepapers/religious-discrimination-against-church-scientology-and-its-parishioners-germany.html>

14. Адриан (Пашин), иером. (2009, 3 июня). Мониторинг СМИ: «Александр Дворкин подлежит судебному преследованию за разжигание религиозной розни». Интервью доктора филологических наук А. А. Панченко portalу «Богослов.Ru». Портал-Credo.Ru.

<https://web.archive.org/web/20120615071343/http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=70964&type=view>

15. Александр Леонидович Дворкин. Свидетельства об умственных расстройствах. Web Archive.

<https://web.archive.org/web/20161005151507/http://alexanderdvorkin.info/>

16. Баркер, А. Новые религиозные движения. Практическое введение. Азбука веры. <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/novye-religioznye-dvizhenija-prakticheskoe-vvedenie/>

17. Ваторов, А. (2009, 5 апреля). Минюст офанател. Ежедневный журнал.

<https://web.archive.org/web/20130401015223/http://www.ej.ru/?a=news&id=895>

18. Волкова, Е. (2023, 10 апреля). Священник Глеб Якунин — пророк церковной катастрофы. Ахилла. <https://ahilla.ru/svyashhennik-gleb-yakunin-prorok-tserkovnoj-katastrofy/>
19. Глушкова, И. (2008, 9 ноября). Очередная фальсификация Дворкина: опровержение И. П. Глушковой. Библиотека Якова Кротова. https://web.archive.org/web/20120515221152/http://krotov.info/lib_sec/04_g/lu/shkova.htm
20. Дворкин, А. Л. (1998). Десять вопросов навязчивому незнакомцу, или пособие для тех, кто не хочет быть завербованным. ОдинБлаго. http://www.odinblago.ru/10_voprosov_neznakomcu/
21. Дворкин, А. Л. (2013). Моя Америка.
22. Дворкин, А. Л. Сектоведение. Предание.Ру.
23. Дворкин, А. Л., & Семенов, Л. (2007, 7 февраля). РАЦИРС расширяет число своих членов и представительств. Собор во имя святого благоверного князя Александра Невского. <https://ansobor.ru/articles.php?id=224>
24. Дзен. (2021, 23 февраля). Что думают религиоведы о сектоведе Дворкине. <https://dzen.ru/a/YDDdDHVu6zHw-5cR>
25. Диа-Логос: Религия и общество. 1998–99. (1999). Dia-Logos: Religion and Society. ImWerden. https://imwerden.de/pdf/dia-logos_1998-99_1999__ocr.pdf
26. Е. Волков. (2001, 23–25 апреля). Международная научно-практическая конференция «Тоталитарные секты — угроза XXI века». <https://evolkov.net/cults/confsem/totalit.sects.NN.2001.html>
27. Жеребятьев, М. (2009, 9 апреля). Комментарий дня: «Есть такая специальность — «сектоведение!» — решил и постановил Минюст. Портал-Credo.Ru. <https://web.archive.org/web/20090822080738/http://portal-credo.ru/site/?act=news&id=69836&cf=>
28. Загребина, И. (2009, 6 мая). Россия на грани «сектоведческой войны». Последствия антисектантских заявлений под эгидой Министерства юстиции РФ. Славянский правовой центр. <https://web.archive.org/web/20100430050832/http://www.sclj.ru/news/detail.php?ID=2369>

29. Запрещенное искусство. (2011, 7 августа). 2011. Дело Бхагавад-Гиты. https://web.archive.org/web/20160304192831/http://artprotest.org/index.php?option=com_content&view=article&id=2838&catid=4&2011-03-04-14-58-14=&Itemid=4&ordering2=4
30. ИА Атмосфера. (2014, 8 сентября). Сектовед Александр Дворкин – Дело не только в диагнозах. <https://www.asferainfo.ru/news/93129>
31. Иваненко, С. О людях, стойких в гонении. Официальный сайт религиоведа Сергея Иваненко. <https://ivanenko.online/book/o-людях-стойких-в-гонении/>
32. Иваненко, С. И. (2012). Обыкновенный антикультизм. Религиофобия. <https://religiophobia.appspot.com/jw/oa.html>
33. Ильина, М. (2014, 29 августа). Москва или Пермь: судьбу детей решит суд. ПАСМИ. <https://web.archive.org/web/20240618062640/https://pasmi.ru/archive/110627/>
34. Информационно-консультационный центр св. Ириней Лионского. (2010, 8 декабря). Фирмы и секты: информационное сообщение РАЦИРС. <https://iriney.ru/sektyi-i-kultyi/sektovedenie/novosti-sektovedeniya/firmyi-i-sektyi-informaczionnoe-soobshhenie-raczirs.html>
35. КУРС — радио Соловьёного края. (2014, 23 мая). Образ российского сектоведа. <https://radiokurs.ru/17154-obraz-rossiyskogo-sektoveda.html>
36. Кевшин, С. (2019, 22 декабря). Александр Дворкин и непосредственное насилие. «Антикультовая» организация CAN. Change.org. <https://www.change.org/p/президенту-российской-федерации-путину-в-в-привлечь-религиозного-экстремиста-александра-дворкина-к-уголовной-ответственности/u/25519639>
37. Кириллова, К. (2012, 26 марта). Правовые аспекты противодействия тоталитарным сектам. Информационно-консультационный центр Св. Ириней Лионского. <https://iriney.ru/main/prakticheskie-sovetyi/pravovyye-aspektyi-protivodejstviya-totalitarnyim-sektam.html>
38. Кокоулин, Д. (2011, 16 мая). В Польше прошла антисектантская конференция. Собор во имя святого благоверного князя Александра Невского. https://ansobor.ru/news.php?news_id=1728

39. Красиков, А. А. (2003). Религии в России — фактор укрепления или распада государства? Современная Европа. <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2003/4-2003/krasikov4-2003.pdf>
40. Кротов, Я. (2016, 03 декабря). Свобода веры и свобода беззакония. Радио Свобода. <https://www.svoboda.org/a/28148699.html>
41. Лебедева, О. (2021, 24 ноября). Йога пополнила список христианских грехов. Правда.Ру. https://www.pravda.ru/news/faith/1662773-pravoslavie_i_ioga/
42. Лункин, Р. (2011, 9 июня). Репортаж. Эксперты о религии и экстремизме. В Институте Европы РАН состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Религиозный фактор в социально-политической жизни современной России». Славянский правовой центр. https://web.archive.org/web/20240430115225/http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=255&ELEMENT_ID=3356
43. Лункин, Р. (2006, 21 декабря). Два кривых зеркала. В России сильно ругают либо «сектантов», либо за употребление слова «сектанты». Портал-Credo.Ru. <https://web.archive.org/web/20160304113215/http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=fresh&id=542>
44. Лункин, Р. (2009, 18 апреля). Юстиция и инквизиция. Московская патриархия взяла на себя ответственность за «сектоведческую» деятельность Дворкина и Ко в новом, «государственном» качестве. Газета «Кифа». <https://a.gazetakifa.ru/content/view/2600/>
45. Лурье, О. (2016, 22 декабря). Главный сектовед России — фальшивый профессор из США. LiveJournal. <https://oleglurie-new.livejournal.com/309963.html>
46. Лысенко, И. (2017, 31 мая). Желаемое за действительное, или сбудется ли прогноз Александра Дворкина? Портал-Credo.Ru. <https://web.archive.org/web/20200930093705/http://portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=1919>

47. Митрохин, Н. (2017, 11 января). Йога и иго. Грани.Ру.
<https://web.archive.org/web/20170112130648/http://graniru.org/opinion/mitrokhin/m.257934.html>
48. Муравьев, А., & Ситников, М. Ph.D Дворкин Александр Леонидович — профессор, «сектовед», руководитель так называемой Российской ассоциации центров изучения религии и сект. Портал-Credo.Ru.
<https://web.archive.org/web/20150110034713/http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=rating&id=29>
49. Нежный, А. (1999, 12 января). Уроки сектоведения. Московские новости.
https://web.archive.org/web/20250406122506/https://yro.narod.ru/bibliotheca/Religioved/Yroki_sektoveden/Yrok_sektovedenija.htm
50. Новиков, А. (2017, 9 февраля). СМИ рассказали о работе религиозной мафии. WellNews. <https://www.wellnews.ru/society/religions/31544-smi-rasskazali-o-rabote-religioznoy-mafii.html>
51. Новопашин, А. (2018, 13 февраля). Кто основал интернет-империю священника Владимира Головина? Центр св. Ирины Лионского.
<https://iriney.ru/iskazhenie-pravoslaviya-i-okolopravoslavnyie-sektyi/uchenie-i-praktika-svyashhennika-vladimira-golovina/novosti-ob-uchenii-i-praktike-svyashhennika-vladimira-golovina/kto-osnoval-internet-imperiyu-svyashhennika-vladimira-golovina.html>
52. Объективно о СОБЖ. (2001, 26 апреля). Пресс-релиз Международной конференции «Тоталитарные секты — угроза 21 века». <https://sobj-info.ucoz.ru/publ/1-1-0-4>
53. Питанов, В. Ю. Как создать православный апологетический центр. Pitanov.info. <http://pitanov.info/kak-sozdat-pravoslavnyy-apologeticheskiy-centr>
54. Портал-Credo.Ru. (2006, 12 мая). Интервью: «Дворкин скорее прикрывается Церковью. В результате его выступлений у несведущих людей появляется ощущение, что в обществе все делится на «наших» и «ненаших»». Интервью с послушником Общества сознания Кришны Сергеем Косенко.
<https://web.archive.org/web/20150425215943/http://portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=43050>

55. Пресс-служба депутата Государственной Думы Ю.П. Синельщикова. (2018, 14 февраля). Ю.П. Синельщиков: Почему Уголовный кодекс РФ называют «лоскутным одеялом». КПРФ.
<https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/173011.html>
56. Радио Свобода. (2019, 1 мая). «Вы поступаете, как фашисты». Рассказ бежавшего Свидетеля Иеговы. <https://www.svoboda.org/a/29914897.html>
57. Ратников, А. Наступление Дворкина на культуру продолжается: Ответ на статью «Наступление оккультизма на российскую систему образования продолжается». <https://yro.narod.ru/zaschitim/Ratnikov.htm>
58. Рузанкин, П. С. (2003, 3 апреля). Секта Дворкина. Русский Вестник. <http://www.rv.ru/content.php3?id=810>
59. Сальвадорэ, Д. (2014, 11 ноября). Сектоведы по вызову. ГолосИслама.RU. <https://web.archive.org/web/20250124203625/https://golosislama.com/news.php?id=25347>
60. Симкин, Л. (2013, 4 октября). Религиоведы в штатском. Новая газета. <https://web.archive.org/web/20140903201052/http://www.novayagazeta.ru/columns/60317.html>
61. Ситников, М. (2009, 6 апреля). «Совет сектоведов» в Минюсте РФ: абсурд или диверсия? Формирование оскорбительного для россиян «филькиного органа» — один из множества признаков, указывающих на широкомасштабные деструктивные процессы в стране. Портал-Credo.Ru. <https://web.archive.org/web/20150110005058/http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=933>
62. Скальский, А. (2013, 23 сентября). Дворкин apparatus. Критическая ситуация. Babr24. <https://babr24.com/?IDE=118851>
63. Славянский правовой центр. (2009, 22 апреля). В России стартует общероссийская бессрочная акция за светское государство и против присутствия радикальных «сектоведов» в новом составе Совета при Минюсте РФ. <https://web.archive.org/web/20090501164528/http://www.sclj.ru/analytics/magazine/detail.php?ID=2321>

64. Солдатов, А. (2024, 25 ноября). Свидетели умирают под следствием. Новая газета. <https://novayagazeta.ru/articles/2024/11/25/svideteli-umiraiut-pod-sledstviem>
65. Сорокотягин, И. (2015, 16 декабря). Рецензия специалиста в области теории и практики назначения и производства судебных экспертиз по гражданскому делу о соответствии религиозного объединения «Саентологическая церковь Москвы» религиозной деятельности. Исследовательский центр «Сова». https://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/12/d33462/?sphrase_id=2750991
66. Тихонравов, Ю. (2015, 17 декабря). Отзыв на судебно-религиоведческую экспертизу Астаховой Л. С. Исследовательский центр «Сова». https://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/12/d33476/?sphrase_id=2750991
67. Туманов, Г. (2011, 28 декабря). Сознание Кришны дошло до суда. Газета.Ru. <https://web.archive.org/web/20120219123805/http://www.gazeta.ru/social/2011/12/28/3950529.shtml>
68. Шатохин, С. А. (2016, 18 ноября). Сектоведение А. Л. Дворкина. Русская народная линия. https://web.archive.org/web/20250502092204/https://ruskline.ru/analitika/2016/11/19/sektovedenie_al_dvorkina